

козельское общество
русских литераторов

**60 ЛЕТ
ПОБЕДЕ**

специальный выпуск

Альманаха

«ЗЛОЙ ГРАД»

Козельск
2005

Специальный выпуск

альманаха

«ЗЛОЙ ГРАД»

2005

Редакционная коллегия:

*Владимир ИЛЬИН - главный редактор, Сергей
ТЕСМИН - верстка, Галина СЕРГЕЕВА - составление.*

Специальный выпуск альманаха, посвящен 60-летию Победы русского народа в Великой Отечественной войне. В сборник вошли воспоминания ветеранов, написанные ими самими или собранные козельскими краеведами, сочинения козельских авторов и учащихся школ, посвященные подвигу русского народа в войне.

© Козельское общество русских литераторов. 2005

Предисловие

В Козельске издревле пересекались ратные пути России. Татары, княжеские междоусобицы, поляки, французы — все стремились ухватить что-то своё от тела Матери-Родины. И для многих из них Козельск становился «злым градом», воинской крепостью, стены которой окроплялись не только кровью её защитников, но и врагов Руси.

В сороковых годах прошлого века наша Родина в который раз пережила нашествие варваров. На этот раз — это были полчища объединённой Европы во главе с германским национал-социализмом. И вновь вокруг Козельска разыгрались военные действия, вновь он стал воинским форпостом России. Недолго козельский край был оккупирован, скоро русская армия освободила родные жиздринские холмы, но и в дальнейшем, во всё время военного лихолетия козельчане воевали с врагом в рядах родной армии, восстанавливали жизнь, разрушенную фашистами, растили новое поколение потомков древних воинов-вятичей.

Наш сборник разделён на три части: «Победители» (ведь ветераны есть и в Германии, а Победители — только в России), «Дети» (дети Победителей) и «Внуки» — нынешние школьники, те, в которых любовь к Родине только просыпается.

В первой части представлены воспоминания наших воинов-победителей, записанные ими или с их слов.

Во второй — сочинения козельских писателей и поэтов, посвящённые подвигу отцов, а в третьей — сочинения школьников, размышления детей и подростков о героической судьбе Родины.

Надеемся, наш сборник будет интересен всем землякам!

Сергей ТЕСМИН.

**60 ЛЕТ
ПОБЕДЕ**

ПОБЕДИТЕЛИ

660 дней оккупации

Родился я 20 января 1930 года в районном центре Хвастовичи Калужской области. В то время наше административное село относилось к Западной области, немного погодя к Орловской, а в 1944 году вошло во вновь созданную Калужскую область.

Иван ШАЛЫГИН
в 1947 году.

Во время Великой Отечественной войны на территории Хвастовичского района происходили значительные события — действовал местный партизанский отряд, шли бои при отступлении из Брянска частей 50-й армии в октябре 1941 года. Некоторые подразделения этой армии, идя из Брянска в сторону Тулы, завязли в болотистой пойме реки Ресеты и понесли большие потери. Хотя, если бы они проходили по прямой: Хвастовичи - Ульяново - Козельск - Белёв, то удалось бы миновать болото. Кстати, немцы наступали к северо-востоку именно по этому пути.

Освобождала нас Красная Армия во время боев на Курской дуге в 1943 году. Линия фронта при наступлении наших войск передвигалась не слишком быстро. Более месяца длились бои на территории района, освобождалось село за селом. Но это были уже не села — от них остались только остовы печей сгоревших домов. Перейдя на пограничную территорию Брянской области, еще месяц бились за Брянск, кошмарная жизнь населения района продолжалась. И я был свидетелем всего этого.

Четыре раза через наше село с боями прокатился фронт — отступление советских войск, наступление и

отступление врага, наконец, наступление наших, принесших нам освобождение от оккупации. А внутри фронтов за два года — трагедия деревень Долина, Рессета, поселка Еленский, сожжённых вместе с жителями. Это аналогично Побужской трагедии в Козельском районе. Но узнала страна о наших деревнях позже на два года. И уже не удивлялась, так как это уже было массовым действием озверевшего врага, который при отступлении на всём своём пути сжигал и взрывал населенные пункты. Из 29 больших сел, являвшихся центрами сельсоветов нашего района, сожжено дотла 23. Из полутора сотен малых деревень сгорело более сотни. Без крыши над головой осталось 90 процентов населения района.

Мне было 11 лет, когда началась война. В октябре оккупанты дошли до нас. В 1943 году, когда их выгнали, мне стало 13, и с этого возраста начался мой трудовой стаж. До войны успел окончить начальную школу — 4 класса, что тогда считалось немалым образованием. Дальше учиться пришлось в школах рабочей молодежи и заочно в других учебных заведениях.

Общий трудовой стаж более 45 лет. Профессиональные навыки использую и сейчас. Являюсь постоянным автором районной и областных газет. И центральная печать изредка помещает мои заметки с экономическими наблюдениями, анализом, прогнозами в области экономики. За свой труд и активность в общественной работе отмечен правительственными наградами, Почетными грамотами.

Несмотря на прошедшие годы, помнится каждый из 1418 дней войны и особенно 660 дней оккупации, где каждый день был риск погибнуть, так как территория района была прифронтовой по линии фронта Ульяново - Думиничи - Жиздра.

Хвастовичский гарнизон немцев часто бомбил советские самолеты. Но ведь тут же жили и мы, мирные жители. В одну из майских ночей 1942 года была

сброшена большая бомба, упавшая в огород позади нашего дома. От посевов на огороде ничего не осталось, только очень глубокая воронка. Сила взрыва разметала все надворные постройки позади нашего и соседнего домов. Русская печь в хате осела. Задняя стена дома была прошита осколками. Крыша иссечена вся, как решето.

Мы с трехлетней сестрицей спали на кровати у передней стены. Взрывной волной нас сбросило на пол и контузило. Родители вынесли нас на улицу и прикопали землей, как прикапывают пораженных молнией. Контузия отошла, и мы остались целы.

А были еще ночные бомбёжки нашими «кукурузниками» с женскими экипажами. Хотя мы и приветствовали их полеты, приближающие освобождение от врага, но попутно доставалось и нам. А так как было лето, на ночь население уходило из села в овраги, лес. Немцы тоже хитрили, и на ночь располагались неподалеку от нас за околицей села.

Хата моих родителей сгорела от ночных зажигалок, сбрасываемых самолетами. И вся наша улица сгорела в эту же ночь. Это произошло за два месяца до общего пожара в Хвастовичах, и тем самым сравнялись друг с другом все жители села.

Был еще случай прямой угрозы жизни нашей семьи. За день до освобождения попали под обстрел артиллерии. Мы, несколько семей, при утоне нас на Запад, пройдя 12 километров от Хвастовичей, сбежали из колонны и укрылись в кустах на окраине большого села Подбужье.

Все село было сожжено дотла, лишь старинные здания участковой больницы остались. У кирпичных стен укрывалась батарея немецких пушек, её и засекли наши артиллеристы, которые обстреливали позиции противника. Снаряды рвались во дворе больницы и только чудом не долетали до нас — мы укрывались в ямах и за буторками земли. Нас было полсотни человек — детей с родителями.

Мы обреченно переживали. И какова была наша радость, когда утром увидели наших советских солдат. Немцы удрали до рассвета.

Взрывы грохотали беспрерывно всю недолгую ночь 9 августа 1943 года.

Ну, и еще раньше, за два года до этого, смерть кружила над нами, когда немецкие танки ворвались в Хвастовичи. Наш дом стоял на окраине центральной площади села, где располагались здания районных учреждений и организаций. Первый удар немцы нанесли по этим зданиям, и они все сгорели. До нашего дома долетали пули и осколки снарядов. А в это время мать, отправив нас в погреб, сама выбрасывала из дома вещи в огород, а потом спустилась к нам.

Труженики тыла относятся к поколению победителей. Это о наших заслугах в годы войны Маршал Победы Г.К. Жуков сказал: «Тыл — это половина победы, даже больше». Весь наш народ, не покладая рук, дни и ночи трудился для фронта, для победы.

И как бы в насмешку нынешние правители наши заслуги на трудовом фронте оценили тремя-двумя сотнями рублей в месяц вместо льгот. Как говорится, обжегорили.

*И. ШАЛЫГИН,
ветеран войны и труда.
г. Козельск.*

Этот парад Победы

По рождению я козельчанин. Но и калужанин тоже. В тридцатые годы с родителями жил в Калуге, где с 1 по 10 классы учился в средней школе №3. Затем был призван на флот.

Навсегда остался в моей памяти день 17 октября 1942 года, когда морские пехотинцы Северного флота, в их составе был и я, вступили в жесточайшее сражение за Сталинград. В октябре меня тяжело ранило и контузило.

После излечения снова фронт, передовая. Освобождал Белоруссию, Польшу. 9 мая 1945 года встретил в Померании (Германия), в поселке Хенкенхаген. Имею награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медаль «За боевые заслуги». Такова краткая моя биография. Сейчас живу в Козельске. В конце дня 7 мая раздался телефонный звонок.

— Александр Георгиевич? Здравствуйте!

По голосу узнаю товарища из совета ветеранов Северного флота.

— У вас есть желание в качестве гостя 9 мая присутствовать на параде на Красной площади?

— Желание-то, конечно, есть. Но это из мира фантастики.

— Тогда вам обязательно надо быть в Москве 8 мая в 15 часов, а 9 мая в 7 часов утра — у метро «Кузьминки». Пункт сбора — драматический театр. Там получите приглашение.

Минуту размышляю — шутка, что ли? Или на самом деле Москва улыбается и зовет нас. И все же решил — поеду. Уж очень заманчиво, как в сказке.

Рано утром 8 мая я был на Козельском автовокзале. Дежурная — приветливая и, я бы сказал, обаятельная Лида Сухорукова сажает меня в автобус Козельск-Москва. Но на остановке в Калуге решил ехать до Москвы электричкой.

В 6 часов 45 минут 9 мая я был в Кузьминках. У драмтеатра много ветеранов при всех регалиях, орденах и медалях. Получаю пригласительный билет на военный парад, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, и в путь.

На Варварке выходим из автобуса, проходим проверку документов. Вот она, знакомая с детства Красная площадь. Трепещут душа и сердце. Проходим Спасские ворота, впереди багровые кирпичи Исторического музея, справа здание ГУМа, слева — Кремлёвская стена. Брусчатка площади греет ноги. Это по ней 7 ноября 1941 года шагали воины, уходя на фронт с клятвой: «Мы не дрогнем в бою за столицу свою. Нам родная Москва дорога». Кто остался жив с того легендарного парада, сегодня на Красной площади.

Походка ветеранов спокойная, неторопливая. Кого-то поддерживают под руку. Вот и центр Красной площади. Слева Мавзолей В.И. Ленина, задрапированный огромными плакатами и лозунгами Великой Победы.

Впереди установлен столик с микрофоном. Отсюда Президент Российской Федерации В. Путин произнесет речь. Здесь все идущие задерживаются, смотрят, вспоминают. В жизни каждого человека бывают такие моменты, которые остаются в памяти на всю жизнь.

Вот моя, как указано в приглашении, нечётная 13-я трибуна между Мавзолеем и Историческим музеем. Ряд 6-й, место 4-е. На нашей трибуне 10 героев Советского Союза, один полный кавалер ордена Славы. И как было радостно видеть на празднике вместе ветеранов всех национальностей. Мы же воевали за нашу Победу все вместе. Справа от меня седая женщина-украинка пока-

зывает памятную украинскую медаль «60 лет Победы». Почти как российская, но все же украинская.

С пасмурного неба закапал дождик. Над головами раскрылись зонтики. Впереди меня генерал-майор говорит: «Как в 1945 году на Параде Победы. И тогда был дождь».

Ближе к 10 часам ветер сносит тучи, набегают белые облака. Дождик прекращается.

Раздаются звуки фанфар. На Красную площадь выносят Знамя Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Министр обороны Российской Федерации С. Иванов объезжает выстроившиеся на площади войска, приветствует и поздравляет их с праздником. Докладывает Президенту Российской Федерации – Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами России о готовности войск к военному параду.

Президент В. Путин обращается к ветеранам, войскам и гостям с торжественной речью. Войска произносят троекратное «Ура!». Сводный оркестр исполняет Государственный Гимн Российской Федерации, и одновременно производится артиллерийский салют.

Начинается историческая часть парада. Выносятся Государственный Флаг Российской Федерации, Знамя Вооруженных Сил, знамена частей и соединений, наиболее отличившихся в годы Великой Отечественной войны. Далее торжественным маршем проходят роты, символизирующие виды и рода войск Великой Отечественной войны, четкой рысью проскакал кавалерийский эскадрон в исторической форме. И вдруг на удивление всем движется колонна военнослужащих с собаками. Собаки идут чинно, уверенно, с задранными хвостами – примета хорошего настроения.

Проезжают 10 автомобильных колонн с ветеранами Великой Отечественной войны, по 20 человек в каждом автомобиле. Колонны проходят под штандартами

10 фронтов в последовательности, аналогичной Параду Победы 1945 года.

Современная часть парада обозначилась прохождением торжественным маршем личного состава воинских частей и военно-образовательных учреждений всех видов и родов войск Вооруженных Сил РФ.

Над площадью молниеносно проносятся две группы боевых самолётов.

В завершение парада сводный оркестр и хор ансамбля имени А. Александрова исполнили песню «День Победы».

Сию на трибуне и думаю: «Это смотрят по телевизору в Козельске, Калуге, а здесь всё наяву, эмоции бьют через край!».

Очень и очень близко, совсем рядом (6-й ряд трибуны) проходят президенты России и США с жёнами, главами стран СНГ и других государств. Они идут возложить венки к могиле Неизвестного солдата, что в Александровском саду.

Всех нас пригласили на праздничный приём и концерт. К нашей группе ветеранов подошел президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Мы рассказали, что в 92-й морской бригаде в битве за Сталинград сражался снайпер-казах Назарбаев, на счету которого более 60 фашистских солдат.

Все, что было сделано в этот день для нас, ветеранов, не забудется до конца жизни.

*А. ЗОТОВ,
старший лейтенант в отставке,
ветеран войны и труда.*

Война мне снится до сих пор

Великая Отечественная война никогда не уйдет из памяти тех, кто ее видел, выстрадал, потеряв родных и близких, да и сам на всю жизнь утратил здоровье.

Так произошло со мной, девочкой двенадцати лет. Я с родителями, сестрами и братом жила в городе Лихвине Тульской области в поселке кирпичного завода. Папа работал директором завода, мама была домохозяйкой. Сестра Вера была замужем, жила в Суворове. Людмила работала в аптеке фармацевтом, брат Сергей - на радиоузле. Сестра Мария училась в 7-м классе, я - в 5-м, а нашей малышке Валентине было четыре годика. Жили спокойно, имели корову, поросенка, кур.

Где-то в первых числах апреля 1941 года папу, офицера, отозвали из запаса. А 24 июня ушли на фронт сестра Людмила и брат Сергей. Ушли и больше не вернулись. Людмила, врач, лейтенант, погибла в войне с Японией, Сергей, танкист, пропал без вести.

...Немцы ворвались в наш город внезапно, на мотоциклах. Побили кур, поросенка, корову не тронули.

Все, что пришлось пережить в оккупации, я не могу описать без слез. Никогда не забуду день 6 ноября. Нас, жителей, немцы сгоняли в центр города, крича: «Площадь, площадь!». Никто не знал, зачем. Привели молодого красивого паренька, худенького, опоясанного патронташем, с винтовкой на плече, без шапки. Это был Саша Чекалин. Его подвели к виселице. Немцы что-то бормотали, и вдруг заговорил Саша: «Вы меня сейчас повесите, но всех не перевешаете! Победа будет за нами!

Да здравствует Сталин!». И запел песню «Орленок». В толпе две девушки тоже пели и плакали, люди говорили, что они тоже партизанки. Жизнь Саши оборвалась на словах: «И нас миллионы таких!».

Как выяснилось, его выдал сосед-предатель. Саша пришел в пустую хату деда, затопил печь, чтобы обогреться, сосед увидел и привел немцев. Саша бросил гранату, но она не взорвалась, и его схватили. После войны город Лихвин переименовали в город Чекалин.

За три дня до наступления наших войск немцы забрали всех мужчин, невзирая на возраст. И у нас в поселке увели 67-летнего больного Ивана Никитича Купцова, его сына Михаила 16 лет и Владимира Соколова 16 лет.

Немцы предчувствовали отступление. У нас на чердаках установили пулеметы, сложили боеприпасы. В квартирах завалили входные двери, чтобы мы не могли выйти. Коров выгнали к Оке. Наш поселок кирпичного завода был для них хорошим наблюдательным пунктом. Он на взгорье, Ока внизу, за ней видны станция Черепеть, Краинка. Как мы узнали позже, наши войска вели беспрерывные наступательные бои. Командир разведки, переодевшись в штатское, встретив предателя, спросил: «Есть ли здесь немцы?». Тот сказал: «Нет». И разведка во главе с командиром вступила в неравный бой. 39 человек погибли, командир остался жив. С предателем он расквитался.

Когда все стихло, немцы открыли двери, крича: «Вон, вон!». Мы второпях, кое-как оделись, младшую сестренку Валью завернули в теплое одеяло. Немцы нас построили в шеренгу и повели ко рву через кладбище. Довели до рва, приказали: «Ложись!». И не отошли, пока все не легли.

Когда вспоминаю пережитое, у меня льются ручьем слезы, но тогда не плакали ни взрослые, ни дети. Сколько мы пролежали на снегу, трудно сказать. И вдрут

началось такое, упаси Бог. Наши наступали полной артиллерией, немцы ответа не давали, они бежали. К вечеру город заняли наши войска.

На следующий день началась бомбежка, самолеты летали, чуть не задевая крыши домов. Сестра Мария, я и мама с Валею на руках стояли под навесом. Меня отшвырнуло ударной волной, засыпало землей со снегом. После отбоя военные собирали убитых и раненых. Меня обнаружили потому, что на валенки были надеты калоши. Спасибо всем солдатам, врачам, сестрам, кто сохранил мне жизнь!

Когда я поправилась, мы ушли в Южно-Ватцевское лесничество, где ждали возвращения папы. Я работала в конторе уборщицей, а летом приходилось заготавливать бересклет, пилить дрова, собирать желуди. Платили, конечно, мало, но давали паек. Зимой ходила в школу в село Березово за 5 километров. В 1944 году сестру Марию взяли в ФЗО на ткацкую фабрику в Баку. Она до сих пор живет там: вышла замуж, родила троих детей. Раньше, когда был СССР, мы с ней разговаривали по телефону, поздравляли с днем рождения, а теперь только переписываемся.

После войны папа увез нас на станцию Шепелево, строились шахты в Сосенском. От них до Шепелева строили железную дорогу. Папа работал начальником Лестрансхоза Московско-Курской железной дороги, я работала статистиком.

Когда строительство закончилось, мы переехали в Козельск. Я поступила работать на механический завод. Здесь встретилась с отличным парнем-фронтовиком Семеном Маркиным, который стал моим мужем. Более 47 лет прожили мы вместе. Построили свой домик. Вырастили пятерых детей. Трое получили высшее образование, двое овладели рабочими специальностями. Несмотря на свою занятость по дому, на службе, я вела общественную работу. Три созыва подряд избиралась

депутатом Калужского областного Совета депутатов трудящихся. Участвовала в художественной самодеятельности в заводском клубе. Награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Медалью материнства». Являюсь ветераном труда механического завода.

*Воспоминания козельчанки
Раисы Ивановны МАРКИНОЙ.*

Письмо с фронта

К нам в редакцию пришла пенсионерка Зинаида Тарасовна Радченко и принесла письмо с фронта, в котором сообщается о гибели ее отца Тараса Кузьмича Серегина. Письмо адресовано жене Анне Емельяновне и пришло ей 3 февраля 1944 года по адресу: Смоленская область, Козельск, ул. Б. Советская, 67. На пожелтевшем от времени конверте можно прочитать адрес отправителя: полевая почта 16463-Я. Так жена фронтовика осталась с тремя детьми, которых надо было поднять на ноги. Уже нет в живых мамы, а этот бесценный документ Великой Отечественной войны свято берегут дети советского солдата, погибшего в одном из боев на Украине. Они живут в микрорайоне мехзавода. У Зинаиды Тарасовны есть брат Сергей Серегин и сестра Лидия Денисова. Они очень хотели, чтобы о вкладе в Победу их отца знали не только его внуки и правнуки. Мы публикуем письмо командира подразделения гвардии старшего лейтенанта Гуревича:

Т.К. Серегин

«Уважаемая Анна Михайловна! Как тяжело сообщить Вам горькую весть, но воинский долг обязывает меня довести до вас эту тяжелую непоправимую весть. Днем 13.1.44 г. в наступательном бою за один из хуторов Украины погиб ваш муж Тарас Кузьмич. Погиб один из лучших моих бойцов, на редкость предусмотрительный и самый исполнительный и бдительный. В частых наших беседах он выражал полную уверенность, что переживет войну.

К этому бою мы долго готовились. Каждый из нас хотел сделать все, что было в его силах. И вот началось

наступление. Бойцы, воодушевленные успехами, пошли в очередную атаку. Ураганный огонь из пулеметов и винтовок не смог нас остановить. К противнику подошли ближе других подразделений. Враг заметался, вызывая помощь сигнальными ракетами. Немецкая артиллерия со скрытых позиций открыла по нам шквальный огонь, не давая продвинуться вперед ни на шаг. Тут Тарас Кузьмич и нашел свою смерть, пытаясь выбраться из полосы обстрела. Несмотря на возраст, он был в числе первых. Воинский долг он выполнил с честью, и его поведение в бою служит нам примером. Подводя итоги боя, сержанты и бойцы дали слово отомстить за нашего Серегина.

*Наберитесь мужества и стойко перенесите горе.
Гуревич».*

Было тогда рядовому Серегину почти 44 года.

На снимке: Тарас Кузьмич Серегин в военном госпитале Витебска после ранения, полученного в Финской войне. 1939 год.

В. ПОТАПОВ.

Фронтовые судьбы

По одному на двоих

РОМАНОВ Василий Григорьевич.

Год и место рождения: 15 мая 1922 г. деревня Ветмица.

Прохождение службы: 62-я гвардейская Корсунь-Шевченковская ордена Богдана Хмельницкого дивизия.

А степь без края и конца...
Что с смертью брачного свинца
Судьба солдатская впитает?
Один Всевышний это знает,
Но не надеть ему венца!
Своих врагов, на зло смертям,
В атаке шлет боец к чертям,
И Бог отлично понимает:
Он видит, как душа рождает
В горниле битв героя нам!

Фотографии военных лет, бережно хранящиеся в семейном архиве, каждый раз заставляют ветерана задумываться и вспоминать суровые годы войны.

На одной из фотографий, сделанной в Австрии, запечатлена группа офицеров, аккуратные домики, освещенные солнцем. За ними видны заснеженные вершины Альп. Здесь, в городе Брук, лейтенант Василий Романов и встретил День Победы.

Пешим ходом, с боями, прошел лейтенант половину Европы, неся народам освобождение от фашизма. Пешим ходом,

через Венгрию, Румынию, возвратился домой, и в 1946 году, после демобилизации, продолжил учебу.

Годы войны отдалили воспоминания о призыве в армию, когда он, студент Козельского педагогического училища, со второго курса попал в военное училище и лейтенантом прибыл в воинскую часть.

В апреле 1942 года ускоренным маршем она подошла к левому берегу Дона, местам, хорошо описанным Шолоховым, и заняла оборону, прикрывая от врага Сталинградское направление.

Поросший густым кустарником и низкорослыми деревьями берег надежно маскировал воинские подразделения, но из-за заболоченности служил настоящим инкубатором для комаров.

Взгорок правого берега Дона с селениями Белогорка-1 и Белогорка-2 был занят неприятелем. Даже не зная физической географии, можно было догадаться, что это был край Донской гряды.

Противостояние продолжалось все лето. Во взводе лейтенанта Романова оставалось вместе с ним всего шестнадцать человек, изъеденных комарами и покрывшихся язвенными болячками от сырости. В довершение всего личный состав стал заболеть малярией, не исключением был и командир взвода. От хинина, акрихина, прочих пилюль они уже больше смахивали на представителей южных национальностей.

Каждый солдат должен знать свой маневр, так учил ещё А.В. Суворов. Его хорошо знал и молодой лейтенант, еще ни разу не видевший настоящего боя. Кругозор командира дивизии был шире, он обладал большей информацией, поэтому в ночь под 28 декабря 1942 года весь плацдарм пришел в движение и рано утром, без единого выстрела совершил бросок на противоположный берег замерзшего Дона.

Стремительно отдаляется Дон, слева и справа слышатся одиночные выстрелы. На пути взвода нет ника-

кого противника, встретился лишь труп погибшего итальянского офицера. Вероятнее всего, этот офицер был расстрелян фашистами за бегство.

Далеко позади остались Белогорка-1 и Белогорка-2. Бои шли с переменным успехом. Редкие выстрелы с флангов вдохновляли и заставляли ускорять шаг.

Если ночью все было схвачено морозцем, то днем оттаивало, и с каждым сутками преследование противника становилось все труднее.

Беглый взгляд на карту, сверка с азимутом, и после короткой передышки снова вперед, без сна, отдыха и пищи.

7 января 1943 года, не дойдя до станции Чертково, промокшие и изнуренные длительным броском, бойцы взвода вошли в станицу, брошенную противником. И только запарилась промокшая одежда, как в дом открылась дверь и боец охранения крикнул: «Немцы!».

Как ветром, выдуло взвод из селения, и он цепью бросился вперед, на возвышенный участок местности. На флангах вновь зазвучали выстрелы, слившиеся с пулеметными очередями. Неожиданно перед взводом из-за вершины пригорка показались башни восьми танков. лейтенант Романов дает команду — «Ложись!» и бросается к рядом оказавшейся скирде. Но танки вперед не пошли, а открыли по залегшим бойцам пулеметный огонь.

Промерзшая голая земля, слегка прикрытая снежком, и ни одного бугорка, ни одной выбоины... Взводный сначала почувствовал, как отнялась рука, потом боль, увидел во многих местах загорающееся сено и пулеметчика, вздрогнувшего всем телом и сникшего за коробкой с лентами — пуля настигла бойца, пробив боеприпасы...

— Товарищ лейтенант, — раздался голос сержанта, — немцы из танка вылезают.

Превозмогая боль, взводный перекачивается к сер-

жанту и видит, как у того слетает с головы шапка и голова окрашивается кровью от разрывной пули.

Вражеские танки принесли на своей броне снайперов, и первый выстрел пришелся взводному. Его спас серый фон сена, на котором трудно было различить его серую шинель. Остальные бойцы взвода остались неподвижными точками на заснеженном фоне голой степи.

«Должен же еще кто-то быть. Как предупредить ребят о танках?», — с этой мыслью взводный скатывается на низ неглубокой балки и на счастье натывается на бронбойщиков, которым ничего не было видно.

Оставшись от всего взвода один, превозмогая боль, он поплелся к селу, в котором был, как показалось, давным-давно и в которое уже входили воинские подразделения...

Утром следующего дня, получив крепкий нагоняй от медработников, он был отправлен в госпиталь в Калач-на-Дону, а из штаба на родину, предполагая о гибели всего взвода, отцу послали похоронку.

Но назло врагу и радость отцу, жив был взводный.

После месячного лечения вновь отмерял огненные версты фронтовых дорог, еще был трижды ранен, дошел до Вены, брал ее штурмом, за что получил последнюю боевую награду — «За взятие Вены», прибавившуюся к орденам «Красной Звезды» и «Отечественной войны» I и II степени. В его воинском билете и сейчас стоят две лаконичные записи о боевых годах: курсант 6.41 — 3.42; командир взвода 3.42 — 30.8.46.

Учеба и педагогическая деятельность заполнили все послевоенные, не менее тяжелые, годы фронтовика. За патриотическое воспитание молодежи Василий Григорьевич неоднократно поощрялся облвоенкомом.

И сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, бывший взводный бодр, подтянут и молодецват, будто только что вышел из солдатского строя.

Соловей

КУДИНОВ Роман Иванович.

*Год и место рождения: 15 августа 1923 г. г. Гродно.
Прохождение службы: 87-я гвардейская Перекопская ордена
Суворова стрелковая дивизия, 264-й стрелковый полк,
минометная батарея.*

Бой постепенно затихал
И тишь округу всю пленила.
Солдат, уставший, засыпал,
Но птица пенем разбудила.
В недоуменьи тер глаза,
Не веря собственному слуху...
Солдат поверил в чудеса,
В певца, соратника по духу.
От взрывов лист слетел с ветвей,
В руинах чад ещё стоящий...
И настоящий соловей,
Во славу жизни гимн творящий.
Весь сон рукою как сняло,
В певца глаза солдата впились,
И даже кое у кого
К щеке слезинки покатались.
С тех пор солдат в душе своей
Пронес ту песню через годы.
И сам поет, как соловей,
Уже на сцене для народа.

В середине марта 1942 года Сталинград усиленно готовился к обороне. Давно начатое строительство БАМа было свернуто, а рельсы и шпалы пошли на сооружение по степи новых подъездных путей. Шпалы клались прямо на землю. Ускоренными темпами шло сооружение противотан-

ковых рвов, участие в котором принимали призывники, еще не надевшие формы. В их числе находился и 19-летний Роман Кудинов, призванный из Черноярского района Сталинградской области.

События на фронте разворачивались по неписаным законам войны. В это время враг настойчиво рвался уже к Ростову-на-Дону, поэтому призывная молодежь была обмундирована, приведена к Присяге и брошена на его защиту. Город несколько раз переходил из рук в руки...

После Ростова путь солдата лежал на Донецк, где в бою Роман Кудинов получил свое первое ранение. Залечив рану, он снова возвращается в свой полк, но уже направляется в минометную батарею, ставшую ему до конца войны фронтовой семьей.

По наименованию стрелковой дивизии мы прослеживаем дальнейший боевой путь молодого бойца и те героические усилия дивизии, которые дали ей право получить заслуженное звание Перекопской и признание Родины.

Дальнейший путь дивизия держала на Севастополь, превращенный гитлеровцами в сильно укрепленный оборонительный узел. Но под Джанкоем Кудинов Роман вновь получает ранение и попадает в полевой госпиталь.

Боязнь отстать от товарищей, потерять свою часть ставила подлечившегося бойца, несмотря на контузию, упросить медицинское начальство на досрочную выписку.

В свою батарею минометчик Роман Кудинов прибыл к началу штурма Севастополя. Он был поражен скоплением техники, наличием личного состава, с трудом нашел вклинившуюся между ними свою батарею.

Несмотря на мощный шквал огня, обрушившийся на противника, в первый день он все ещё продолжал оказывать ожесточённое сопротивление. Только к вечеру вторых суток враг был смят.

О потерях его можно было судить по сплошным растерзанным телам, громадным разрушениям. Ещё больше

удивило минометчика появление из руин мирных жителей. Совершенно стихийно возник салют в честь освобождения города русской Славы.

В этот же вечер, не получив передышки, дивизия в срочном порядке стала грузиться в эшелон, и через Брянск ее путь лежал уже в Белоруссию, Литву, Восточную Пруссию.

Каждому подразделению, виду оружия в бою предопределена своя роль. Минометные расчеты хотя и не бывают в передовых цепях, но их поддержка, особенно в условиях боя в населенном пункте, гористой местности — неоценима. Минометчик «выкуривает» противника из траншеи, из-за домов, спрятавшихся за обратной стороной возвышенности и другими укрытиями.

Вылетев под углом 45 градусов, мина, потеряв силу инерции, под прямым углом обрушивается на врага.

Но у Марса есть свои глаза и уши. Противник старается засечь батарею и если не уничтожить, то хотя бы подавить. И когда от него на батарее появляется первый «подарок», минометные расчеты срочно меняют позицию, если есть такая возможность.

В это время минометчик работает буквально как лошадь, потому что составляющие 120 мм миномет — плита, ствол и тренога, весят соответственно 110, 100 и 75 кг. А если батарея вела беглый огонь и после двадцати выстрелов стволы стали красными от жара... И ещё пудовые мины... и все это надо перетащить, уложить на повозки и на новой позиции повторить, не снижая темпа, все в обратном порядке.

Это был настоящий труд во имя победы и его с честью выполнял возмужавший в боях Роман Кудинов.

Последние, самые жестокие бои ему пришлось ощутить всеми мышцами при штурме Пиллау (ныне город Балтийск). Здесь уже умудренные опытом минометчики показали все свое мастерство и этим самым поставили точку на боевом пути дивизии.

Как ни странно, но бывалый фронтовик, вместо интересных боевых фактов, на первое место ставит один, волнующий его до настоящего времени и не имеющий к войне, казалось бы, никакого отношения.

Бой утих, потом, уже в сгущающихся сумерках, когда ломило все тело от усталости и солдаты стали впадать в сон, в оседающем от гари воздухе раздалась соловьиная трель. Просто не верилось, что эта птица смогла выжить в таком саду, когда с деревьев взрывной волной срывало все листья.

И несмотря на то, что солдату на войне никогда не хватало времени для сна, люди зашевелились, ожили, и, уже никакая сила не могла уложить их спать. Соловей принес весну, которую им некогда было замечать, весточку из мирной жизни, и веру, веру в победу...

Летом 1945 года минометчик Кудинов Роман Иванович из Пиллау буквально притопал в Козельск в составе своей дивизии и стал козельчанином, демобилизовавшись в 1947 году. Работал в Козельске долгие годы парикмахером, неся прекрасное в жизнь каждого человека.

Орден Славы III степени, медаль «За боевые заслуги», являются свидетельством доблестного ратного труда ветерана. А трель фронтового соловья так глубоко засела в душу, что вспоминается и сейчас, увлекая к песне, к боевым товарищам, в хор ветеранов.

От Карпат до Сахалина

БОНДАРЕВ Николай Исаакович

Год и место рождения: 21 мая 1927 г. с. Марьевка, Воронежская область

Прохождение боевой службы: 72-й стрелковый полк, 66-й стрелковый полк, 1-й Белорусский фронт, 112-й стрелковый полк, Дальневосточного Военного Округа, 84-й отдельный батальон морской пехоты Сахалинской военной флотилии.

Пойдешь в пехоту, ростом мал, —
Судьба лукаво ухмыльнулась.
Подумал парень: «Всё, пропал,
Фортуна мне не улыбнулась...».
Идет война, что рассуждать,
Пришла идея на досуге —
И стал заботу проявлять
Он к автомату, как к подруге.
Уроки, истины ясней,
Ему Судьба преподавала.
Ей парня не найти честней —
Из боя в бой его кидала.
От гор Карпатских на Восток,
Чтоб служба медом не казалась,
Их неразлучный путь пролёт —
В морской пехоте с ним осталась.
«Десант, на воду!» — и пошёл
Уже солдат на самураев,
Чтоб враг могилу там нашел,
Его Судьбою не играя.

Война является самым чудовищным преступлением перед человечеством. Молох войны перемальвает без разбора все поколения людей и постоянно требует все новых жертв.

В 1944 году он потребовал жертв уже от молодежи 27-го года рождения. И Советский Союз вынужден был идти на такие жертвы, как страна, подвергшаяся нападению. Победа, достигнутая ценой величайших жертв, была закономерной и предсказуемой. Советский народ верил в свою правоту, шел в бой осознанно, во имя свободы своей Родины, своих родных и близких.

И сейчас, когда нас отделяют 60 лет от знаменательного Дня Победы, мы должны вспомнить всех павших, окружить почестями живущих, ценой своей жизни и крови сделавших всё ради спасения Родины от порабощения.

Николай Бондарев как раз и принадлежал к новому подросшему поколению. И пусть фашизму уже был предрешён конец, на освобожденной территории ещё оставалось много их пособников, когда-то встречавших захватчиков хлебом и солью.

Кроме того, на Дальнем Востоке была сосредоточена огромная сила — милитаристская Япония, первая напавшая на нашу страну в районе озера Хасан в 1938 году, захватившая часть районов Дальнего Востока. На всё это требовались дополнительные людские ресурсы.

Он был призван в ряды Вооруженных Сил в октябре 1944 года и начал службу в районном центре, в Будёновске. Первым наставником, передававшим азы солдатской науки, был представитель военкомата капитан Семенов, инвалид, потерявший в боях руку. Он осуществлял общее командование сформированного из молодёжи истребительного батальона местного значения.

Командование ротами и взводами осуществлялось вышедшими из госпиталей бойцами, которым надо было после ранений восстанавливать силы, прежде чем возвращаться в свои части.

Три года войны, три года уничтожения лучшего генофонда страны заставили руководство страны обратить особое внимание на молодое пополнение и не бросать в пекло боя не обученных искусству войны юнцов.

Изменилась и сама обстановка, Советская Армия была хорошо оснащена современным оружием, накопила опыт и использовала его в обучении. Кроме этого, руководство видело и то, что людские резервы истощены, в полном смысле этого слова.

Задачей истребительного батальона была борьба с дезертирами, диверсантами и полицаями, затаившимися на освобожденной от вражеской оккупации территории.

Информация командованию батальона шла от ненавидящего врагов населения, по каналам НКВД и через сель-

ские Советы. В этих случаях личный состав поднимался по тревоге, в спешном порядке прибывал в заданный район, окружал его и прочёсывал. При обнаружении противника звучало требование о сдаче, а при отказе — враг уничтожался.

При одной такой зачистке, когда был окружен дом, в котором укрылся пособник фашистов и открыл огонь по бойцам, Николай Бондарев начал свой отсчёт уничтоженных врагов.

Немного позже, в ноябре 1944 года, когда он проходил службу уже в Брянске и был зачислен в 72-й стрелковый полк, произошло ЧП.

Из освобожденных территорий Латвии и Эстонии на станцию Брянск-1 прибыло пополнение. В националистически настроенной среде нашлись провокаторы, спровоцировавшие побег почти половины призывников. Брянские леса, надежно укрывавшие партизан, теперь стали таким же укрытием для дезертиров и даже отдельных фашистских групп, к которым и примкнули беглецы.

Все возможные районы их местонахождения были блокированы личным составом полка, артиллеристами и другими подразделениями.

Под командованием лейтенанта Панфилова, брата знаменитого на всю страну генерала, рядовой Николай Бондарев участвовал в бою, в котором был легко ранен осколком разорвавшейся гранаты. Его спасло дерево, санинструктор сделал перевязку, бой продолжался, и уже после, в санчасти бойцу сделали основательную обработку раны и оставили в строю.

В апреле 1945 года в составе 33-й маршевой роты 1-го Белорусского фронта, он был уже под Тернополем и участвовал в борьбе с бандеровцами.

Май 1945 года Николай Бондарев встречал в Орле. Его начало было отмечено ликованием народа, стихийной стрельбой — в город пришла весть о том, что фашистская Германия подписала Акт о капитуляции.

Но Судьба солдата была неутомонна на выдумки, после Орла она посадила его в эшелон и отправила в неизвестном направлении. Временами она гоняла состав с одного пути на другой, заставляла смотреть как вперед их пускают составы с боевой техникой, и уже после этого мчала его вдогонку за ней. И лишь потом, когда под скалистыми берегами оказались воды Байкала, стало ясно — впереди война с Японией.

Пролив Лаперуза, залив Анива уже не манили звучной романтичностью, остров Сахалин был захвачен врагом.

15-я бригада морской пехоты, в составе которой служил Николай Бондарев в должности помкомвзвода, через Корсаков начинает с боями пробиваться на север, чтобы соединиться с другими частями, поставив противника в очень трудное положение — между молотом и наковальней.

Позади ночная высадка десанта, встреча с проводниками, снятие постов японской охраны и бой...

Хорошо, что разведка точно указала места дислокаций, укреплений, расположение минных полей, это значительно снизило потери и способствовало развитию наступления нашей пехоты.

В одной из очередных схваток с противником от рук японского смертника гибнет взводный, и Николай Бондарев принимает командование на себя.

Сильные бои разгорелись в окрестностях озера Нагахана, уже были взяты штурмом два укрепления, при взятии третьего и новый взводный получает тяжёлое ранение и контузию.

После шестимесячного излечения медицина признала взводного не годным к строевой службе, а командование определило местом службы 601-ую отдельную инженерную роту 7-го Тихоокеанского флота в качестве старшины роты.

И вновь Судьба выкинула очередную шутку, от кото-

рой Фортуна не улыбалась, а хохотала, хотя всё это стало очередной проверкой силы духа русского солдата.

Особисты, допустившие халатность в службе, привыкшие годами проверять все слухи, принялись терзать «доверительными» беседами старшину: каким образом, он, лейтенант (а Николая прозвали взводным после гибели лейтенанта), оказался старшиной? И, вообще, является ли старшина настоящим Бондаревым?

Около трёх месяцев шло прямое издевательство, потом как-то сразу все стихло. Ощущение стало таким, будто побыл солдат в бане, окатился водой и смыл с себя всю грязь вместе с прилипшим к телу березовым листком.

В 1951 году уволенный в запас старшина приезжает к брату в Козельск. При постановке на учет, военком обратил внимание на бравого воина и рекомендовал послужить в 87-й Гвардейской ордена Суворова стрелковой дивизии, расквартированной в Козельске. И снова старшина стал в строй, но уже на сверхсрочную службу. В 1959 году, когда дивизия расформировалась, он перевелся в новую, но уже ракетную, формирующуюся на старой базе и прослужил до ухода в отставку до 1981 года.

Среди многих заслуженных наград ветеран особенно гордится медалью «За отвагу», полученной в боях с бандеровцами, власовцами и другими фашистскими преспешниками. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года была отмечена его ратная служба на Дальнем Востоке. Ему была вручена медаль «За победу над Японией», а Ю. Цеденбал, в годовщину 30-летия Победы, оценил совместные боевые операции памятной медалью от всего монгольского народа.

Видно, Козельск обладает особой притягательной силой, исходящей из глубин своей истории, если стал собираться в нем ратный люд из многих уголков Рос-

сии. Он и сам отправлял своих сыновей и дочерей на защиту Родины, теперь принимал назад, но уже израненных, каким стал и сам.

Только одной Судьбе была видна цель увлечения за собой солдата, и она провела его через многие испытания, а когда солдат с честью их выдержал, она смирилась и обрела заслуженный покой в провинциальном городе русской славы.

От Курска до Эльбы

ФЕДИН Николай Андреевич

Год и место рождения: 25 октября 1925 года, с. Волконское.

Прохождение службы: 13 армия, 181-я Сталинградская ордена Ленина Краснознаменная дивизия, Волжский полк.

Не столь крепка броня «Пантер»-
В руках солдата «ПТР»,
В победу вера окрыляет.
Накрыла взрывом их земля —
Защита лучше, чем броня,
И жив солдат, а танк — пылает!
Нельзя такое нам забыть!
Ваш подвиг сможем повторить
Мы — козельчане, гордость рода.
И кто с мечом до нас придёт,
Себе могилу здесь найдёт —
Во славу русского народа.

Цепкая память ветерана, всколыхнувшая чувства, накладывает события минувших военных лет одно на другое, возвращает, торопит... и везде жертвы, жертвы...

Несмотря на сумбур чувств, сбивающих с мысли, явно видится путь вперёд, на Запад, к Победе.

1942 год. Козельск уже освобождён от немецко-фашистских захватчиков и враг отброшен на ульяновском направлении за берега Жиздры. Противник закрепился в Волосове, Кричине, Белом Камне, за Дретовым, Павловым... Его полное господство в воздухе не позволяет в дневное время ни передвигаться, ни работать. Самолеты, оборудованные лыжами для посадки на полевых аэродромах, гоняются за каждым человеком, окажись тот на открытой местности, стараются, если не поддеть ими и сбросить на землю в пике, то придавить. Противник словно знал, где находятся продовольственные склады (около школы-интерната и за зданием суда, на взгорке), поджег их, заодно нанес удары по храмам, уничтожив Богоявленскую церковь (ул. Ленина), множество домов.

Молодежь 26-го и 25-го года рождения была отправлена на Урал в школы ФЗО, где находились эвакуированные заводы. Часть её, 25-го года рождения, получила бронь и была направлена на ускоренные курсы механизаторов, чтобы убрать урожай лета 42-го года...

В конце января 1943 года бронь с молодежи была снята, и в один из вечеров она прибыла на станцию Тупик, где уже ждал состав из товарных вагонов. По пути в Сухиничи, на перегоне Рядинки — Музалевка, на эшелон налетела вражеская авиация. Состав стал, и все призывники бросились врассыпную от железнодорожного полотна. Пулеметные очереди, взрывы авиабомб не причинили особого вреда и после команды: «По вагонам!», состав продолжал свое движение.

В Сухиничах были подцеплены еще вагоны с призывникам, так эшелон нарастал ими до самой Москвы. Конечным пунктом были леса Марийской АССР.

Лес встретил молодёжь хмуро. Рядом не было ни одного населенного пункта, ни одного строения.

Быстро оборудовали пункт питания: меж суков деревьев закрепили два рельса, на которые повесили котлы. Распорядок был жесткий, двухразовое питание — по пол-литра мучной баланды, весь день занятия, вечером валка леса, костры, отдых. И всё — под открытым небом.

Итогом такой подготовки явилась неспособность молодого пополнения не только влиться в боевые части Сталинграда, но и продолжать учебу. Медики не признали личный состав годным для боевой службы.

Время внесло коррективы, и запасной полк из Марийской АССР был брошен на Орловско-Курскую дугу, станцию Дмитриев-Льговский.

Ночью, быстро разгрузившись, полк с ходу вступил в бой. До соприкосновения с противником пришлось преодолевать воронки, обходить подбитые танки, даже столкнувшиеся в лобовой атаке, увидеть развороченный ствол вражеского танка от угодившего в него снаряда. Впереди, казалось, горят земля и небо...

Прорвав оборону противника, полк, основу которого составляли козельчане, стремительными 40-километровыми ночными маршами устремился на Чернигов, сметая на своем пути незначительные силы врага.

Что-то свое, родное, виделось в амфитеатре спускающихся к Десне домов, в возвышающихся над городом храмах. Точно так же смотрится Козельск со стороны механического завода. Даже старая железная дорога напоминает ту, взбирающуюся в Козельск по Белёвской горе. Только там, перед Десной, за спиной был не поселок, а селение, а за дорогой противник. Снайперы, сидевшие на возвышенных местах в городе, не давали возможности даже подняться на насыпь.

Как было Николаю Федину, первому номеру «ПТР», обучить своего второго номера, узбека, если тот ещё вчера убирал хлопок и не имел ни малейшего понятия о русском языке, тактике, несмотря на всю готовность

воевать. А в атаке, чтобы сделать бросок через дорогу, необходимо было перебросить это ружьё, весившее свыше двадцати килограммов, через дорогу, и мгновенно сделать рывок на другую сторону...

С первой атаки прорвать вражескую оборону не удалось, полк был встречен огнем замаскированных танков. После этого фашистские танки прорвались через переезд в расположение полка и применили огнёмёты. Огонь выкуривал солдат из любого укрытия, горело буквально всё. Но бойцы быстро пришли в себя, шинели были сняты и брошены на плечи, чтобы быстрее можно было освободиться от огня, в ход пошли противотанковые гранаты. Вот застыл еще один танк перед нашим земляком, связка гранат разорвала гусеницу. Экипаж был уничтожен совместными силами бойцов. Как ни удивительно, но полку оказала помощь неожиданно появившаяся конница. Ее бойцы быстро с тыла настигали танк, бросали гранаты, и так же быстро отскакивали в сторону. Атака врага была отбита, а затем и освобожден город.

Много общего в судьбе Козельска и Чернигова, и эта общность имеет глубокие исторические корни, испытанные на прочность временем и напитанные кровью павших козельчан: Михаил Фандеев, Иван Пахомов (Покровский с/с); Иван Серегин (д. Торбеево, Бурнашевский с/с)... Перед глазами встают сражающиеся плечом к плечу Андрей Прохорцов (Плюсково), Николай Родин (Булатово), Иван Шалопеев (Алешня), Николай Новиков, Сергей Королев (Стеклезавод)...

Вот освобождена Прага, взят плацдарм за Эльбой, пленен экипаж фашистского самолета, севшего вместо союзников в нашем расположении. Позади трехсуточное противостояние и торжественная встреча.

В декабре 1945 года Н.А. Федин был демобилизован.

Это был уже г. Львов. Демобилизации подлежали те солдаты, которые имели несколько ранений.

До настоящего времени бережно хранит ветеран, инвалид II группы, награды за мужественную молодость и бойцовские качества: Орден Отечественной войны 1-й степени, две медали «За отвагу», «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» и «За освобождение Праги».

А. БАРАНОВ.

Дорогами войны

Великая Отечественная война для меня началась 22 июня на советско-румынской границе в местечке Унгены Молдавской ССР, где третий год проходил срочную службу. Наш 203-й гаубичный полк 15-й стрелковой дивизии под напором вражеских войск с тяжёлыми боями отступал к Киеву. Дороги войны были трудные и длинные, и всё просто невозможно пересказать. Красноармейцы с первых дней войны сражались до последнего патрона, и не раз приходилось сталкиваться с врагом в штыковых атаках. Нас вела в бой верность присяге. Тогда о наградах никто не думал.

Сиваев Н.

Первую награду, медаль «За боевые заслуги», получил в 1943 году северо-восточнее Смоленска на Духовищенском направлении. Наш 81-й стрелковый полк проводил отвлекающий маневр, чтобы как можно больше немецких пехотных частей приковать к себе, отвлекая от основного направления наступления при освобождении столицы Западной области. Бои шли жестокие. Вместе со штабом погиб командир полка майор Акимов, но фрицы продолжали теснить нас, выбив из первой линии окопов. Мы стали вести оборону во второй траншее. В ходе боя из-за угла траншеи внезапно появился немецкий офицер. Из автомата ППШ я дал короткую очередь. В падении он успел выстрелить и ранил меня. Я перекатился в воронку от снаряда, но разрыв мины оглушил, изо рта и ушей пошла кровь. Вокруг стало тем-

но, оказалось, что я ослеп. Кто-то из траншеи бросил в воронку камень, завязанный в угол плащ-палатки, и вытащил меня. После этих боев от батальона осталось 53 человека.

Три недели я пролежал в госпитале в полной тьме. Зрение постепенно начало возвращаться. И вот я уже в составе 1-го Прибалтийского фронта участвовал в боях под Кенигсбергом. Мы шли в обход правее города вдоль залива Куриш и с ходу штурмовали немецкий оборонительный узел Пиллау. За взятие его я получил орден Красной Звезды и на этом война для меня закончилась.

В 1968 году приехал в Козельск и работал заместителем директора по воспитательной работе в школе-интернате, затем завучем в Сосенском ГПТУ. Постоянно проводил военно-патриотическую работу с учениками школ района и с военнослужащими строительных войск Сосенского гарнизона.

А эта война, где на моих глазах погибло много товарищей, останется навсегда в памяти. Хотелось бы, чтобы наши внуки и правнуки не забывали о тех, кто защитил их будущее от нашествия коричневой чумы.

*Н. СИВАЕВ, ветеран войны и труда.
г. Сосенский.*

Козельская эпопея

Война прошла не краем

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война!*

Слова этой известной песни в сердце каждого, кто прошел с боями от Москвы до Бреста и брал Берлин. Тех, кто упорным трудом ковал Победу в тылу. Не все из поколения Победителей дожили до Победы. Только жители Козельского района потеряли на фронтах Великой Отечественной почти 6000 своих земляков. И уж совсем немногие дожили до 60-летия Победы.

Вначале давайте вспомним о тех, кто не вернулся, о тех, кто не дожил. Они живут в наших сердцах.

Их воспоминания о событиях тех грозных лет сохранились в памяти потомков, в письмах и газетных публикациях, в экспозициях краеведческого и многих школьных музеев. Так давайте перелистаем пожелтевшие страницы газет, раскроем изветшавшие треугольнички военных писем и вместе с их авторами вернемся в те грозные годы.

Тема войны и великих испытаний нашла достоверное описание в теперь уже редкой книге «Козельск», написанной нашими краеведами Николаем Николаевичем Анисимовым и Василием Николаевичем Сорокиным. Отдавая должное авторам, в своем очерке хочу только в сжатой форме напомнить читателям, в основном молодым, о тех грозных временах.

О том, как пережили военное испытание козельчане в период 1941-1945 годов, сегодняшний рассказ.

Утро 22 июня 1941 года выдалось ярким. В этот день

предполагалась по случаю воскресенья массовка в Долине любви на речке Железенке.

В двенадцать часов из репродукторов донесся тревожный голос Москвы: фашистская Германия напала на нашу Родину. По всему району прошли митинги. Не дожидаясь повесток, мужчины стали стягиваться к военкомату. Уже в этот день на опушке леса восточнее Козельска был разбит военный лагерь. Стала формироваться дивизия ополчения из призывников района. Первым ее командиром стал председатель районного совета Осоавиахима Михаил Васильевич Кулешов, комиссаром — главный агроном совхоза «Красный комбинат» Алексей Григорьевич Салин. Через несколько дней сформированная дивизия выдвинулась в район Тулы, где влилась в запасную стрелковую дивизию. Михаил Васильевич Кулешов погиб, защищая Москву под Волоколамском.

В числе козельчан, ушедших защищать Родину первыми, были второй секретарь райкома партии Федор Михайлович Дюжев, председатель районного Совета депутатов трудящихся Иван Иванович Орлов, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Иван Иванович Гирич, заведующий военным отделом Тимофей Боркин, секретари райкома комсомола Алексей Мельников, Иван Кулаков, Иван Липов, директора городских школ Панфил Ефимович Иванов, Василий Иванович Головин, а вместе с ними ушли на фронт тысячи козельчан.

В Козельске был создан истребительный отряд, состоящий в основном из комсомольцев. В него вошли около ста девушек и юношей.

Одновременно с всеобщей мобилизацией стали формироваться госпитали. Возглавил эту работу главный врач Козельской больницы, заслуженный врач республики Дмитрий Матвеевич Арсеньев, комиссаром первого госпиталя стал член партии с 1917 года Ефим Ильич Малеев.

Уже в сентябре 1941 года Козельск подвергся бомбардировке. Шестого сентября немцы взяли Сухиничи. И только 8 октября фашистские захватчики ворвались в наш город...

...Оккупация продолжалась 81 день... Были разрушены Березичский стекольный завод, завод сельхозхимии, хлебокомбинат, швейная артель имени Чкалова, здания двух городских школ, Дом культуры, библиотека с десятью тысячами книг и многое другое. О варварском ущербе, нанесенном немцами, говорят цифры: было уничтожено 1338 лошадей, 660 коров, 1183 свиньи, 815 овец, 16980 голов птицы.

Лицо фашизма проявилось в зверствах над мирным населением: 9 октября в селе Нижние Прыски фашисты расстреляли В. Павлова и Н. Аркадьева. В это же время были расстреляны бухгалтер Козельского лесхоза А. Н. Пучковский, на стекольном заводе семья мастера С.М. Маршунова. От рук оккупантов погиб и пионер Зайцев. Страшная трагедия произошла 7 января 1942 года в деревне Побуж.

Газета «Правда» 20 января 1942 года писала: «Об этом ужасе поведали встретившиеся нам окровавленная старуха Дарья Пузанова, четырехлетняя Дуся Обухова с пробитыми насквозь щеками, Дарья Кавочкина, раненая в руку и с разбитым плечом, истерзанная Татьяна Обухова, Лукерья Шутяева, сторож Федор Обухов, подростки Василий и Иван Кавочкины и другие...».

Терзать людей и жечь деревню отдал приказ рыжий офицер. Пожалуй, того рыжего палача и офицером-то назвать нельзя. Только - фашист, палач, изверг.

Вспоминает житель Белёва Николай Михайлович Чудин:

— Как только из деревни выехал наш старшина, немцы начали обстрел. Снаряды рвались повсюду, не давая людям уйти. А куда бежать? На краю стоял кирпичный дом, ринулись туда, стали ломиться в двери. Дверь

открыл старичок и сказал: некуда, битком набито. Неподалеку стояли колхозные молотильные сараи, люди бросились туда, немец стал бить по этим сараям. Рядом речушка Вырка, по речушке овраг, а снегу больше метра глубиной. Мы в тот овраг. Другим, кто не успел убежать, было хуже. Их сгоняли в тот самый овраг. Немцы приказали всем встать на колени, но никто не встал, да и не могли они встать, так как стояли по грудь в снегу. Так и убивали фашисты невинных стариков, женщин, детей.

Чудом оставшаяся в живых Наталья Васильевна Обухова рассказывала:

— Фашисты согнали в овраг за деревню женщин, стариков, детей и начали поливать автоматными очередями. Я упала в общую кучу стонущих и раненых односельчан. Когда очнулась, не поверила своим глазам, вокруг лежали одни мертвецы. Только глубокой ночью выползла из оврага и поползла к деревне. Все избы были сожжены, стояли только одинокие трубы да кое-где уцелевшие кирпичные развалины...

Однофамилица Натальи Васильевны Мария Григорьевна Обухова, в то время десятилетняя Маша, вспоминает еще больше:

— Когда зверства начались, я с семьей и другими жителями стояла на другом конце оврага, напротив шла самая настоящая казнь безвинных. На моих глазах фашисты распяли на штыках трехлетнюю девочку Курдюковой и закололи штыками моего двоюродного брата, которому также было три года. Сердце заходится от одних только воспоминаний...

Насмотрелись мы детскими глазами на эти злодеяния, стояли от ужаса оторопевшие. Мать моя, Федосья Мироновна, приняла, наверное, тогда самое правильное решение: «Уходим, бабы, пока целы». И пошли мы по оврагам в лес. Зима тогда была снежная, правда, не слишком морозная. И все равно блудили мы несколько

дней по нашим дремучим лесам, все лапти с нас сползли, ноги обморозили... Вышли к Дудино. Там нас, обмороженных, приютила семья Трошкиных, особенно запомнила бабу Ньюшу. Обогрели они нас...

...А потом вернулись в родной, сожженный Побуж. Около углей и головешек грелись. Потом погреба стали отрывать, так жили-выживали после трагедии...

В Чернышинском сельском совете мне показали Книгу Памяти, в которой собран хотя и небольшой, но полный материал о Побужской трагедии. В этой книге хранится полный список всех погибших в той страшной трагедии, в нем 109 человек. 9 мая 1967 года, через 25 лет после этих событий, на могиле погибших в той жуткой трагедии был поставлен памятник «Скорбящая мать».

В Дретовете, Павлове, Трошне враг творил то же. Алексей Фомич Тимохин, работавший до и после войны председателем кричинского колхоза и много повидавший за свою жизнь, вспоминал, что фашисты, дважды захватывая их деревню, из 80 домов оставили только 8, остальные сожгли.

Но и сопротивление было жестоким. 30 ноября партизаны взорвали печь на Березичском стекольном заводе, расстреляли старосту Пашкина...

Коммунистка Е.Д. Большова спрятала и сохранила все детали сельхозмашин, сохранила семена.

Комсомольцы П. Артамонов из колхоза «Красный маяк» Плюсковского сельсовета и А. Кускова из колхоза «Новый путь» Киреевского сельсовета тайно хранили радиоприемники, слушали передачи из Москвы и сообщали о них колхозникам. Комсомольцы П. Сухов и А. Костянов из колхоза «Новое село» обмолотили общественный хлеб и спрятали его от врага.

Освобождение пришло в Козельск накануне 1942 года. Его принесли 10-я армия под командованием генерал-полковника Ф.И. Голикова и гвардейская дивизия

генерал-майора Н.С. Осликовского (в последующей жизни генерал стал главным консультантом многих фильмов, снятых по героическим эпизодам войны).

26 декабря Н.С. Осликовский выдвинул на штурм Козельска 180-й кавалерийский полк подполковника Васильева. Атака гвардейцев не удалась. С юга на подкрепление подошла 75-я гвардейская кавалерийская дивизия полковника Масалика.

Как ни оборонялся враг, гвардейцы пятого кавалерийского полка под командованием майора Бранинова сломили сопротивление немцев. В освобождении родного города принимали участие и козельчане В.Б. Птушкин, Т.С. Рыженков, Ф.С. Шепетун, Б.С. Маркин и другие. К сожалению, никому из них не удалось дожить до 60-летия Победы. Но воспоминания их сохранились. Вот что рассказал читателям районной газеты бывший начальник оперативного отдела полка 324-й стрелковой дивизии Т.С. Рыженков:

— Отрезав дорогу Белёв-Козельск, 324-я стрелковая дивизия взяла путь на Козельск.

27 декабря 1942 года полки дивизии сосредоточились на исходных рубежах для наступления на Козельск. 1093-му стрелковому полку было приказано наступать со стороны завода сельхозмашин и поселка Оптино, отвлекая основные силы противника на себя. Слева наступал 1095-й, справа — 1091-й стрелковые полки при поддержке кавалерийских и других приданных частей. В их задачу входило освободить город, спасти его от разрушения. Немецкое командование разгадало наши планы и, чтобы не оказаться в клещах, решило спешно отступать на Сухиничи. При отступлении немцы в конце железнодорожной станции на большаке оставили 120 автомашин. Гужевого транспорт с награбленным у населения добром немцы отправили по железнодорожному полотну, но его настигла наша артиллерия. Обоз был полностью уничтожен.

Стрелковые батальоны наступали по таким направлениям: первый батальон под командованием капитана Белова наступал на центр города и Старую Казачью, второй, командиром которого был лейтенант Иванов, наступал со стороны поселка Оптино на улицу Малосоветскую (ныне Веденева), третий, под командованием старшего лейтенанта Шарыгина, со стороны больницы. Всем батальонам была поставлена задача: соединиться в районе совхоза «Красный комбинат», вокзала и деревни Фроловск для последующего преследования отходящих на Сухиничи немцев.

28 декабря 1941 года Козельск был очищен от фашистов. С освобождением козельчан поздравил Всероссийский староста М.И. Калинин. Не обошлось и без жертв. Во время подготовки к операции по освобождению Козельска в своей штабной палатке в деревне Красный Клин был смертельно ранен храбрый офицер, выпускник академии, комиссар 2-й гвардейской кавалерийской дивизии Терентий Лаврентьевич Веденев. Его первым похоронили на центральной площади Козельска после освобождения города. Имя Веденева носит одна из козельских улиц.

А 6-7 января 1942 года в неравном бою за освобождение города Сухиничи был смертельно ранен командир 1093-го стрелкового полка, освобождавшего Козельск, М.И. Логвинов. Он был направлен в полевой медсанбат, который в то время находился в деревне Рядики. На второй день он умер и был похоронен в Рядиках. За его могилой ухаживают учащиеся Козельской средней школы №3. Всего за освобождение Козельска и района погибло почти 3 тысячи человек.

В дальнейшем 324-я стрелковая дивизия продвигалась на запад и закончила свой боевой путь в Кенигсберге.

В боях за Козельск сражался поэт Семен Гудзенко. Он писал:

«Да будет вдоволь отдыха и славы,
И самолет, перечеркнувший травы,
Мы вспомним мины и снега по грудь,
И на Козельск метельный путь...».

Семен Гудзенко лечился от ран в Козельске, умер от этих же ран в 1953 году. В Козельском госпитале лечился от ран и К.Рокоссовский.

1 января 1942 года в приказе №1 начальник гарнизона города полковник Готовский и военный комиссар гарнизона старший политрук Пашутин писали: «Город Козельск и Козельский район освобождены войсками доблестной Красной Армии от фашистских оккупантов... Призываем всех честных патриотов Советской Родины помочь нам и восстановленным органам Советской власти наладить строжайший, революционный порядок и искоренить агентуру фашизма».

21 января вышел первый номер возрожденной «Козельской правды». В напечатанном в нем обращении районного Комитета ВКП(б) ко всем рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, служащим и интеллигенции района говорилось: «Не медля ни одного часа, боритесь за восстановление промышленных предприятий, коммунального хозяйства города, налаживайте работу связи, школ, больниц, организуйте советскую торговлю, боритесь за восстановление колхозного хозяйства, по-военному развертывайте подготовку к весеннему севу, чтобы дать стране больше хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Окружим любовью и вниманием наших освободителей - бойцов, командиров и политработников Красной Армии, обеспечим их всем необходимым для полного уничтожения фашистских оккупантов, оставшихся еще на нашей территории».

На восточных, южных и западных окраинах еще бесчинствовали немцы. Почти ежедневно они совершали налеты на город и окрестные села. Но сразу же после освобождения города козельчане начали собирать подарки

в фонд Советской Армии. На фронт было послано 30 тысяч подарков. В фонд обороны козельчане внесли 100 миллионов рублей (в тогдашнем исчислении). Буквально под бомбежкой пахали на быках, а то и просто копали землю лопатами. Жали серпами, сено убирали вручную. Все сельхозработы провели вовремя и сделали хороший запас продовольствия. Рабочие Березичского стеклозавода досрочно выполнили план 1942 года и внесли на строительство самолета «Рабочий Березичского стеклозавода» 100 тысяч рублей.

О том, как встретили годину испытаний наши земляки, свидетельствуют их воспоминания.

«Колхозники сельхозартели имени Орджоникидзе уборку озимых в 1942 году завершили за пять дней, а сев зерновых за десять дней», — вспоминает М. Золотарев.

«Родные мои, — писала Е.В. Кононыкина, — не щадите врага. Убейте черную чуму. Самое дорогое для меня — двух сыновей — я отдала Родине. Сын Николай убит в начале войны. Павел, 1924 года рождения, пошел на фронт добровольно и тоже погиб...».

Такие письма в те суровые годы были не редкость. Писали и с фронта. Фронтовик из Чернышина П. Корочкин информировал земляков:

«Земляки, вы меня порадовали, что убрали урожай и семенами себя обеспечили. Низкий вам поклон за ваш труд. Письмо ваше читали прямо в окопе перед боем. Оно нам как родительское напутствие. В недавнем бою наше подразделение уничтожило свыше двухсот гитлеровцев»

Несмотря на жестокие испытания, многие письма с фронта полны нежности и заботы о близких.

Зверски была замучена фашистами в сентябре 1942 года юная учительница Попелевской семилетней школы Аня Овсянникова, воевавшая с фашистами в партизанском отряде «Победа» на Смоленщине. Буквально перед гибелью она писала матери:

«Дорогая мама! Пишу на ходу несколько строчек.

..Знаешь, мама, за поимку партизана нашего отряда немцы обещают большое вознаграждение. Им нужны сведения о «Победе». Ничего не выйдет у них, даже если кого и схватят... Я-то твердо знаю: выдержу все. Но не хочу умирать. А если и придется отдать жизнь, то сделаю это так, что никогда тебе, милая мамочка, не придется за меня краснеть. Ну, а впрочем, я не думаю о смерти, жить нам еще надо. Целую Нюру». Подвиг Ани Овсянниковой не забыт ее земляками. В Попелевской школе, где она работала, создан музей ее имени, в котором хранятся и все ее весточки из тыла врага.

Невозможно без слез читать письма учителя Волосово-Звягинской школы Бориса Фомича Сорокина: *«Дуся (жене)! С тех пор, как была потеряна с тобою переписка, многое пришлось пережить за эти долгие месяцы. Ведь, в песне поется так: «Не зная сна, не зная тишины...» И особенно больно было услышать о взятии немцами Козельска, моей родины. А что стало с нашим Волосовым? Про Побуж я читал в газете. Дорого заплатят мерзавцы за этот грабеж нашей свободной, цветущей Родины. Знаешь, Дуся, злобой к этой сволочи переполнено все мое существо, бью и буду бить этих поганых, непрошенных гостей еще с большей энергией. Дешево свою жизнь не отдам, а если и придется умереть, буду знать, что умираю за правое дело нашего народа.*

Дуся! О себе что писать? Еще ни разу не болел. Благодарен сам себе, что переносу безболезненно всякую погоду. Это мне помогает боровое и засека. Если дождусь от тебя письма, постараюсь написать больше. В ответ подробно пиши о своей жизни. Чем занимаешься? Твое настроение, как здоровье сына и что осталось после нашествия чертовых немцев?

Дуся, пиши все, для меня будет дорого каждое твое слово. Где сейчас Яков? Как здоровье стариков и Полины с Шурой? Как растет Раиска? Жива ли Федоровна? Где Карасев, Широков, Петрочук? Где Левитан Анато-

лий? Что стало с нашей школой и лесхозом? С боевым приветом Борис».

А вот отрывок из последнего письма Бориса Фоми-ча, датированного 27 апреля 1942 года:

«Дуся! Сегодня 27 апреля. Через три дня радост-ный праздник весны, всех трудящихся, день 1 мая! Да, этот день наступит, и я надеюсь, что мы с тобой от-метим этот день солидарности с единым чувством, ты там, с малышами в школе, я здесь, со своими боевыми грузьями. Отметим так, чтобы в эту минуту вспо-нить о своих близких, любимых и родных. Пусть этот день принесет счастье и свободу всем людям, стону-щим под пятой произвола. Пусть помнит каждый, что это день свободы, по праву завоеванный трудящими-ся... Крепче целуй за меня сына и скажи ему, что папа хочет, чтобы он рос смелым, решительным, всегда на-ходчивым и веселым. Я надеюсь, что он возьмет все зо-лотые качества матери, ну, и некоторые полезные сто-роны отца, которые и ему пригодятся в жизни».

Следующим пришло официальное извещение о том, что лейтенант Сорокин Борис Фомич, верный воинс-кой присяге, проявив геройство и мужество, погиб в боях за нашу Советскую Родину.

Его жена вместе с другими козельчанами продол-жала трудиться, всеми силами приближая Победу.

За доблестный труд в годы Великой Отечествен-ной войны более 300 тружеников награждены ордена-ми и медалями.

Осенью 1943 года враг был отброшен от Козельс-кого района. За эту осень было построено 1009 домов, 98 скотных дворов, 8 мельниц. Заново были отделаны электростанция, баня, аптека, кинотеатр, две школы, шесть магазинов, 351 жилой дом. Восстановили водо-провод...

В 1944 году в районе было восстановлено 15 пред-приятий, 37 учреждений. На селе еще прибавилось 1059 домов, 138 скотных дворов, 166 конюшен, 50 бань.

В другие районы Калужской области, пострадавшие от фашистской оккупации, Козельский район безвозмездно выделил 573 коровы, 591 лошадь, 54900 пудов зерна и 70 тысяч пудов картофеля.

Рабочие, ученики, старые люди, да и все жители, как могли, приближали День Победы...

Многие жители района принимали участие в строительстве аэродрома в Хатенках, а затем работали и на его обслуживании. Очевидцы этого еще живы. Среди них козельчанка Анна Ивановна Петрова и ее брат Николай Иванович Хромовичев. В годы войны они жили в деревне Верхние Прыски и вместе с другими детьми помогали старшим в обустройстве аэродрома, встречались с нашими и французскими летчиками. Николай Иванович недавно побывал в редакции газеты «Козельск» и сказал: «Я хорошо помню то время, горжусь, что хоть чем-то помог летчикам. С нами работали ребята из деревень Хатенки, Потросово». После войны Николай уехал в Москву. Закончил ФЗО. Работал жестянщиком. Отслужил в армии водителем во 2-й танковой армии в ГДР. После армии много учился. Перед уходом на пенсию Н. И. Хромовичев был проректором одного из московских вузов.

В год великого перелома в войне основные события на Западном фронте происходили на его левом крыле. Здесь готовилась совместная операция с Брянским и Центральным фронтами по освобождению Орла и Брянска, которая явилась составной частью разгрома немцев на Курской дуге. Авиация 1-й воздушной армии была скрытно сосредоточена на калужском, козельском и мосальском аэроузлах. На аэродром Хатенки были посажены 18-й гвардейский истребительный полк и полк французских добровольцев «Нормандия». Их задачей была – прикрытия перегруппировок войск 11-й гвардейской армии генерала Баграмяна. Именно в Хатенках принял боевое крещение летчик Василий Барсуков. Вы-

летая на задания, он сбил на своем самолете «Як-1» два бомбардировщика «Ю-87». За годы войны Василий Барсуков совершил 360 боевых вылетов, сбил 29 вражеских самолетов. 19 апреля 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1958 году полковник В. Н. Барсуков вышел в отставку. Несколько раз бывал в Хатенках, откуда начал свою военную биографию. Издал книгу воспоминаний, в которой есть зарисовки и с полевого аэродрома Хатенки.

В настоящее время о месте нахождения аэродрома напоминает памятный знак, установленный учащимися Подборской школы-интерната. Когда-то у клуба интернациональной дружбы этой школы, были такие в советские времена, были обширные связи с такими же КИ-Дами по всей стране. Ребята изучали боевой путь эскадрильи «Нормандия-Неман». К ним в гости приезжали ветераны эскадрильи и 303-й истребительной авиационной дивизии, в составе которой полк «Нормандия-Неман» находился во время войны. Ветераны на встречах с ребятами делились своими воспоминаниями, в частности, рассказали об одном эпизоде. Стремясь завоевать господство в воздухе, немцы перебросили из под Берлина истребительную эскадрилью «Мерседес», укомплектованную летчиками-асами. Они стали заниматься свободной охотой за нашими самолетами, действовавшими на левом крыле Западного фронта. Базировались немцы на хорошо прикрытых зенитной артиллерией аэродромах Орла и Брянска.

Эта эскадрилья причиняла много неприятностей нашей авиации, и молодые летчики начали терять уверенность в себе.

Оценив обстановку, подполковник А. Е. Голубов — командир 18-го гвардейского истребительного полка, который базировался на аэродроме в Хатенках, совместно с эскадрилей «Нормандия» решил поднять настроение лет-

чиков-истребителей. Он собрал личный состав полка, пригласил на сбор французов и предложил каждому написать немецким лётчикам письма наподобие письма запорожских казаков турецкому султану. Через некоторое время ему принесли более ста писем, написанных на языках всех республик Советского Союза, а также французском, немецком, английском, испанском. Доставить их на аэродром противника взялся сам А. Е. Голубов. Письма он засунул в голенище кирзового сапога. Подлетев к немецкому аэродрому, сбросил сапог на летное поле, сделав немецким лётчикам вызов на смертный бой. Этот бой состоялся вблизи аэродрома. Пара немецких истребителей напала на Голубова и его ведомого, но просчиталась и сама была атакована. Голубов вышел победителем, сбив матерого немецкого аса и благополучно вернувшись на аэродром в Хатенки. Только он вылез из самолета, как его подхватили на руки и начали качать. Дух личного состава был поднят. Вспоминая этот случай, генерал-майор авиации в отставке А. Е. Голубов очень сожалел, что не осталось копий доставленных немцам писем.

Дивизия начала свой боевой путь с аэродромов Козельского района и закончила его в Восточной Пруссии под Кенигсбергом.

Командир этой дивизии, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Георгий Нефедович Захаров пользовался у нормандцев огромным авторитетом. Французским лётчикам было чему поучиться у генерала Захарова. Он сражался в Испании, Китае, выполняя свой интернациональный долг. Во время Великой Отечественной войны он также лично участвовал в воздушных боях и уже в первый ее день над Минском сбил два бомбардировщика противника. К концу войны на его счету числилось 18 сбитых самолетов противника. После войны прославленный генерал приезжал в Козельск и встречался с его жителями.

Козельская земля и сама подарила восьмерых Героев Советского Союза.

Героев помним имена

«Герой Советского Союза, с 1934 года почетное звание, высшая степень отличия за заслуги перед государством, связанные с совершением героического подвига. Присваивалось Президиумом Верховного Совета СССР с вручением ордена Ленина, медали «Золотая Звезда» и грамоты Президиума Верховного Совета СССР.»

*(Советский энциклопедический словарь.
Издательство «Советская энциклопедия».
Москва. 1981).*

В годы Великой Отечественной войны 3500 козельчан награждены орденами и медалями. Есть среди них и Герои Советского Союза. Мы помним их имена.

АЛЕШИН Андрей Васильевич

Среди трех Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, и наш земляк Андрей Васильевич Алешин, уроженец деревни Новоселки. Свой боевой путь старший сержант Алешин начал в октябре 1941 года под Москвой. Орудие, при котором он был наводчиком, занимало тогда огневую позицию у Солнечногорска. «Дальше нам отступать некуда, орудие наше с этого места не сдвинется. Только вперед, на запад», — так сказал Алешин своим товарищам. Орудийному расчету грозило окружение, но артиллеристы не отступили, вели огонь прямой наводкой, и немцы, потеряв убитыми сотни солдат и офицеров, отошли. Враг не прошел! Затем были бои за город Середина-Буда, форсирование Днепра, где Андрей Васильевич Алешин был уже командиром орудия. В этом бою его орудие подожгло три вражеских танка и бронемашину. В 1944 году Алешин вновь отличился. Теперь уже в боях под городом

Менцвыжец. Здесь в лесном массиве на колонну наших войск неожиданно вышла группа немецких автоматчиков численностью до 200 человек. А. В. Алешин быстро развернул свое орудие и открыл огонь по врагу. Автоматчики поспешно скрылись, оставив на поле боя 50 своих солдат и офицеров. В феврале 1945 года 175-й гвардейский артиллерийский полк 4-й гвардейской кавалерийской дивизии, в составе которого воевал А.В. Алешин, вышел к Дидерлангу, где располагалось юнкерское артиллерийское училище. Курсанты этого училища были брошены на подразделения советских войск. Густой туман позволил немцам почти вплотную подойти к нашим позициям. И в этот момент орудие Андрея Васильевича Алешина открыло по ним огонь. В этом бою удалось уничтожить более пятидесяти немцев. Боевые подвиги А.В. Алешина отмечены пятью орденами и пятью медалями. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года гвардии старшему сержанту Андрею Васильевичу Алешину за проявленные в боях с немецкими оккупантами мужество и отвагу было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны Андрей Васильевич вернулся в родные края. Долгое время он трудился главным бухгалтером в совхозе «Красный плодород», вел большую военно-патриотическую работу. Умер он в 1974 году и похоронен в родной деревне Новоселки.

БУКАНОВ Иван Александрович

Довоенная биография Ивана Александровича Буканова во многом сходна с биографиями других козельских мальчишек, родившихся сразу после Великой Октябрьской революции. В родной деревне Новая Казачья окончил начальную школу, затем поступил в ремесленное училище. Некоторое время работал в Москве, потом вернулся в Козельск. В 1939 году был призван на срочную службу, где и застала его Великая Отечественная война. С первых ее дней начал участвовать в боях. В октябре

1941 года был ранен. После лечения вновь вернулся в строй. В ноябре 1943 года получил свою первую боевую награду — орден Красной Звезды. В это время Иван Александрович Буканов был уже командиром взвода управления батареи 308-го артиллерийского полка 144-й стрелковой дивизии, которая вела бои за освобождение Витебщины. 15 ноября 1943 года завязался тяжелый бой за овладение сильно укрепленной немцами полосой обороны в районе деревни Великолаковка Дубровенского района. лейтенант Буканов, корректируя огонь батареи, уничтожил два пулемета и до ста солдат противника, подавил огонь трех пулеметных точек, тем самым проложив путь пехоте. Оборонительный рубеж врага был захвачен нашими войсками. Но вскоре немцы перешли в контратаку. Сильно продвинувшиеся вперед при отражении вражеской контратаки лейтенант Буканов, старший лейтенант Станаев и сержант Ашихмин уничтожили орудийный расчет противника, захватили 105-миллиметровую пушку и из нее открыли огонь по вражеской пехоте и танкам, вызвав замешательство в стане врага. Им удалось уничтожить до 50 немецких солдат и офицеров. Опомившись, гитлеровцы открыли огонь из пулеметов и орудий. В результате осколком снаряда был ранен Ашихмин, а Станаев убит. Буканов отбивался до последнего снаряда. А затем взорвал немецкую пушку, и, взвалив на плечи убитого Станаева, поддерживая раненого Ашихмина, отошел к своим. Именно за этот бой Иван Александрович и был представлен к высшей правительственной награде. Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Ивану Александровичу Буканову звания Героя Советского Союза вышел 3 июня 1944 года, когда отважного лейтенанта уже не было в живых. Он погиб в декабре 1943 года, освобождая землю братского белорусского народа.

ЗАСОРИН Иван Михайлович

Иван Михайлович Засорин родился в 1913 году в

деревне Стенино. Но уже в следующем году семья переехала в город Зеленодольск (ныне Татарской АССР). С этим городом связана вся довоенная и послевоенная биография Ивана Михайловича. Но память об этом замечательном человеке живет и на земле козельской. Козельчане так же, как и жители Зеленодольска, гордятся его боевыми подвигами. В рядах Советской Армии Иван Михайлович с 1935 года. Служил на Дальнем Востоке, в должности политрука 8-й батарее легкого артиллерийского полка 32-й стрелковой дивизии принимал участие в боях у озера Хасан. Наиболее яркие эпизоды из боевой жизни Засорина связаны с последними этапами Великой Отечественной войны. Звание Героя Советского Союза командиру батарее 525-го легкого артиллерийского полка старшему лейтенанту Ивану Михайловичу Засорину было присвоено 24 марта 1945 года за героизм и мужество, проявленные при взятии плацдарма на правом берегу Дуная. В этом бою, состоявшемся в ночь с 4 на 5 ноября 1944 года, батарее Засорина удалось уничтожить 4 огневые точки противника, подавить огонь двух минометных батарей и уничтожить до взвода вражеской пехоты, что позволило передовым группам двух стрелковых батальонов стремительным броском захватить населенный пункт — село Эрчи.

КУЗИН Алексей Николаевич

Уроженец деревни Трошна Алексей Николаевич Кузин свой боевой подвиг совершил в боях за освобождение столицы Советской Украины города Киева в октябре 1943 года. Командир стрелкового взвода 529-го полка 163-й Ромненской дивизии младший лейтенант Кузин получил приказ переправиться на правый берег Днепра, закрепиться там и обеспечить успешную переправу своего батальона. Форсирование реки началось в ночь на 1 октября. Кузин переправлялся с первой группой из четырех

человек. За ними последовали другие лодки. Противник обнаружил десант только на рассвете, когда взвод уже закрепился на другом берегу, установив связь со штабом своей части. Но положение десанта осложнилось тем, что он оказался на открытой местности. Немцы открыли по советским воинам огонь из пулеметов и минометов. На помощь взводу пришли наши артиллеристы, поддерживавшие его сильным огнем. Ряд ожесточенных контратак немцев был отбит. Здесь особенно ярко проявились волевые качества командира взвода комсомольца Кузина. Личным примером он постоянно воодушевлял своих бойцов. А во время одной из наиболее ожесточенных контратак противника он первым поднялся из окопа и с криком «Ура! За родной Киев, вперед!» увлек за собой весь взвод. В результате им не только удалось отбить контратаку, но и захватить вторую линию немецких траншей. Удержав плацдарм, взвод лейтенанта Кузина дал возможность быстро и с малыми потерями переправиться всему батальону, а затем и полку. За успешное выполнение этого ответственного боевого задания Алексей Николаевич Кузин Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1943 года был удостоен звания Героя Советского Союза.

ПАРШИН Виктор Степанович

Виктор Степанович Паршин родился в небольшом городке (в то время поселке) Каменка Пензенской области. Но в 1931 году семья переезжает в Козельск, куда Степан Дмитриевич, глава большого семейства Паршиных, направляется на строительство железной дороги. В Козельске прошла юность Виктора. Отсюда вместе со старшими братьями Борисом и Александром он отправил письмо наркомму обороны с просьбой призвать их добровольцами в Красную Армию и зачислить в один танковый экипаж. Просьба братьев была удовлетворена. Свою службу экипаж Паршиных начал в Риге. Но начавшаяся вскоре вой-

на разлучила братьев. Сначала был ранен Борис, после госпиталя ему уже не удалось вернуться в прежнюю часть. Позже он погиб. В августе-сентябре 1941 года Александр и Виктор участвовали в сражении под Ельней. В одном из боев Александр был убит, а Виктор тяжело ранен. После госпиталя - танковое училище. В мае 1943 года уже в звании лейтенанта он получает направление в 32-ю танковую бригаду 5-й гвардейской танковой армии, находившуюся на Степном фронте. Здесь в районе деревни Павлово в бою за участок дороги Харьков-Сумы, который разгорелся 12 августа 1943 года, он совершил подвиг, за который Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В этом бою лейтенант Паршин уничтожил 7 вражеских танков и расстрелял до роты автоматчиков. Погиб Виктор Степанович Паршин в большом танковом сражении на Днестре.

ПРОНИН Василий Дмитриевич

Василий Дмитриевич Пронин родился в 1921 году в деревне Грива. Но в начале 30-х годов семья переезжает в Москву, где Василий оканчивает десятилетку и поступает на завод. В Красную Армию он был призван осенью 1940 года. С первых дней Великой Отечественной войны в качестве командира пулеметного подразделения участвовал в боях на Западном фронте. Затем был направлен во 2-е Саратовское танковое училище, которое окончил в 1943 году. И вновь фронт, вначале Волховский, затем Ленинградский. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР за героизм и мужество, проявленные во время наступательных боев на 1-м Украинском фронте, в январе 1945 года. Танкисты участвовали в освобождении населенных пунктов Мацеиновице, Венглишин, Бочковице, Криккау, Клиен Эльгут, го-

родов Родомуско, Питшеп, а позже города Будапешта. За время наступательных боев взвод Пронина уничтожил в общей сложности 25 орудий разных калибров, 19 пулеметов, 5 самоходных орудий, 17 автомашин и бронетранспортеров, 6 дзотов, 3 обо-за с военными грузами, около 400 вражеских солдат и офицеров.

ТРУБИН Иван Степанович

Звание Героя Советского Союза нашему земляку Ивану Степановичу Трубину было присвоено посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1943 года. В армии очень пригодилась крестьянскому пареньку из села Алешня полученная им на районных курсах, организованных в селе Волконском, профессия тракториста-механика первого класса. И поэтому в 1939 году, когда Трубин был призван в ряды Красной Армии, его направили в танковые войска. Война застала его в училище. Первое боевое крещение получил в 1941 году на Западном фронте, в боях за Смоленск. В апреле 1943 года получил Иван Степанович свою первую боевую награду — орден Красной Звезды, которым был награжден за самоотверженность в боях на Воронежском фронте. А в июле этого же года ему довелось участвовать в знаменитом сражении на Орловско-Курской дуге. 19 июля в бою за деревню Изотово танк, которым командовал Трубин, уничтожил фашистский «тигр», разбил две противотанковые пушки и подавил минометную батарею противника. На следующий день танк Трубина участвовал вместе с другими танками и десантом в разведке боем в районе деревни Троицкое. Один только экипаж Трубина уничтожил при этом самоходную пушку и до роты пехоты противника. Танкисты захватили 10 автомашин, одну пушку и взяли

в плен 30 вражеских солдат и офицеров. Погиб Иван Степанович в одном из боев на Орловском направлении.

ПОТАПОВ Сергей Иванович

Родился в Козельске в 1921 году. У Ивана Васильевича и Степаниды Емельяновны Потаповых было шестеро детей: три дочери и три сына. Сергей был четвертым ребенком. Семья занимала дом, который находился в ведомстве районного торфопредприятия. Сережа начинал учебу в Козельской средней школе №3. В 1930 году Потаповы переезжают во Владимир. Участь в девятом классе, Сергей поступает во владимирский аэроклуб, который успешно окончил, и его направляют в Балашовское военно-авиационное училище пилотов. На фронт Сергей попал в июле 1943 года. Первый бой с врагом принял в ленинградском небе. Ратный путь командира звена 15-го штурмового авиационного Краснознаменного полка 227-й штурмовой авиационной Красносельской Краснознаменной ордена Суворова дивизии лейтенанта Сергея Потапова тесно связан с замечательными победами воинов Ленинградского фронта в 1944 году. На самолете «Ил-2» мужественный летчик совершил 186 успешных боевых вылетов: 69 раз штурмовал огневые позиции противника, 25 раз — колонны автомашин и железнодорожные эшелоны, 20 — позиции дальнобойной артиллерии, 31 вылет на разведку и свободную охоту. Сергей Потапов уничтожил 7 вражеских танков, 32 автомашины, 16 железнодорожных вагонов, 13 артиллерийских точек, 43 зенитных орудия, 3 дзота, 5 пулеметных гнезд, 14 повозок с грузами, сотни солдат и офицеров противника. Сотни часов провел в небе Сергей Потапов на своем грозном «Ил-2». Участвовал в освобождении Ленинграда от вражеской блокады, воевал на Ка-

рельском перешейке, в небе над Эстонией. На фронте стал коммунистом. Грудь отважного летчика украсили три ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени. За освобождение Восточной Пруссии пилот-гвардеец получил высшие награды Родины - орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» с присвоением звания Героя Советского Союза. После войны С. И. Потапов окончил военную академию и строительный институт. Жил в Одессе. До конца жизни (он умер в 1982 году) продолжал работать на авиационном заводе.

В. ИЛЬИН.

Жители Козельского района участники партизанского движения в войне 1941-1945 гг.

Всё дальше уходят в прошлое годы Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, годы героической борьбы за свободу и независимость Родины.

Главной силой, сокрушившей фашистскую военную машину, явились советские вооруженные силы и героические работники тыла, давшие всё необходимое фронту.

Важной составной частью Великой Отечественной войны явилась борьба с захватчиками населения оккупированной советской территории и волей случая оказавшихся на оккупированной территории наших советских людей.

Забрасывались в тыл и группы специально подготовленных подрывников, агитаторов, разведчиков.

Борьба советских людей в тылу фашистских войск во многих отношениях явилась новым, невиданным в истории освободительных войн явлением. Она отличалась от партизанских выступлений народов России против иноземных и классовых врагов в прошлом, от движения сопротивления в Европе и Азии в годы Второй мировой войны. Это отличие в источниках народной борьбы в тылу врага, в тех силах, которые поднимали советских людей на борьбу с фашистскими оккупантами.

Стремление защитить Советскую Родину, отстоять её социалистические завоевания подняло на борьбу с фашистскими оккупантами миллионы оставшихся во вражеском тылу советских людей — рабочих, крестьян,

интеллигенции, представителей многочисленных народов СССР. В этой борьбе участвовали десятки тысяч патриотов, добровольцев, а также попавших в окружение и бежавших из плена воинов Красной Армии. Борьба за линией фронта опиралась на материальную и моральную поддержку советского тыла. Особую роль в борьбе с захватчиками сыграл рабочий класс, составивший костяк партизанских формирований и подполья.

Развитие партизанской борьбы в тылу врага под руководством коммунистической партии превратилось в важный военно — политический фактор нашей победы, став примером для народов Европы.

Всенародная борьба в тылу врага была управляема, что позволяло сосредотачивать удары по уязвимым местам и звеньям гитлеровской военной машины в соответствии с задачами, решаемыми Красной Армией.

В этой жестокой борьбе приняли участие и жители Козельского района. В документальной повести К.И. Новикова «Победа» сражается за победу» (издательство «Московский рабочий», 1982 г.) рассказывается о боевых действиях комсомольско-молодёжного диверсионного партизанского отряда. В нем воевали наши земляки, и некоторые из них заплатили своей героической жизнью за победу нашего народа.

Отряд действовал с августа 1942 по июнь 1944 года. Он прошел боевой путь по ряду районов Смоленской области, а также Витебской и Могилевской областей Белоруссии. До 1944 года значительная часть Калужской области входила в состав Смоленской области. В отряде было 27 человек, 6 коммунистов и 21 комсомолец. Комсомольцы Сима Ермакова, Аня Овсянникова, Надя Козлова, Катя Кондратьева совсем недавно окончили педучилище и уже успели немного поработать учителями. Ваня Белугин, шустрый, решительный хлопец, сбежал из ремесленного училища, подался на фронт, оттуда его привезли в подмосковный городок. Тима Горбачёв, Витя

Дмитриев, Витя Юрин, Коля Степанов, Саша Солдатов — вчерашние школьники. Всех их объединяет стремление бороться с ненавистными фашистами, пришедшими на нашу землю. Родина-мать в опасности. Она позвала своих сыновей и дочерей, и они встали на её защиту, откликнулись на этот зов.

Когда в 1941 году фашисты стали подходить к Гжатскому району, К.И. Новикову поручили эвакуировать технику в тыл, а в начале 1942 года Смоленский обком партии поручил сформировать партизанский отряд. Его можно было сформировать в основном из молодежи непризывного возраста. Юноши и девушки поочередно произносят слова присяги партизана Смоленщины. Встав рядом с первым секретарем Смоленского обкома партии, начальником западного штаба партизанского движения Дмитрием Михайловичем Поповым и перед лицом своих товарищей, каждый чеканил слова: «Я, гражданин великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров и начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

За сожжённые города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над русским народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно. Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя своей крови и своей жизни.

Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство кровавому фашизму.

Если же по своей слабости, трусости и злой воле я нарушу эту свою присягу и предам интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей».

Принявшие присягу закончили курс обучения в спецшколе, отряд был готов к боевым действиям. Командиром отряда был назначен кадровый офицер, командир роты курсантов спецшколы старший лейтенант Дмитрий Куприянович Рыбаков.

На Смоленщине уже действовали многочисленные партизанские отряды. Отряд Рыбакова назвали «Победа», а райком партии название утвердил.

Был дорог каждый день, и отряд отправился к назначенному месту перехода линии фронта. В то время враг был отброшен от Москвы, но рвался снова.

В районе Велиж (город Смоленской области) — Усвяты (село Псковской области) отряд провели через Суражские ворота. Это была очищенная от гитлеровцев территория, на которой господствовали с одной стороны партизаны, с другой фронтовые части Красной Армии. «Ворота» держали открытыми долго. Через них шло пополнение к партизанам, от которых приходили посыльные с ценными донесениями о дислокации вражеских войск, их передвижении.

В условленном месте группу партизан встретил проводник, и дальше пошли по оккупированной территории. Слева трясина, справа трясина, шли гуськом след вслед, а тропинка известна только проводнику. И вот по цепи: «Осторожно, рядом гитлеровские гарнизоны».

Командиру группы Кириллу Новикову, бывшему директору МТС Гжатского (ныне Гагаринского) района, тогда исполнилось 30 лет. Был он широк в плечах, привычен к физической работе, но и он чувствовал усталость. А как приходилось другим, большинство из которых семнадцатилетние юноши и девушки, а то и моложе. У каждого за плечами по два мешка: один с боеприпасами, другой с продуктами. Накануне предупреждали: никаких привалов, августовская ночь короткая, а пройти нужно много. К утру некоторые девушки стали сдавать, и ребята взяли у них вещмешки.

Наконец лес расступился, и проводник сказал: «Ну, вот. Можно отдохнуть». Все бросились на траву, а командир вытащил дневник и впервые в тылу врага записал:

«12 августа 1942 года, Суражский район, держим путь в Лиозненский район».

— В этой деревне немцев нет, — показал на выступ берёзовой рощицы проводник. Все повернули головы по направлению его руки. Как мы не заметили за березами домов с дымящимися трубами. О бдительности забывать нельзя. Проводник покурил и отправился в обратный путь, а мы отправили в деревню разведчиков. Вскоре они вернулись в сопровождении женщины и ребят-шек. В деревне отдохнули, рассказали о разгроме немцев под Москвой, а к вечеру командир отряда Д.К. Рыбаков подал команду: «В поход!» Через несколько километров нас остановил партизанский секрет.

— Знаем о вас, — сказал партизан. Он дал карту-схему, показал на ней расположение вражеских гарнизонов и посоветовал, как лучше идти к железной дороге.

16 августа в деревне Михайлове Суражского района встретили партизан из отряда имени Чапаева бригады Алексея. Отдохнуть и снова в путь. Обходя деревню Фоново, увидели немцев. Колонна карателей с противотанковыми орудиями, минометами, пулеметами двигалась в Фоново, и деревня запылала. Фашисты не должны уйти безнаказанно! Сделали засаду. Фашисты праздновали победу и были навеселе, закусывали яйцами и салом. Партизаны лежали с интервалом в 10 метров и, когда колонна растянулась на ширину засады, раздалась команда: «Огонь». Фашисты сначала заматались по большаку, выкрикивая: «Партизаны!» Но быстро сориентировались, залегли в кювет и открыли прицельный огонь. Группа фашистов стала обходить с правого фланга. Командир Рыбаков приказал собрать ударную группу. Нам на помощь подоспел отряд имени Чапаева. Немцы

потеряли более 20 человек, у нас был один раненый. Это был первый наш бой, поднявший наше настроение.

В зоне Суражских ворот тогда действовало более трех тысяч партизан. Через Суражские ворота партизаны вывели в советский тыл десятки тысяч мужчин призывного возраста, эвакуировали много мирных граждан.

Первой крупной операцией с участием отряда «Победа» стало нападение на вражеский гарнизон в деревне Уна, что протянулась вдоль шоссе Витебск-Смоленск недалеко от Лиозно. В Уне была волостная управа, большой склад награбленных у населения продовольствия, одежды, ценных вещей. Работал молокозавод, а вокруг деревни окопы, в которых пулеметчики.

Гарнизон громили с отрядом имени Чапаева. Изучив охрану, расположение казармы, складских помещений, к вечеру сосредоточились на опушке. В сумерках поползли к деревне. Необходимо было без шума снять часовых и подползти на расстояние броска гранаты. По улицам ходят патрули, плывет густой туман, а в 3 часа в небе повисла ракета и заухали взрывы. Это гранатами забрасывали пулеметные гнезда, уничтожали коммуникации связи, казарму. Партизаны хлынули в деревню, бой на улице. В стороне шоссе донеслись взрывы и выстрелы. К погибающему гарнизону спешила помощь. Машины с фашистами подрываются на минах, а оставшиеся падают от партизанских пуль.

Вместе с отрядом Чапаева партизаны отряда «Победа», где воевали наши земляки, участвовали в разгроме отряда самообороны в деревне Погостище. Внезапность, быстрота, решительность, согласованность и точный расчёт обеспечили успех. В Погостище обнаружили при осмотре чердаков, подвалов, сараев 15 спрятавшихся немцев и полицейских и в соседней деревне 12 фашистов.

Светало, отряд отправился в лес и вместе с ними десять молодых парней, вступивших в партизаны. Взаимодействовал отряд «Победа» и с отрядом моряка Михаила Наумова, 24 лет.

В отряде «Победа» стало законом: каждый член отряда — пропагандист и агитатор. Гитлеровцы использовали многообразные средства, направленные на обман. Умело вели пропагандистскую работу наши земляки: Аня Овсянникова, Николай Степанов, Вера Кретьева (Хрусталева), Саша Солдатов, Федор Слободин.

Вторую группу подрывников послали во главе с Ваней Белугиным, а он взял наших ребят: Сашу Солдатова, Колю Степанова, и ребят из других районов. Решили идти по маршруту Никифорова и произвести взрыв на том же участке. Немцы вряд ли подумают, что партизаны туда полезут ещё, и усилят охрану других участков. Группа подрывников ушла к железной дороге, а отряд к деревне Красыни. О месте встречи отряда с подрывниками договорились.

Деревня Красыни находилась около шоссе, и в ней немцы построили гаражи и автомастерскую, где машины проходили профилактический ремонт. Там же располагалась волостная управа. Ударная группа устранила пулеметный расчёт и четырех автоматчиков на главном подходе, и партизаны ворвались в деревню. Окружив казарму, забросали её гранатами, взорвали технику в гараже и мастерской. Офицеры, засевшие в доме, отстреливались, и дом пришлось поджечь, а выбегавших офицеров расстреливать в упор. Были захвачены бланки паспортов и пропусков, но главное — взрывчатка. Сделали длительный марш-бросок, утром небольшой привал, и опять в путь. Уже с марша были посланы подрывники на железную дорогу. Отряд редко бывал в полном сборе. Группы из 4-6 человек пробирались к местам передвижения фашистов.

В 1942 году вырос прекрасный урожай, и фашисты пытались вывезти хлеб в Германию. Отряд «Победа» боролся за спасение урожая. Минировали дороги, устраивали засады. В одной из групп была наша Катя Кондратьева. К шоссе вышли удачно и стали минировать. Ребя-

та управилась быстро и ушла в укрытие, а Катя задержалась. Ей показалось, что взрывчатка плохо замаскирована. На помощь поспешил Федоров, и только он приблизился к Кате, прогремел взрыв. Ваня и Катя погибли. Раненых и убитых всегда привозили в отряд. Но только убрали труп Федорова, показались фашисты. Они оцепили место взрыва и устроили засаду. Труп удалось убрать днем и похоронить с почестями в деревне Курчки Лиозненского района.

Учительница из Попелева принесла книгу Островского «Как закалялась сталь», читала ее вслух девушкам, но, увидев, какой интерес к ней у партизан, объявила о громкой читке для всех. Аня была заместителем комиссара отряда по комсомолу.

Каратели преследовали по пятам, удавалось лавировать, не уходя далеко от железной дороги. Переходы, марш-броски ночью по 30 и более километров. На привалах или отдыхе засыпали, как убитые, а проснутся, и уже слышны шутки, смех. После сна приказ осмотреть оружие и снаряжение, быть в боевой готовности. В это же время выпускали «боевые листки», проводили политинформацию. Связные уходили через линию фронта, уносили донесения командира отряда К.И. Новикова, письма партизан, а возвращались с газетами «Правда», «Красная Звезда» и позже их передавали в деревни. После политинформации слушали очередную главу романа «Как закалялась сталь». Юноши и девушки восхищались Павлом Корчагиным и, когда принимали в комсомол наших земляков, Колю Степанова и Веру Кретову, каждый торжественно заявил: «Хочу быть членом комсомольской организации, в которой состоял Павел Корчагин». И принимали в комсомол таких единогласно.

Вера Кретова воевала храбро, но заболела и отправлена на Большую Землю. Спустя 35 лет бывший командир отряда «Победа» Новиков К.И. встретился с ней у Кости Сухоруцкого в Подмосковье, в совхозе «Нара».

Оказывается, Вера вылечилась, вступила в Красную Армию, войну закончила в Кенигсберге. После войны закончила Московскую партийную школу, потом учила детей в Московском районе. Имеет награды. Жила в Ленинграде.

Письма. Их посылали через линию фронта родным. Многие из них хранятся в Гагаринском краеведческом музее. Их нельзя читать без волнения. Вот письма Ани Овсянниковой.

«Дорогая мама!

Шлю вам всем свой пламенный, чистосердечный привет и... самое искреннее пожелание всего лучшего в жизни и работе.

Не знаю, получили ли вы мои письма, я писала из Калуги, Москвы и отсюда, с места, пишу другое письмо.

Живу хорошо, питание хорошее, скучать не скучаю, потому что совершенно некогда, полный день занят учебой, да и хорошо, выводит нас из спячки, к которой мы привыкли дома, по крайней мере нас готовят к очень полезному, благородному делу, благодаря чему после войны мы можем с уверенностью сказать, что и мы хоть немножко, а участвовали в освобождении Родины от ворвавшихся немецких оккупантов.

За меня, мама, не беспокойся и особенно не горюй, больше думай о себе и устраивайся так, чтобы тебе с ребятами было хорошо. Мою зарплату ты скоро будешь получать по линии райсобеса, об этом уже есть запрос, а доверенность я послала в райком.

В крайних случаях наг чем-нибудь трудным голову не ломай, обратись за помощью к Сергееву, к Косьмину, они обязаны помочь по-товарищески. А вы, ребята, не гурите, слушайтесь, что вам говорят бабушка и мама, не хулиганьте, делайте всё, что можете дома и в совхозе, вам для этого созданы все условия, вы являетесь пионерами, должны понимать, как живут ваши сверстники в занятой немцами местности.

Советую вам больше работать, аккуратно со­дер­жать огород, без дела не болтаться. Тае и Мане учить­ся шить и рукодельничать, заменять бабушку и маму, им и без этого дел хватает. Попросите Казанцеву сде­лать вам по сарафанчику из моих ситцевых платиц. Обязательно сделайте, чтоб, когда я вернусь, вы их из­носили, а если не износите, обижусь, смотрите же, Сеня тоже должен работать. Мама, Лосякова Дуся и Валя Мышетопова вернулись домой. Дуся по болезни, Валя потому, что 24-го года. Я с Валей переслала вам 200 рублей денег...

Передавай привет всем, всем, всем. Целую всех, с приветом Нюра».

16. VII. 42 г.

«Дорогая мама!

Шлю я вам, мои милые, большущий привет и желаю всего лучшего в жизни и работе.

Я жива и здорова, одета и сыта.

Последнее письмо я вам послала из Можайска. Там мы были 10 дней, 5 августа мы уехали оттуда. Опять заезжали в Москву, это уже пятый раз. Далее через Калинин (бывший Тверь), через гор. Осташково и другие. Сейчас пишу из города Торонец. Здесь всюду побывали немцы и оставили следы: все разрушено, сожжено, уничтожено, население еще терпит большие нужды, на эти города и по сей день бывают налеты, часто стремятся бомбить, но часто их и не допускают до этого, разгоняют с помощью зениток.

Население всюду встречает нас с уважением. Ока­зывает теплый, радушный прием. Пока едем железной доро­гой, на автомобилях, где как придётся, нас поря­дочно нагрузили, одели, обули (дали туфли и хорошие сапожки), продвигаемся чуть ближе к фронту, а там нырнем чуть-чуть даль­ше, чтобы мешать немцу в его занятиях, всюду подставляем ему ногу. Вот тебе, ма­мочка, и откровенное признание.

Мама, гордись и не горюй обо мне. Партия, наша

страна, наш народ... доверили нам это дело, и мы, конечно, оправдаем доверие, сделаем всё, что в наших силах, для Родины в этот трудный час.

Да, мама, время очень трудное, решается судьба всего человечества и решается в таком направлении: быть свободным, мирно жить и работать или жить под гнетом, стоять на коленях всю жизнь. Так чем жить на коленях, лучше умереть стоя! Правду я говорю? Конечно, правду. Представлена возможность жить мирно. Так живите же дружно, работайте лучше и больше, не беспокойтесь, немцы не вернуться больше туда, но зато вы помните, что не все ещё получили право так жить, многие переживают кошмары и ужасы оккупации. А чтобы всех освободить, помогайте Красной Армии чем можно.

Ну, пока всё. До свидания. Целую всех, начиная с бабушки и кончая Лёней. Пишите письмо, адрес я вам написала, если не получили, то я повторю: П.П.С., 388 политотдел Армии, Овсянниковой А. С.

Привет Тане, всем учителям, работникам конторы, сельсовета, всем рабочим совхоза, всем моим учащимся... С приветом Нюра».

08.08.42 г.

«Дорогая мама!

Шлю свой боевой партизанский привет. И желаю всего лучшего в вашей кипучей жизни и работе.

Я жива и здорова, нахожусь в глубоком тылу немца, и от вас меня отделяет расстояние не более 600 км. Знаешь, мама, я где — 30 км от Вовкиной родины... Живется ничего, забавно. Днем отдыхаем, а ночью ставим спотыкачи немцам, и знаешь, как приятно смотреть, когда утром они вдруг начинают спотыкаться и взлетать на воздух. Летят и по одному, и целой бандой, когда как придется. Так что хотя и большую территорию занял немец, а жить ему здесь крайне неспокойно, он как в комариной кочке: чтобы не задумал, ему обяза-

тельно помешают партизаны. А нас тут много, и все хорошо вооружены. Живём в деревне, занятой партизанами. Жизнь колхозная, власть Советская. Хочется знать как вы там живете. Получите письмо, пишите ответ, к нам почту привозят самолеты. Пишите больше, подробнее, получу, с радостью прочитаю. Как чувствует себя бабушка, не болеет ли, чем занимается, как ведут себя ребята? Небось, расхулиганились? Пишите, как у вас с питанием, хлебом, хороша ли картошка, какой урожай ягод в совхозе? Пишите все, что произошло без меня. Адрес: П.П.С, 414,7 отгел 5-4, Щербакову Т. (для Ас. О.)».

...Письма лаконичные, сдержанные. А сказано в них много. Эти письма передала Новикову К., бывшему командиру партизанского комсомольско-молодёжного диверсионного отряда «Победа» после войны мать Ани Наталья Прокофьевна Овсянникова. Бывший командир отряда «Победа» Кирилл Новиков, бывший руководитель Гжатского (ныне Гагаринского) района неоднократно встречался с Натальей Прокофьевной Овсянниковой и много слышал от нее о дочери. Но тот молчаливый момент рассказал Кириллу Новикову о ней гораздо больше. Наталья Прокофьевна поднесла письма на открытых ладонях Новикову К.И. Так несут самое святое. Она смотрела на пожелтевшие листки, написанные родным почерком, как будто вновь рассталась с любимой дочерью. Наталья Прокофьевна поглядела на Новикова Кирилла, и он прочитал в тихом коротком взгляде этой простой русской женщины многое: страдания, большую волю, душевность, любовь к людям, к жизни. В любви к людям, к труду, к Родине, к родной Советской власти воспитывала она и свою дочь Аню.

Сколько у нас в стране вот таких благородных, красивых душой женщин, чьи сердца острой болью пронзило страшное известие о гибели детей на войне! Сильнее нет удара. Горе состарило этих матерей, но они выстоя-

ли. И когда заходит разговор об их детях, матери гордо поднимают головы — им не стыдно за своих сыновей и дочерей.

Анна Семеновна Овсянникова родилась 4 ноября 1922 года в деревне Нижнее-Дрезганово Крастинского района Орловской области. Отец — участник гражданской войны. После войны он долгое время работал на стройке в городе Липецке. Мать, Наталья Прокофьевна — домохозяйка, а с 1930 года — колхозница. С 1 по 7 класс Аня прилежно училась в Дрезганове и мечтала стать учительницей. После семилетки Аня поступила в педагогическое училище города Ельца. В 1937 году семья Овсянниковых переезжает в совхоз «Красный Плодовод» Козельского района в Попелёво, бывшей Смоленской (ныне Калужской) области. Из Елецкого педучилища Аня перешла на 2-й курс Козельского педучилища, которое закончила весной 1939 года. В педучилище Аня проявила себя чутким товарищем, умелым организатором и участником художественной самодеятельности, активной спортсменкой.

Осенью 1939 года 17-летняя Анна начала работать учительницей начальных классов Вязовской начальной школы (в 3-х километрах от Попелева). 4 ноября 1939 года умер отец, и у больной Натальи Прокофьевны осталось пятеро детей. Аня — старшая, и, чтобы помочь маме, она переводится ближе к дому — в Попелевскую 7-летнюю школу. Кроме 1-го класса ведет зоологию, пение и рисование в старших классах. До сих пор с благодарностью вспоминают ее бывшие ученики. Несмотря на домашние сложности, Аня — активистка среди учеников и учителей. Она старшая пионервожатая школы и секретарь колхозной комсомольской организации. Война 1941-1945 годов застала Аню на работе. Семья Овсянниковых пыталась эвакуироваться, но неудачно. Возвратились из Тулы, в доме уже хозяйничали немцы. Стараясь не попадаться на глаза, скрывая, что она комсомол-

ка, сразу после освобождения Аня пришла в райком ВЛКСМ и попросилась на фронт. Ане шёл 19-й год, ей сказали, что слишком молода. Но желание мстить фашистам за разоренную Родину было велико, и она обратилась в Центральный комитет комсомола с просьбой направить её в тыл врага для борьбы с оккупантами. 22 июня 1942 года Аня вместе с подругами направлена в диверсионную школу при ЦК ВЛКСМ. После окончания учебы её перебросили за линию фронта. В партизанском отряде Ане был поручен выпуск отрядной газеты «Голос партизан». Аня любила цветы и между боями собирала их на лесных полянах, любила плести венки из незабудок — её любимых цветов. В отряде её так и прозвали — «Незабудка». Местные жители помнят маленькую хрупкую партизанку — Аню из отряда Кочубея (под таким псевдонимом скрывался её командир К.И. Новиков).

Став комиссаром партизанского отряда, Аня получает самые ответственные задания и выполняет их. Наметили послать группу на железную дорогу, об этом узнала Аня. Она прибежала к командиру, запыхавшись: — Вы обещали.

— Да, я обещал девушкам посылать их с подрывниками, но старался придержать их в отряде.

Им и так приходилось делать немало. Ходили в разведку, стирали белье, шили, штопали, варили пищу. Ребята оберегали девушек, а те просили, требовали.

Перед командиром стояла стройная, красивая девушка. В теле хрупкость, а во взгляде упорство. Тима Горбачёв шутил, а сам глаз с неё не сводил. Во время боевых стычек Тима всегда спешил Ане на выручку.

Заместитель комиссара по комсомольской работе Аня Овсянникова с первых дней действий отряда не только говорила, но и показывала на деле, каким должен быть комсомолец.

Однажды, когда были рядом с деревней Тюлпой,

партизан начали преследовать каратели. Завязалась перестрелка. Аня из-за кустов вела огонь. И вдруг увидела, как кто-то из ребят упал, раскинув руки. Убит, ранен? Бросилась к парню, схватила его и поволокла. Немцы заметили это, побежали к ней. Видимо, хотели взять живой. Аня тащила товарища к лесу. Что она делает? Фашисты уже близко! Но тут девушка швырнула гранату, вскочила, и, откуда только силы взялись, на плечах перенесла раненого через небольшую опушку в безопасное место.

Во время операции по спасению хлеба Овсянникова участвовала в минировании дорог, была в засаде. На дороге начали взрываться мины. Фашисты остановились. Немецкий офицер дал команду ехать проселочной дорогой. Две машины с 15 фашистами свернули с большака. Уйдут! Аня бросилась с миной наперерез. Она знала: за перелеском дорога круто сворачивает. Успела пересечь лесок, на повороте дороги замаскировала мину. Фашисты ехали спокойно, считали, что такой их маневр партизаны не могут предугадать. И вдруг по лесу полетело глухое эхо взрыва. Разразилась автоматная очередь. Это стреляла Аня Овсянникова. Ей на помощь спешили товарищи из подрывной группы.

Так что Аня была уже обстрелянным бойцом. Ходила и на железную дорогу с партизанами, пустив под откос эшелон с 17-ю вагонами боеприпасов.

— Вот что, Аня, — сказал командир отряда. — Подрывники пойдут чуть позже, помоги девочкам выпустить стенгазету.

— Значит, я включена в группу?

— Да.

— Слушаюсь выпустить газету.

На железную дорогу в тот день собирался Митя Рудов со своими ребятами. На его счету было уже два пущенных под откос эшелона. В назначенное время Рудов привел группу на инструктаж. Как всегда, командир

придирчиво осмотрел подрывников. Все ли взяли? Как одеты? Рассказал, где можно сделать остановку, где встретиться со связными, куда идти, если отряд снимется со стоянки. Все вопросы обговорили.

— Теперь письма писать родным на Большую землю. Завтра должен прибыть связной.

Аня писала, пристроившись на пенке: «Здравствуй, дорогая мама!...» Они отдали свои письма. Выстроились...

— Приказываю взорвать железное полотно и пустить поезд под откос...

Пошли гуськом. Аня — сзади широким шагом. На следующий день, 3 октября 1942 года пришел связной с Большой земли. Уходя, он унёс письма, среди них письмо Ани Овсянниковой к маме в освобождённый Козельск. А сама она в то время была в лесу, у железнодорожной насыпи. Партизаны сидели там с ночи. Но ночью не прошло ни одного эшелона, а днем заложить мину было трудно. Гитлеровцы тщательно обследовали каждый метр полотна и могли найти мину. А если взорвать дорогу днем, от погони вряд ли уйдешь. Кругом немецкие патрули — вмиг оцепят местность. Решили ждать следующей ночи. Пошли в деревню обогреться, поесть. В деревне был связной Володя Желнеровский, к нему зашли подрывники. Младший брат Володи, Пашка, четырнадцатилетний паренек, все приставал взять его с собой. Но от него отмахивались, говоря: «Ещё навоюешься».

— Иди-ка лучше позови людей, — сказала Аня. Мы им расскажем, чем сегодня живёт Москва. Пашка ушёл. Аня говорила о наступлении наших войск. Потом рассказала о подвиге Зои Космодемьянской. Её слушали, затаив дыхание.

— Изверги! Палачи! — восклицали женщины, когда Аня им поведала о том, как мучили фашисты девушку, называвшуюся Таней.

— Советские воины, освободившие деревню, нашли развалины, убитых жителей и на виселице Таню, — продолжала Овсянникова. — Впоследствии выяснилось, что

это была московская комсомолка Зоя Космодемьянская.

В это время Пашка, который находился на улице в карауле, вдруг вбежал в дом:

— Немцы! Они окружают деревню!

Есть мнение, что кто-то из местных жителей донёс на партизан фашистам.

Партизан как ветром сдуло. Выскочили на улицу. Но поздно. Немцы цепью кругом, подходят все ближе и ближе. Пробиваться? Ребята бросились к сараю, что стоял на краю деревни. Рудов приказал подпустить немцев поближе. И вот Евдокимов начал из ручного пулемета валить на землю фашистов. А рядом прицельно били Ваня Белугин, Митя Рудов, Аня Овсянникова, Сима Ермакова. Девушки... Семнадцати-восемнадцатилетние... Они пошли в тыл врага на борьбу по велению совести, по зову Отчизны, зная о предстоящих трудностях.

— Страшно бывало так, что в тридцатиградусный мороз вдруг пот прошибёт, — вспоминает Серафима Николаевна Криулина, в те годы Сима Ермакова, из Кировского района.

— Отходите в лес! Я прикрою! — хрипло крикнул Щиколоткин, — Слышь, Митя?

Пётр, доктор отряда, не переставал стрелять. Он видел, как метнулся к лесу Рудов, значит, и другие должны быть там. Меж деревьев мелькнула шапочка Симы. Ещё минуту надо придержать фашистов и тогда тоже сделать перебежку. Сейчас должны ребята из леса открыть огонь, отвлечь врага. Но почему они молчат? Пётр оглянулся. Белугин за кустом с ожесточением выбивал из диска застрявшую гильзу. Евдокимов устанавливал пулемет.

— Коля, стреляй! — крикнул Щиколоткин.

Евдокимов открыл огонь, но тут же был сражен пулеметной очередью врага. Белугин, наконец, выбил гильзу, вставил диск и стал поливать огнем немцев с фланга. Петр воспользовался этим, побежал к лесу.

— А где Аня? — вдруг остановился он. Обернулся.

Девушка стояла за углом сарая и в упор расстреливала поднявшихся фашистов.

— Аня, уходи! — закричал Щиколоткин и с колена открыл огонь.

— Давай с тыла заходи, — подал он знак Ивану Белугину. Но того тут же прижала к земле пулеметная очередь.

— Аня, отходи! — еще раз крикнул Пётр.

— Вы отходите, я прикрою, — коротко бросила она. Но Пётр стоял на месте и бил по врагу. Заметив это Аня закричала:

— Я приказываю, как заместитель комиссара отряда, отходите!

Щиколоткин бросил гранату. Её разрывом уничтожило двух немецких солдат.

— Аня, держись! — снова послышался его крик.

В это время девушка уронила автомат, схватилась за голову и упала без сознания. Аня пришла в себя, уже лежа, бросила гранату, взрывом которой уничтожила несколько немцев. И тут враги налетели на девушку, снова потерявшую сознание... Немецкий врач привел её в чувство. Когда она открыла глаза, с ней ласково заговорили на русском языке, сказали что вылечат, если расскажет о своем партизанском отряде. Аня молчала. Подошёл немецкий офицер. Стал говорить, ей переводили. Все те же слова: о помиловании и требовании сообщить данные о партизанах. И тут же угрозы: будут пытать, ждет смерть. Доктор показал ей нож, на рукоятке которого было вырезано: «А.С.О.» — Анна Семеновна Овсянникова.

Увидев нож, Аня сказала: — Да, это мой!

— Заговорила! Так-то правильно! — воскликнул офицер. Он, оказывается, мог без переводчика обходиться.

— Ну, где твой отряд? Сколько в нем людей? Где берёте мины? Кто связные отряда в Витебске, кто ваши

люди?

Он хотел знать много, но не узнал ничего. Тогда он начал жестоко избивать девушку. Бил сапогом в живот, в голову. Он не только не стеснялся наблюдавших это жителей деревни, но и испытывал от садистских действий удовольствие. А у Ани от боли текли слезы, и она продолжала молчать. Немец озлобился:

— Русская свинья! Что же ты, железная? Заговоришь! Заговоришь! — пинал, пинал беззащитную, раненную в висок девушку. С каждым ударом из виска брызгала струйка крови, стекала по щеке. — Заговоришь!

Но комсомолка не заговорила. Тогда немецкий врач разорвал красноармейскую гимнастерку на ее груди и стал полосовать тело ножом. Нож у врача выхватил офицер и отрезал груди, нос, вырезал на животе звезду, потом выколол глаза.

...Так погибла Аня Овсянникова. А через линию фронта шло ее письмо: «Здравствуй, дорогая мама...»

Партизаны стояли плечо к плечу, с непокрытыми головами над поруганным телом боевой подруги. Тима Горбачёв склонился над Аней, нежно провел рукой по её изуродованному лицу, крупные слезы выкатились из его глаз. Стоял холодный октябрь 1942 года.

После войны Аню перезахоронили. Её останки покоятся в братской могиле в городе Рудне Смоленской области.

Каждый год в День Победы, 9 мая, приезжали в Рудню Наталья Прокофьевна Овсянникова, мать Ани, её брат и сестра. Они шли к могиле, где лежали венки. Здесь проходили торжественные линейки, где принимали в пионеры, в комсомол...

Так пишет о героических делах наших земляков в книге «Победа» сражается за победу» бывший командир комсомольско-молодежного диверсионного отряда «Победа».

Брат Ани Алексей закончил техникум, институт, стал

учёным. Одна из сестер работала учительницей в Козельской школе, пела в хоре ветеранов, другая работала в Доме природы, созданном краеведом Самойловым В.А.

В отряде зашел разговор о страхе, и некоторые считали, что есть бесстрашные люди. А наш земляк Саша Солдатов сказал так: «Страх, конечно, есть, но когда нужно, когда понимаешь, что от тебя зависит, тут же про страх забываешь. Слишком презираем мы фашистов, чтобы их бояться».

В одном бою была ранена в ногу Сима Ермакова. Каратели наседали, и приходилось подпускать их поближе, чтобы бить наверняка. Симе помогал Коля Степанов, а она все: «Я сама».

Позади тяжелые бои, в которых участвовали части регулярной армии немцев с танками, авиацией. Заканчивался 1942 год и подводились итоги. На общем собрании отряда выступил командир отряда Новиков Кирилл Иванович, известный как Кочубей. За мужество и отвагу представлены к правительственным наградам и наши земляки: Овсянникова Аня, Солдатов Саша, Степанов Николай. Солдатов был награжден вторично.

Отряд «Победа» действовал между Смоленском и Витебском с 16 августа по 29 декабря 1942 года.

Взрывали поезда, уничтожали на дорогах машины и мотоциклы, уничтожили бронепоезд, вели бои с карателями.

Отряд «Победа» воевал в составе 13-го полка. Уходил Саша Солдатов с подрывниками на железную дорогу. Вернувшись после взрыва паровоза и разогнав охрану шедшего поезда, освободили пленных, которые присоединились к партизанам.

Летом 1943 года провели операцию «рельсовая война», парализовавшую железную дорогу на длительный срок.

Были в отряде любимцы. Один из них Коля Степанов. Он воевал в отряде с самого начала его боевых действий. Маленький, щупленький, очень скромный, он

был смелым и веселым. На самые трудные задания брали Степанова командиры диверсионных групп.

Отряд уходил от преследования карателей. Не было возможности послать диверсионную группу на железную дорогу. А из Москвы требовали усилить диверсии на путях передвижения вражеских эшелонов. Вызывает командир отряда Тимофея Горбачева и говорит:

— Все тропки, дорожки к железной дороге перерезаны карателями. И все-таки вы должны пройти. Но чтоб никакой самодеятельности, только пустить под откос эшелон. Не выполнив боевого задания, в отряд не возвращайтесь. Бери любых проводников. Горбачёв первым назвал Колю Степанова. С каждым подрывником командир обнялся на прощание, пожелал удачи.

Потянулись дни ожидания, ребята не возвращались. Отряд маневрировал. Стояла отвратительная погода: то сильный мороз ударит, то метель-завируха до костей пронизывает. И вот однажды ночью мы столкнулись неожиданно с группой Горбачёва. Он с радостью доложил, что задание выполнено. Но при возвращении назад наткнулись на засаду. Отходили, отстреливаясь. А когда оторвались от врага, то обнаружили, что нет Коли Степанова.

Грешным делом, я подумал тогда, что Коля погиб. Но прошла неделя, и вдруг он появился в отряде — усталый, ободранный, еле держится на ногах. Мы растерли ему руки и ноги, переодели, накормили, и он уснул как убитый. Проснувшись, рассказал подробно о своих приключениях.

Когда группа приняла бой, Коля залег в сугроб и стал отстреливаться. Да так увлекся, что не заметил, как ребята отступили. Видит: поднялись гитлеровцы и бегут к нему. Осмотрелся — один в поле. Стреляет по фашистам, а те окружают его. Хотят взять живым, но юноша не растерялся: бросил гранату, и сам побежал к спасительному лесу. Все-таки удалось скрыться, хотя в

последний момент легко ранило в ногу. Весь день просидел в лесу. Боялся, выйдя, наткнуться на вражеские патрули. Ночью сориентировался по звездам и пошел на север, где должен был находиться отряд «Победа». Страшно промёрз. Глухой ночью вышел к какой-то деревушке. Подумал: «Возможно, карателей здесь нет» и решил зайти в ближайшую хату. Хорошо, что пробирался осторожно: у первого же двора обнаружил часовых.

Да, каратели основательно в то время блокировали наш отряд, имея прямое указание уничтожить партизан, которые так сильно вредили гитлеровцам.

Степанов рассказывал, что, увидев часовых, чуть не заплакал: сил идти больше не было, руки и ноги не слушаются, околели. Да и куда держать путь, не знает. Прислонился к сараю и услышал, как хрюкает за стеной поросенок. Собрав остаток сил, полез по углам к соломенной крыше, проделал в ней дыру и прыгнул внутрь. И надо же случиться такому — угодил на поросенка. Тот завизжал что было мочи, а у Коли душа ушла в пятки. Подумал, часовые догадались, что в сарае кто-то прячется, но те громко засмеялись и продолжали прохаживаться перед крыльцом. Степанов почесал за ушами поросёнка, и тот присмирел. Пошарил по сараю — никаких запасов сена и соломы нет. Но поросёнок лежал на сухой подстилке. Коля прилег к нему и, почувствовав живое тепло, заснул. Да так крепко, что мог бы угодить в лапы карателей. Потом он узнал: часовые, услышав ночью визг поросёнка, засмеялись над тем, что, мол, выдал он сам себя и на завтра будет прикончен. Утром немцы собирались идти резать поросенка, но хозяйка заплакала, стала упрашивать их не делать этого, вытащила из подпола большой кусок сала, и те успокоились.

Коля проснулся, когда скрипнула дверь сарая. Он вскочил — и за автомат. На пороге стояла старушка, принеся мешанку поросёнку.

— Господи Иисусе! — перекрестилась она.

Коля приложил руку к губам, мол, тише. Он знаками показал старушке, что хочет есть, подошел к ведру с мешанкой, нащупал в нем несколько картошин, очистил их и заморил «червячка». Когда бабка вылила содержимое ведра в корыто, откуда ни возьмись, к нему устремились крысы. Женщина, ругаясь, отогнала их палкой, а те, голодные, хватали пищу. Коля рассказывал, что его охватил ужас, когда он представил, что спал среди крыс, а он их боялся с детства.

В обед старушка принесла ему краюху хлеба и кусок сала. Так она подкармливала его ещё несколько дней, но Степанов понимал, что надо уходить. Он весь извелся: ночью спать не мог — боялся крыс, а днём был настороже, каратели в любую минуту могли обнаружить его. Расспросил у старушки, в какой стороне деревня Толпов, и в одну из ночей через ту же дыру в крыше и ушёл. Он не знал, что по его следу идут каратели, но, будучи осторожным и боясь выдать место расположения отряда, время от времени проверял, нет ли за ним хвоста. Перебежав поле, он спрятался в перелеске, дождал и тут увидел карателей. Откуда только силы взялись, быстро миновал перелесок, вошел в густой ельник. Вот в нём-то он и изодрал свою одежду. Николаю повезло: вскоре он встретился с группой подрывников нашего отряда, узнав о карателях, они вернулись.

На счету Степанова не один пущенный под откос эшелон. Он участвовал во многих боях, прошел партизанскими дорогами по земле Витебской, Смоленской и Могилевской областей. В 1943 году отряд расстался с Колей Степановым. Его, тяжело раненного, отправили в тыл. С тех пор командир отряда Новиков не знал о его дальнейшей судьбе.

После войны многие годы бывшие партизаны отряда разыскивали Степанова, но безрезультатно. Одни предполагали, что он умер от ран, другие — что вылезился,

ушел воевать и погиб на фронте.

Оказалось, Николай Степанов в войну уцелел, жил в Сибири, оставаясь скромным человеком и не рассказывая о своих боевых подвигах. Позже он переехал в Козельск и жил в поселке механического завода.

Николай Федорович Степанов встретил Веру Павловну Кретову, с которой воевал в отряде «Победа», создали семью. К глубокому сожалению Николай Федорович Степанов умер, а его жена Вера Павловна бывает во второй средней школе города Козельска и выступает перед школьниками, рассказывая о грозных событиях военной поры.

А Саша Солдатов! Он был одним из тех, с кем командир отряда «Победа» начал боевые действия в тылу врага. Его в отряде не только уважали, но любили и звали «наш Тёркин». Саша всегда был весел, сыпал остротами. В самую трудную минуту умел подбодрить удачной шуткой, и тогда, улыбаясь, партизаны говорили: «Вот даёт наш Тёркин».

«Книгу про бойца» Александра Твардовского в отряде знали хорошо.

Да, хорошо, что был у нас в отряде свой Тёркин — Саша Солдатов, говорит Кирилл Иванович Новиков — командир отряда. А некоторые даже не знали его фамилии, звали просто «Сашка-партизан», и не верилось, что его не станет среди нас.

Но война ни с кем не считается. Постигла беда и Солдатова. Наткнулся он со своей группой на засаду мадьяр. Залегли, отстреливались и перебежками отступали. Уже и лес близко.

— Уходите! — приказал Сашка товарищам. — Прикрываю.

Он лёг за сосну, что стояла единственная на ржаном поле, подпустил цепь мадьяр поближе и открыл огонь из автомата. Кончились патроны, взялся за гранаты, затем пустил в ход наган. Смелого партизана ранили в

ноги. Вот затихли и редкие выстрелы из нагана. Встали враги, идут в полный рост. И тут хлопнул выстрел... Когда партизаны нашли Солдатов, они были поражены: мёртвый, он сидел, прислонившись спиной к сосне, повернув голову в сторону леса и улыбаясь. На виске засохла струйка крови. Партизаны поняли: Саша был рад, что его товарищи успели укрыться и что сам он выполнил свой долг. Так с улыбкой и расстался с жизнью. Его похоронили под салют выстрелов. На холмике поставили деревянный обелиск со звездой и написали на нем: «Солдатов Сашка-партизан».

Вот так воевали в отряде «Победа» наши земляки-партизаны.

Николай Федорович Степанов,
Вера Павловна Кретьова-Хрусталева-Степанова,
Аня Овсянникова,
Саша Солдатов,
Катя Кондратьева,
Паша Каплина,
Федор Слободин.

Партизан Иван Иванович Овчаренко

Об этом человеке узнали мы от Татьяны Васильевны Углековой, работавшей на Козельском механическом заводе, где работал и Овчаренко. Она любезно представила свои публикации в местной газете и книгу А. Лукашенко «Там за Царевичами» (издательство «Московский рабочий», 1974 г.), где рассказывается о партизанском отряде Овчаренко И.И.

В первые месяцы войны группами и в одиночку пробирались на восток бойцы и командиры Красной Армии, попавшие в окружение под Оршей и Минском, Витебском и Смоленском, а некоторые от самой границы. Но не все смогли пробиться к своим. Один из небольших отрядов вёл 24-летний старший сержант Овчаренко. В августе 1941 года вывел он своих товарищей,

уставших от бесконечных переходов, отощавших и ослабленных без пищи, к деревне Аболинье. Ненависть к врагу, полученный на Халхин-Голе в 1939 году опыт и природная смекалка, сделали его авторитетным среди товарищей.

Пробиться через вражеские заслоны слабо вооруженным бойцам было невозможно, и они оседали в деревнях или уходили в леса и действовали как партизаны.

Вот так на стыке двух районов Смоленской области, Пречистенского и Духовщинского, появился партизанский отряд И.И. Овчаренко, ставший грозной силой народных мстителей.

К тому времени подпольный райком взял на учет отряд Ф.Я. Апрегова, И.И. Овчаренко и И.П. Сухопарова.

После нескольких дней пребывания в селе Слобода, где шло пополнение отрядов и подбирались командиры, получили приказ на дислокацию в районе деревни Шевелёво и совместные действия. Из Каменки прибыло пополнение и в отряд Овчаренко.

Когда Овчаренко обходил строй нового пополнения, смотрел на лица пока ещё не знакомых ему мужчин, одеждой своей и видом напоминавших людей, собравшихся на работу, а не партизан, он вспоминал, как выводил в августе 1941 года своих товарищей.

Изо дня в день повышалась боеспособность, и в марте командование штаба группы партизанских отрядов создало вначале сводный батальон армейского типа, а затем Вторую партизанскую бригаду. И хотя в отряде, а потом и в бригаде были люди старше его по званию, все высказались, чтобы командиром был Овчаренко И.И. Бригада Овчаренко состояла из четырёх отрядов, в каждом из которых были роты, взводы и отделения со своими командирами, как в действующей армии. В отрядах были пехотинцы, связисты, парашютисты, шоферы, медики и представители других профессий. В составе боль-

шой многонациональной семьи были русские и белорусы, украинцы и башкиры, узбеки и казахи. Бригада была высокоманевренной, и партизаны громили фашистские колонны, взрывали мосты, склады боеприпасов.

В марте первый и второй отряды бригады Овчаренко И.И. участвовали в бою вместе с подразделениями полка Егорова и 234-й Ярославской коммунистической стрелковой дивизией у деревни Вердино Пречистенского района. Это был тяжёлый бой. В конце мая и начале июня второй отряд Овчаренко уничтожил из засады 15 автомашин с немцами. Три машины были легковые, в одной ехал генерал. Были взорваны несколько машин с горючим, сожжён пассажирский автобус. Минами подорвали танкетку и два трактора-тягача. Одной из удачных операций был разгром гарнизона в деревне Горбатовщине под руководством И.И. Овчаренко. В то время он уже имел звание старшего лейтенанта. В сентябрьских боях партизаны Второй бригады совершили 37 боевых операций, уничтожив более тысячи немецких карателей, пустили под откос два поезда у станции Олокино. Много можно писать о подвигах партизан Второй бригады и её командире.

В сентябре 1942 года по указу Президиума Верховного Совета СССР состоялось вручение орденов и медалей партизанам. Одним из первых был награжден орденом Ленина И.И. Овчаренко — организатор первых партизанских отрядов на Смоленщине.

В начале декабря командование штаба партизанского движения Калининского фронта отдало приказ бригаде Овчаренко И.И. вместе с Первой бригадой пробиться на Большую землю. С большими трудностями, но приказ был выполнен.

После непродолжительного отдыха в январе 1943 года вновь ушли за линию фронта. До конца февраля 1943 года партизаны находились на стыке трёх районов — Демидовского, Жарковского и Пречистенского. Сно-

ва походы и бои с фашистами.

В апреле 1943 года бригада Овчаренко была сформирована, пополнив воинские части армии. Иван Иванович был направлен в 1950-й полк 234-й Ярославской коммунистической стрелковой дивизии и назначен начальником разведки. В районе деревни Переделки на Витебщине батальон под командованием Овчаренко И.И. прорвал вражескую оборону и углубился в боевые порядки противника на 12 километров. За проявленную смелость и организацию прорыва И.И. Овчаренко был награждён орденом Отечественной войны 2-ой степени, а чуть позже орденом Красной Звезды.

В декабре 1944 года И.И. Овчаренко направляется на курсы «Выстрел», по окончании которых в августе 1945 года в звании капитана направлен в Козельск и назначен начальником оперативного штаба 43-го стрелкового полка 5-ой запасной дивизии, затем начальником штаба этого полка.

Демобилизовался И.И. Овчаренко в 1956 году в звании подполковника. Работал руководителем торгового предприятия в Сосенском и Козельске, на Козельском механическом заводе — заместителем директора по снабжению. Он был строг к нарушителям трудовой дисциплины, проявлял заботу о тех, кто в этом нуждался. Он оставил о себе память в Козельске, добившись через Министерство путей сообщения разрешения сделать остановку поезда в центре города, где была построена платформа для посадки, и рабочие завода могли ехать на работу поездом, а не ходили пешком.

Первый слёт партизан Духовщины состоялся в 1960 году, где подполковника, бывшего командира Второй партизанской бригады И.И. Овчаренко встречали с особым почётом. Он получал много писем от сослуживцев, школьников и гордился этим.

Вдова Ивана Ивановича Елена Александровна и дочь Людмила живут в Сосенском и бережно хранят память

о муже и отце.

Партизан Андрей Фёдорович Коханов

Осенью 1941 года Андрей Фёдорович попал в окружение под Вязьмой, шёл на восток, пытаясь пройти к фронту и перейти Калининский фронт к своим. В пути встретил партизан бригады Чапаева. Командиром был капитан Морогов а комиссаром Полуэктов. Андрею Фёдоровичу объяснили, что пройти один он врядли сможет, а бить немцев и здесь, в партизанах можно, и даже успешно.

В бригаду входили отряды: «Смерть фашизму», «За Родину», «Имени Чапаева», «Имени Чкалова», «Имени Фурманова», «Имени Щёрса». В бригаде и отрядах воевали партизаны разных национальностей. Был даже немец-антифашист, Франц Френкель, погибший в одном из боёв. В отряде воевали и 14-16-летние юноши и девушки.

Партизаны устраивали засады, уничтожали малые гарнизоны немцев и полиции, пускали под откос поезда. Особенно тяжёлые бои сложились для бригады в 1942 году. Наседали каратели, используя тяжёлую технику, авиацию. Иногда приходилось с боем прорываться, теряя товарищей. И снова бои, снова походы. Фашисты сжигали деревни, убивали мирных жителей. Воевал Андрей Фёдорович на Смоленщине и, когда Красная Армия освободила районы действий партизан, ушёл воевать в действующую армию. После войны окончил Сосенский вечерний машиностроительный техникум и работал на Козельском механическом заводе техником-технологом. Работал в бюро по разработке деталей на технологичность ГОСТ 2-593, выполняя план мероприятий по внедрению нового. Жена, Коханова Елена Степановна, бывший медработник, живёт в Калуге у дочери Татьяны. Вторая дочь, Галина, живёт и работает в Туле.

Семья патриотов

В июне 1942 года в газете «Боевая красноармейская» 52-й армии была напечатана заметка о большой семье патриотов Макеевых. С начала войны все дети Александры Степановны встали на защиту родной Советской власти и государства. Григорий ушёл в партизаны, Алексей, Иосиф и Дмитрий, находясь в рядах Красной Армии, вступили в бой с фашистами. Сестра Ксения, работая в тылу, помогала фронту. Братья Макеевы воевали умело и мужественно, не щадя своей крови и жизни. Не остался в стороне от дел и старый колхозник. Когда фашисты стали приближаться к его селу, он угнал колхозный скот, чтобы тот не достался врагу. Семья Макеевых после войны проживала в городе Козельске Калужской области. Позже от заместителя начальника райотдела внутренних дел капитана милиции Бессонова удалось узнать, что жена Григория Александровича Макеева Наталья Васильевна проживает в Калуге по улице Плеханова, 94. Она сообщила, что Александр Степанович умер в 1969 году. Григорий и Алексей погибли. О судьбе Григория Александровича сообщил Смоленский обком ВКП(б) 7 июля 1942 года.

«Анна Григорьевна, Смоленский обком ВКП(б) с глубоким прискорбием сообщает Вам и всей Вашей семье, что Ваш отец Макеев Григорий Александрович погиб, будучи в партизанском отряде в октябре месяце 1941 года при вступлении немецких захватчиков в Знаменский район. О гибели Вашего отца сообщено Смоленскому облисполкому, в котором будет решён вопрос о назначении пенсии Вашей семье. Вам следует сообщить облисполкому о составе семьи и месте жительства Вашей матери. Секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Богданов».

Остались живы Иосиф — полковник в отставке, его сестра Ксения и брат Дмитрий. Макеевы — уроженцы деревни Плюсково Козельского района. Здесь ещё в

1924 году была построена гидроэлектростанция, и в окрестных населённых пунктах загорелись лампочки Ильича. По тем временам это было большое событие. В Плюскове с первых дней революции была создана комсомольская ячейка, а затем сразу после XV съезда партии организован колхоз. Здесь жил Александр Степанович Макеев — участник русско-японской войны 1904-1905 годов. Он стал одним из организаторов колхоза. Умер Александр Степанович после войны в глубокой старости. Его сын Григорий Александрович перед войной работал председателем Знаменского райисполкома Смоленской области. В октябре 1941 года, перед вторжением гитлеровцев, в районе был создан большой партизанский отряд «Смерть фашизму». В этот отряд вступил и Григорий Макеев. В тяжёлом бою у деревни Коршуны Смоленской области он пал смертью храбрых и там же был похоронен. Указом Президиума Верховного Совета СССР, опубликованным 10 октября 1965 года в газете «Рабочий путь», за активное участие в партизанском движении в Смоленской области Григорий Макеев был посмертно награждён медалью «За отвагу». Другой сын, Алексей Александрович Макеев, до войны окончил Орловское бронетанковое училище и командовал ротой тяжёлых танков. Находясь на западной границе, за несколько дней до начала войны он писал, что танкисты несут круглосуточное дежурство в танках. Рота Макеева первой вступила в бой с фашистами. Алексей пропал без вести в 1941 году.

Дмитрий Макеев был в семье приёмным сыном, но воспитывался у Александра Степановича как родной. После окончания семилетки он поступил в военное училище. Храбро сражался с фашистами. Был четыре раза ранен, дважды контужен, но воевал до дня победы, закончил войну майором. Удостоен нескольких боевых наград. Сейчас проживает в Ташкенте.

Иосиф Александрович Макеев после срочной служ-

бы был вновь призван в армию и направлен на политработу. В годы войны был начальником политотдела Первой гвардейской смешанной автодивизии.

Гвардии полковник И.А. Макеев за участие в боях с фашистами был награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды и многими медалями.

Партизаны – бывшие школьники Стекольного завода

На одном из краеведческих чтений ученики школы Стекольного завода познакомились с судьбой учеников военной поры. Они узнали, что в 12 часов 22 июня, с момента сообщения диктором московского радио о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, кончилось детство и юность школьников. А им было по 16-19 лет. В октябре 1941 года фашисты пришли в посёлок Стекольного завода, где расстреляли супругов Маршуковых, а комсомольца Володю Зайцева пытали и, ничего не добившись, расстреляли во рву в Козельске.

Но 27 декабря посёлок Стекольный завод освободили сибиряки, 10-я армия, в состав которой входил конный корпус Белова.

В мае 1942 года девушки из школы Стекольного завода: Катя Богданова, Рая Белаева, Нюра Бодунова, Светлана Кузнецова, Рая Макарова были приглашены в райком партии. Когда они вошли в кабинет секретаря райкома, он усадил всех и спросил: «Ну что, девочки, знаете, зачем я вас пригласил?»

Они молчали. И тогда он спросил: «Скажите, вы любите Родину?» Удивлённые, растерянные таким вопросом ответили: «Да, конечно, любим! Как можно её не любить?!» Секретарь сказал, что пришло время, свою любовь к Родине доказать не словами, а делом.

Сообщил, что после специальной подготовки они будут заброшены в тыл врага. Но если кто не верит в себя, сомневается, что может выдержать все испытания,

пусть не позже чем через два дня придёт и, не стесняясь, скажет об этом.

Но среди воспитанниц школы не нашлось такой, кто чувствовал бы себя неготовой к тяжёлым испытаниям.

Со слезами на глазах провожали своих дочерей матери. А девочки, ничего ещё не видевшие в жизни, да и не понимавшие, почему плачут матери, пели «Вставай страна огромная». Никто не думал, что через 2-3 месяца некоторых из них не будет в живых.

Светлана Кузнецова окончила 9 классов, хорошо училась, была в классе и школе авторитетным человеком. После непродолжительной подготовки была заброшена в тыл врага. В ноябре 1942 года погибла при выполнении боевого задания командования отряда «Народный мститель». Вот, что о ней писал начальник штаба отряда: «Партизанка она была отважная, выносливая, дисциплинированная, смелая. Была заброшена в тыл как радистка».

А вот, что о Светлане говорил командир отряда: «Я помню Светлану, как будто это было вчера, она была очень красивая. С длинными до пояса волосами, на голове кубанка, в чёрной кожанке. Всегда улыбающаяся, она олицетворяла собой юность». Вот, как о гибели Светланы писала её подруга, разведчица. После выполнения задания, Светлана вместе с другими партизанами возвращалась в отряд и попала в засаду. Она шла в первой тройке, и первые фашистские пули пробили её грудь. Погибшую Светлану подобрала полицейские. До утра её не хоронили, ждали коменданта, а утром, когда пришёл комендант, все разглядели, что это девушка. Комендант говорил: «Красивый русский девушка. Зачем пошла воевать. Была бы хорошей матерью». Не понять было офицеру, что русская девушка не могла поступить иначе. Он разрешил похоронить Светлану на кладбище. А на похоронах под одеждой у Светланы нашли обыкновенную тетрадь с её стихами, прострелянную пуля-

ми, залитую кровью. Тетрадь спрятали жители, а позже передали партизанам.

Сражалась с врагами Рая Макарова. Она окончила до войны 8 классов. Отличница, была любима всеми в школе, в партизанской бригаде, в полку. Её уважали за скромность, и она всегда была там, где трудно. Весной 1944 года она была в действующей армии и, когда часть уходила на отдых, попала под артобстрел. Ей оторвало руку и ноги, осколок попал в глаз. Она потеряла много крови и спасти её не удалось.

На Смоленском кладбище похоронена Люба Аурианова, санинструктор 30-й гвардейской дивизии.

Егор Степанович Долголеев в первые дни войны попал в окружение. Пробиваясь к своим, он встретился с партизанами отряда Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева и вместе с отрядом вышел к своим. После короткого отдыха в Москве Егор был записан в отряд Воронаева особой мотострелковой дивизии в отделение разведки.

В августе 1942 года Долголеев принимал участие в дерзком налёте группы партизан на комендатуру в деревне Лашни Косилянского района Смоленской области. Он подавил пулемётным огнём основные точки противника, и это решило исход операции в пользу немногочисленной группы партизан. Егор часто ходил на задания, налаживая связи с местным населением, узнавая расположение вражеских гарнизонов. 23 апреля 1942 года он погиб. Возвращаясь с боевого задания, их группа из 12 человек попала на фашистскую засаду. Против маленькой группы фашисты выставили танки, отряд кавалерии. Как только группа вышла на пригорок, танки вышли из кустов и прямой наводкой открыли огонь. Сразу же погибло 5 человек и среди них Егор и чемпионка Советского Союза лыжница Люба Кулакова. На второй день жители деревни Ленки, где погиб Егор со своими товарищами, похоронили их в братской могиле.

Егор Степанович Долголеев посмертно награждён медалью «За отвагу».

В 1967 году родные побывали на месте захоронения Егора. Вот как писала об Егоре Степановиче учитель, участница Великой Отечественной войны Валентина Ивановна Воронцова: «Яркой звездочкой мне вспоминается ваш односельчанин Егор Долголеев. Он был старше меня на три года. Когда Егор учился в Козельском педучилище, то был частым гостем в нашей школе, он руководил струнным оркестром, был прекрасным организатором школьной самодеятельности. Чуткость, внимание к человеку большому и маленькому сделали его лучшим другом нашей школы. Егор был настолько близок к детям, что любое огорчение и радости передавались ему как самому дорогому другу. При встрече одноклассников Егор вспоминается таким, каким запомнился в детстве. Есть в парке поселка Стеклозавода памятник в честь погибших. Для нас это фамилии. Для тех, кто с ними учился, — одноклассники, с которыми росли, дружили; для тех, кто с ними прошёл фронтовой путь, — это однополчане, фронтовые друзья. Но дороже всего они матерям.

Это родная кровь, и мать всегда будет ждать, пока не закроются глаза».

Действие партизан в пределах Козельского района

О появлении партизан в Алёшне рассказала районная газета. Очевидно, они пришли из Ульяновско-го или Хвостовичского района.

Недалеко от Полошкова на лугу в копне сена остановились 4 человека. Кто-то из местных жителей сообщил немцам, и их захватили фашисты. Нашли у них в мешке оружие. Вначале хотели расстрелять и заставили рыть могилу. Передумав, повесили на дереве перед домом Модудиных, предуп-

редив, трупы не снимать. Кто это сделает сам будет висеть среди повешенных, был один чернявый из райкома или райисполкома Козельска.

Из села Ивановское в 1941 году в конце ноября ушли милиционеры. Несколько подвод с пшеницей отправил староста Труханов с подростками в Козельск. Он предупредил, что их встретят партизаны и им надо отдать груз. На одной подводе сопровождала груз Волкова Мария, позже ставшая учительницей в Славышенской школе, потом и в Попелёве. Были расстреляны Филимонов, Звонорёв, третьего фамилию узнать не удалось. Перед приходом немцев во взрыве моста участвовал Дубинин, чтобы фашисты не могли использовать железную дорогу.

В Козельском краеведческом музее есть небольшой кусок дерева, затёсанный с четырёх сторон. На каждой стороне было нацарапано: «Нас было» (сколько не разобрать) «погиб...» (а кто не прочесть). Ещё Василий Николаевич Сорокин получил этот экспонат, не зная о боевом событии, произошедшем в лесу против Нижних Прысок. Оказывается, там остановились партизаны, но о них кто-то рассказал немцам, которые отправили отряд их захватить. Но немцы были встречены, и в бою их было убито семеро. Немцы располагались в деревне Потросово, где и похоронили погибших, среди них был переводчик-немец. Ночью комсомольцы это захоронение разметали, и фашисты искали, кто же это сделал. Захоронение восстановили, и отступающие немецкие солдаты заходили к могилам. Один из немцев плакал, его брат был захоронен там. Сейчас не все знают, где эти могилы были, и где стояли немецкие кресты. Три немца были убиты на Киреевском большаке, где дорога сворачивает на Слаговищи, один у Прысок и один у деревни Побуж, ставшей козельской Хатынью.

Партизанская база располагалась от деревни Со-сенки на север за густым ельником. Вторая база располагалась, очевидно, в районе Чёртова городища. Мой отец возил с группой продовольствие на машине и говорил, что там большая глушь. Отец говорил, что готовилась база партизанская на случай занятия немцами нашей территории повторно. Тогда я об этом не расспрашивал, но кое-что запомнил.

С 1 октября 1941 года по сентябрь 1943 года партизанами калужского края было уничтожено более 20000 солдат вермахта, 500 автомашин, подорвано 80 военных эшелонов противника, разрушено 150 мостов, уничтожено 200 танков, десятки километров железнодорожного полотна, несколько сотен километров телефонно-телеграфной связи, захвачено много военного имущества.

Ущерб, нанесённый оккупантами Калужской области, оценен в шестнадцать миллиардов рублей.

Александр Андреевич ФРОЛОВ

**60 ЛЕТ
ПОБЕДЕ**

ДЕТИ

Простите нас...

Простите нас, родные старики,
Войны великой нашей Ветераны!
Простите, что не можем исцелить
И плоть, и дух терзающие раны!

Простите нас, родные старики,
Что нет уж той страны, какой служили,
Что с карты мира стерто Имя Той,
Ради которой — головы сложили!

Простите нас, родные старики,
За разоренье, за глумленья над Державой!
Что накануне майских Дней Святых
Звучат кощунства в адрес вашей Славы!

Простите тех, кто в Церковь приведён,
За немощь их молитв и покаянья
И тех несчастных, кто безбожьем поражён,
За их в тщете и пьянстве прозябанье!

Простите нас, родные старики,
Что Сталина Победе — не вернули!
И мощные потоки лжи с хулой
Все бьют в Вождя, как вражеские пули!

Простите нас за детский мат и блуд,
За денег звон, за власть бумаг и мнений!
Простите нас за то, что погран Труд,
За череду предательств, поражений!

Простите нас, родные старики!!
И не спешите нас без Вас оставить!
Поверим вместе, что от Смуты и тоски
Господь опять поможет Русь избавить!

Галина СЕРГЕЕВА.

Без вести пропавший

Легендарная 62-я армия, героически защищавшая Сталинград в 1942 году, после войны была переименована в 8-ю гвардейскую и в середине 60-х годов дислоцировалась на юге Германской Демократической Республики. В её состав входила и ракетная часть, которую на суше прикрывали пехотная и танковая дивизии, а с воздуха — зенитно-артиллерийский полк. Необходимость формирования такого ударного кулака, которых в 8-й армии имелось уже несколько, диктовалась недавними уроками арабо-израильской войны, в ходе которой египтяне и сирийцы понесли большие потери именно из-за того, что оставили без прикрытия свои важнейшие соединения.

Кроме того, войска НАТО находились совсем рядом, в ФРГ, на расстоянии пушечного выстрела, и чтобы у них не возникало желание о пересмотре итогов Второй мировой войны, требовалось демонстрировать несокрушимую мощь советского оружия, чутко реагировать на изменения, происходящие в военной науке и практике.

Учебная рота по подготовке сержантов, прибывшая из Московского военного округа, пока не знала о важности задач, стоящих перед советскими войсками в ГДР. Она заканчивала обучение, и уже через месяц курсантов стали направлять в различные подразделения. Группа из семи человек, и в их числе Антон Ватрушкин, была определена в отдельный зенитно-артиллерийский полк малого калибра, который размещался на окраине города Веймара, известного тем, что в нем многие годы жили, работали великие Гете и Шиллер.

К сожалению, в XX веке это место стало печально известным еще по одной причине. Недалеко от этого красивого города, в лесу, фашисты умудрились соорудить концлагерь Бухенвальд. И теперь оттуда каждый день слышался колокольный звон, разносившийся на несколько километров вокруг.

Надо сказать, что на территорию бывшего концлагеря наших солдат и офицеров пускали без каких-либо ограничений, как и в сам город Веймар. Да только немногие желали там бывать, предпочитая в свободное время сходить в свой Дом офицеров, погонять мяч на гарнизонном стадионе или просто почитать хорошую книгу. Имелись отдельные любители потолкаться у набатной площади, попить пива, лимонада, поболтать с приезжими итальянками, которые отличались общительностью, надеясь всё-таки при этом среди наших туристов встретить кого-нибудь из своего города или области. Однако таких любителей насчитывалось немного. За ворота, на территорию самого концлагеря, больше одного раза не ходил никто! Это точно!

В зенитном полку Ватрушкин был зачислен в батарею управления. Обладая спокойным, общительным характером, имея за спиной опыт сержантской школы и второй спортивный разряд по вольной борьбе, он сумел без особых сложностей прижиться в новом коллективе. Тогдашние «старички», т.е. солдаты третьего года службы, его почти не беспокоили. Через пару месяцев началась их демобилизация, и Антон, получив звание младшего сержанта, стал командиром отделения планшетистов, перевалил на второй год службы. Тогда в армии так и говорили: первый год солдат привывает, второй — служит, а третий — собирается домой. На батарейных стрельбах из автоматического оружия Антон был в числе лучших. Запомнился на некоторых спортивных соревнованиях и рассказами

смешных анекдотов в солдатской курилке. В общем, все бы ничего, терпимо, да только скучал Ватрушкин, как и многие другие ребята, по дому, откуда приходили письма от родителей, друзей, девчонок.

Осенью почти незаметно произошла смена высшей власти в Советском Союзе, когда отправили в отставку Н.С. Хрущева. Конечно, сказалось отсутствие достаточной информации в армейской среде. Политработники на этой теме не акцентировали особое внимание, хотя солдаты знали, что на место ушедшего пришел второй человек в партии, ставший теперь фактически хозяином мировой державы. И вот этого человека Антону довелось увидеть лично, встретиться с ним в одном зале. Случилось это так.

Телефонный звонок из штаба полка обязывал срочно явиться к замполиту. Когда Антон прибежал, в коридоре увидел двух офицеров, сержанта и трёх солдат из огневых батарей. На сборы им дали два часа. По истечении этого времени они должны были явиться в Дом офицеров города Веймара, где ожидалась встреча с самим Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым, который следовал в Чехословакию, в город Карловы Вары, на совещание коммунистических и рабочих партий. Проезжая по ГДР, он планировал посетить музей Гете, Шиллера, возможно, и Бухенвальд, поэтому в Веймаре собирался цвет нашей группировки войск в Германии. Солдатам и сержантам на эту встречу было предписано надеть новую «ПШ», т.е. полушерстяную темно-зеленую форму в виде гимнастерки и брюк. Подшить подворотничок из новой, а не стиральной ткани. Выбрать себе в батарее любую, лучшую шинель и по возможности раздобыть глаженные сапоги. Да-да, именно глаженные! В ГДР наши солдаты умели выдаваемые им яловые, а, извините, не кирзовые сапоги, густо покрытые кремом, так отгладить горячим тяжёлым утюгом, что голенища приобретали вид блестящих чёрных цилиндров.

В машине по пути следования делегация зенитного полка получила короткий инструктаж от начальника политотдела подполковника Карасева, здорового мужчины с громовым голосом. Суть инструкции сводилась к тому, что разрешалось задавать любые вопросы, но после проведения встречи, в любом месте, в любое время, в том числе и после службы в армии, рассказывать о ней предельно достоверно. Кроме того, подполковник сказал, что после выступления Леонида Ильича возможны здравицы в честь Коммунистической партии и Советского государства. Здесь следовало самодеятельность не проявлять и рот не раскрывать, а смотреть на своего старшего. Если он что-то крикнет, поддержать его, а в остальных случаях только аплодировать. В Доме офицеров всех прибывших разместили по строго отведенным местам. Зенитчикам достался ряд почти в центре зала.

В назначенное время в 7 часов вечера Брежнев не появился. Офицеры и солдаты тихонько переговаривались, посматривая на входную дверь. Через полчаса стало заметно, как около здания появились работники охраны ГДР. Они, по-видимому, находились в полном неведении. Вдруг по дальней улице на большой скорости промчались несколько наших машин, которые развернулись в соседнем квартале и подъехали к центральному входу. Все развернулись в ту сторону, и почти никто не заметил, как к зданию совсем с другой стороны буквально подкрались три автомашины и через пять минут в зал вошел Брежнев в сопровождении командующего ГСВГ генерала армии Кошевого.

— Утёрли! — удовлетворенно сказал подполковник Карасев. — Утерли немецких чекистов. Даже нашим друзьям не следует знать маршрута нашего хозяина. Кошевой сразу предоставил слово Леониду Ильичу, который выступил с докладом минут на сорок. Говорил он свободно, безо всяких записей, чётко и

конкретно. Рассказал о положении в нашей стране, обрисовал международную обстановку и в конце выступления сказал, что товарищи в ЦК партии посоветовали ему посетить воинов Группы советских войск в Германии, которые несут службу на самом опасном направлении, находясь лицом к лицу с авангардом мирового империализма. И передать всем сердечный привет от партии, народа, что он с радостью и делает. После этих слов весь зал встал, как один, безо всяких подсказок и ответил бурными аплодисментами. Потом Генеральный секретарь ответил на вопросы. Один солдатик смущенно извинился и спросил, планируется ли сократить срок срочной службы с трёх до двух лет, на что Брежнев ответил положительно, сказал, что решение по этому вопросу уже готовится. Из первых рядов спросили:

— Какая основная задача ставится на совещании дружественных партий в Карловых Варах?

Леонид Ильич ответил, что главная задача — крепить дело мира, не допустить развязывания новой войны, чтобы не повторились такие явления, как Бухенвальд. И добавил, что ради дела мира он будет работать по-петровски, не щадя живота своего. Провел при этом правой рукой по своему туловищу наискосок, слева — направо, сверху — вниз. Опять вспыхнули аплодисменты, а затем действительно прозвучали две или три здравицы. И тут подполковник Карасев, выпучив глаза, закричал что есть мочи:

— Слава ленинскому Центральному комитету партии!

Зенитчики с перепугу растерялись, кто-то крикнул «Ура!», а другие «Слава!», но зал впереди дружно поддержал и в целом получилось вполне прилично, с некоторым элементом импровизации.

По возвращении в полк делегацию хорошо покормили. Каждому подали по большому куску жарен-

ной трески со свежими помидорами, затем макароны по-флотски со сладким киселем, а солдатам с собой еще выдали по несколько бутылок немецкого пива с сосисками для угощения своих батарейцев.

Визит Л.И. Брежнева имел определенные последствия по службе. Политотдел 8-й армии выступил с письменной рекомендацией о посещении военнослужащими как музеев в немецких городах, так и других исторических мест и, в частности, бывшего концлагеря Бухенвальд. Рекомендация начальника — закон для подчиненного! В конце октября, в одно из свободных воскресений, сформировалась команда для такого посещения и в батарею управления, в которую вошел и Антон Ватрушкин. Они вышли после завтрака, начищенные, наглаженные. Прошли километра три по брусчатой дороге с небольшим подъемом и свернули в лес по предложению своего взводного командира, уже бывавшего здесь неоднократно, чтобы срезать длинный поворот и проселочной дорогой выйти прямо на набатную вышку. Они шли, шутя и смеясь, солдаты мощной и благополучной державы, не зная того, что именно этой дорогой осенью 1942 года по направлению в концлагерь двигалась колонна пленных советских офицеров.

2.

Эта колонна шла в вечерних сумерках, под проливным дождем. И эти люди в свою очередь не знали, что их ждёт впереди и сколько кому отмерено в этой страшной теперь жизни. В её рядах шагал и лейтенант по имени Павел, фамилию которого почти никто не знал, да она и мало кого интересовала, т.к. военнопленные давно значились только под номерами. Павел шёл, вспоминая, как попал на фронт и как резко сложилась его боевая судьба. Мирная жизнь была совсем недавно, почти рядом, но затем быстро сменилась на

военную и последовало страшное пленение. Он вспоминал свою мать, которая разрыдалась, как только узнала, что её сын, высокий голубоглазый красавец, уходит на войну добровольцем.

— Мама! Ну не могу я оставаться дома, ожидать своего призыва. Посмотри, кто воюет? Почти пацаны, — пытался убедить он мать, имея в виду наши передовые части, которые только что прошли их город Юрьевск, отходя к Москве.

— Ведь некоторые солдаты почти, как я. Может быть, и старше-то всего на один год. Так ведь? — говорил Павел.

— Это правда, только я не об этом, — отвечала мать, вытирая слезы. — Ты спешишь, а туда спешить не надо. Это не свидание с любимой девушкой. Война от тебя никуда не уйдет, зачем ты торопишь свою судьбу!

Отец хмурился, молчал, курил одну за одной самокрутки из домашнего табака. В душе он, конечно же, одобрял решение сына, уважал его за это, но и жалел первенца, боялся за него. Он уже успел мотнуться в военкомат с просьбой призвать его самого, имея надежду, что тогда Павла оставят с матерью и маленькой сестренкой, но ему велели пока оставаться дома, до особого распоряжения, как участнику Финской кампании. Вечером к ним зашла тетя Марина, мамина сестра, и сказала, что может быть Паша и прав, записываясь добровольцем. Немец прёт безудержно и неизвестно, что станет с молодыми ребятами, когда к ним нагрянет. Не угнал бы в Германию...

Утром из военкомата прибежал посыльный и велел через два часа быть готовым к отправке. Сказал еще, что обстановка на фронте резко ухудшилась, немецкие танки пошли на прорыв под Тулой. Мать мгновенно замолчала, вытерла слезы. Сказала, что всё в руках Божьих и принялась собирать вещи. Как ве-

рующий человек она не желала плакать перед дальней дорогой сына. Уходящий должен следовать по сухому пути.

— Крестик не возьмёшь? — спросила она на прощание. Павел отрицательно покачал головой. Он еще был здесь, рядом с родителями, своим домом, но уже мысленно и в дороге, все дальше и дальше от родных мест, начиная понимать, что с этого момента жизнь его пошла совершенно по другому руслу, во многом независимо от его воли.

— Тогда вот что, Пашенька, — сказала мать, обнимая сына. — Когда тебе там станет очень тяжело, совсем невмоготу, ты глаза свои к небу подними. Повернись к солнцу и скажи: «Господи, Помози! Спаси и сохрани!» Не ропщи в эту тяжкую минуту, не спрашивай, за что и почему, а только попроси о помощи. Ты меня понял?!

Из Юрьевска новобранцев быстренько на полутораках доставили в областной центр, а оттуда объединенную команду отправили в Чувашию. Там Павел после короткого карантина был определен в офицерскую школу, как имевший образование 7 классов и два курса кооперативного техникума. Получив звание лейтенанта, в должности заместителя командира разведывательной роты, в составе новой стрелковой дивизии он в начале лета 1942 года оказался на Харьковском направлении, где намечалось большое наступление наших войск.

Однако поставленную задачу прорыва дивизия выполнить не смогла. Всего в нескольких километрах от места назначения, на марше, передовая её бригада была внезапно подвергнута бомбардировке немецкой авиацией. Железнодорожная станция впереди горела, мост к ней через реку был разбит, и последовала команда сосредоточиться у железнодорожного полотна, которое располагалась перпендикулярно большаку на Харьков. Однако толком перегруппироваться наши не успели,

в атаку на них из небольшой деревушки у леса пошла немецкая мотопехота. Штаб армии на связь не выходил, молчал и комдив, который должен был подойти следом с тремя полками.

Едва опомнившись от бомбежки, цепляясь за каждый бугорок, овражек, лощину, неся большие потери, бригада тем не менее сумела организовать. После часового боя разрозненные группы солдат и офицеров смогли создать некое подобие передовой линии обороны, которая медленно отодвигалась, пятилась назад, но не пропустила мотопехоту вперед, не позволила разрезать соединение на части. Более того, наладив связь между собой, оставшиеся в живых командиры сумели собрать воедино в углу между железной дорогой и большим сотни три красноармейцев, чтобы пойти с ними в атаку. Опрокинуть немцев и, прорвавшись к деревне, уйти в спасительный лес, который виднелся совсем недалеко.

Павел как раз добрался до этих групп из передовой линии, передал донесение о времени начала атаки, и в это время кто-то крикнул: «Танки справа!». Стальные машины шли на большой скорости по широкой дороге, по которой совсем недавно шла бригада и с той стороны, откуда ждали комдива. Они съезжали с насыпи в поле и разворачивались веером, заходя именно с правого фланга. Деваться было некуда. Впереди — мотопехота, слева, в двух километрах — река, а сзади — разбитый районный центр.

— Лейтенант! Передай соседней группе, чтобы уходили за железнодорожное полотно! — приказал комбат.

— Но они пройдут за переезд? — спрашивал Павел, выбираясь наверх из воронки.

— Там густая посадка вдоль всего большака, почти до самого города. Скорее, Паша! И чтобы ждали темноты!

Он уже выполз, стал приподниматься, чтобы бежать, и в это время ударила танковая пушка. Снаряд разорвался где-то совсем рядом, лейтенанта подбросило вверх и в сторону, и он потерял сознание.

Очнулся Павел ранним утром в деревенской конюшне, почти глухой от контузии, в крови, едва ворочавший языком, не понимая, свои ли его принесли сюда или немцы притащили, посчитав еще за живого. Примерно в полдень офицеров сразу отделили от солдат, пригнали еще несколько групп пленных и погнали именно на ту станцию, где стрелковая дивизия должна была соединиться с танковой и обеспечить один из прорывов.

Со станции пленных повезли на запад. Порой лейтенанту казалось, что все события происходят вовсе и не с ним, а с кем-то другим, а он наблюдает за всем происходящим как бы со стороны. Ведь какие-то всего две недели назад воинская часть следовала из Подмосковья на юг. Солдаты и офицеры, вдохновлённые недавней победой под Москвой и начавшимся летним наступлением, рвались в бой. Молодые командиры достаточно обвыклись в армейской среде, многому научились в офицерских школах и на учениях при формировании. Опытные воины, прибывшие в дивизию из других частей и уже побывавшие в боях, понимали, что немца шапками не закидаешь, настраивались на длительные бои, но такого, чтобы нарваться на прорыв врага вместо своего наступления, не мог предвидеть никто. И судя по всему, не только на уровне командира дивизии или командующего армией.

Прямо сказать, в первое время пленения Павел, равно как и другие офицеры, пребывал в растерянности, если не сказать больше. Единственно, что согревало душу, так это то, как они грамотно утерли мотопехоту, которая, вероятно, рассчитывала просто раскатать бригаду, пострадавшую от бомбежки. А их, нем-

чуру мышиную, подпустили как можно ближе и встретили плотным огоньком, а когда те завертелись, приостановились, подбросили им гранаточек и бутылочек с зажигательной смесью. И если бы не танки!..

С первого дня плена рядом с Павлом оказался знакомый майор из соседнего полка, который ухаживал за молодым офицером, поддерживал, как только мог. Никого других они пока не знали, затруднялись определить, кто эти люди, в какой степени им можно доверять, чтобы разработать какие-либо совместные действия. Они только понимали, что вместе с ними много военных и из других частей, и, следовательно, наступление под Харьковом провалилось.

Примерно через пару недель пути в деревянных, грязных вагонах с двухъярусными полками, так называемых «телятниках», они оказались под Брестом. Стоит отметить, что обращались немцы с пленными вполне сносно. Не били, не стреляли, кормили два раза в день, даже оказывали некоторую медицинскую помощь. Но майору не нравилось такое гуманное отношение, он усматривал в этом какой-то подвох, полагая, что их везут на какую-нибудь бойню или станут вербовать в предательские отряды. Павел за это время несколько оклемался, пришел в себя. Слух у него почти восстановился, хотя и говорил он еще с некоторым заиканием. Только они с майором стали помышлять о побеге, как их опередила группа из трёх человек на первой же остановке от Бреста. Однако немцы быстро заметили бежавших, предложили вернуться назад, обещая сохранить жизнь, а когда наши отказались, попытались уйти в поле от собак, их хладнокровно расстреляли. На границе с Польшей поступила информация о том, что пленных скорее всего везут в Бухенвальд, где содержатся иностранные летчики, немецкие коммунисты и советские офицеры. Так передали польские участники сопротивления. Еще через

месяц, в начале октября 1942 года, эшелон прибыл на железнодорожную станцию Веймар, что недалеко от границы с Чехословакией.

Под дождём, в темноте пленных высадили из вагонов, и колонна направилась в сторону букового леса, где и находился концлагерь. Павел брёл в шеренге, оглядываясь по сторонам, пытаясь хоть что-нибудь запомнить в этой местности на случай возможного побега. Это уже был совсем другой человек, нежели в первое время пленения. Злой, решительный, собранный, готовый использовать любую возможность и сбежать так, чтобы не под пули, не на погибель, а остаться в живых и драться, драться, уничтожая как можно больше фашистов. И пусть два предыдущих побега закончились неудачей, Павел не оставлял надежды на третий, четвёртый, да хоть и десятый, пусть и под самым Берлином.

Первый раз в Белоруссии они с майором смогли уйти на несколько километров. Оторвались от погони, используя небольшую речушку, густо заросшую ивняком, но их обнаружили полицаи на одном из хуторов. Во второй раз, уже в Польше, они ушли ещё дальше, ушли почти совсем, имея некоторые сведения о подпольщиках.

Однако майор на самом краю леса подвернул раненую в боях ногу, не смог дальше идти, и их, конечно же, настигли и почему-то вернули именно в этот же эшелон. Лейтенант не бросил своего старшего товарища, пытался его тащить, нести на себе, хотя майор приказывал ему уходить, ругался и едва не расплакался, когда услышал лай приближающихся собак.

Ранним утром, с рассветом, когда ненавистное чужое солнце едва показалось за линией горизонта, колонна прошла центральные ворота Бухенвальда и остановилась на плацу, перед бараками. Вместе с группой немецких офицеров вдоль строя шёл человек в

штатском, который почему-то осматривал у пленных плечи, спины, грудь и пояснял при этом, что здесь с них снимут форму и на всех наденут полосатые куртки и брюки. По рядам наших пошел быстрый говорок, что-то крикнули майору, назвав его номер. Лейтенант не успел ничего сообразить, как майор быстро нагнулся, схватил под ногами какой-то предмет и кинулся с ним на Павла. Дело в том, что у Паши на правом плече имелась наколка, юношеская шалость. На ней был изображён голубь, который нёс письмо навстречу солнцу. Наколочка небольшая, незамысловатая, но достаточно интересно исполненная.

— Паша! Прости меня, голубчик! — прохрипел майор, стараясь сорвать с лейтенанта гимнастерку. — Я малость тебя поуродую, раздеру твоего голубя!

Однако майор не успел ударить Павла в плечо. Один из немецких офицеров моментально развернулся на шум и выстрелил из пистолета, почти не целясь. Майор упал, а лейтенанта вывели из строя и повели к дальнему бараку, где уже стояли двое наших.

— Ну все, пехота, прощайся с жизнью, — сказал один из них, запахивая морской бушлат на груди, где виднелась наколка в виде орла, несущего змею.

— Ты из-под Харькова? — спросил второй. — А мы черноморцы, попали под Новороссийском. Им, сволочам, нужны наши татуировки. Немецкие коммунисты передали, что жена начальника концлагеря обожает перчатки из человеческой кожи, с разными рисунками...

— Поэтому на тебя и кинулся твой браток, — дополнил первый моряк. — Он хотел рисунок твой испортить, да не успел. И мы не успели...

Офицер выругался, хотел еще что-то сказать, однако из-за угла барака выскочил фашист в черном мундире, ударил чем-то моряка по голове, а когда тот упал, его утащили к дальнему бараку с высоченной

трубой. Паше и второму офицеру заломили руки за спину, сунули нюхнуть какой-то гадости и они свалились.

В себя лейтенант пришел в холодной камере, на бетонном полу. Здесь же находились ещё несколько человек. Павел обратил внимание на жжение на правом плече, на повязку на месте татуировки и понял, что кожу у него в этом месте срезали. Один из пленных поднялся с пола, пошёл в дальний угол камеры и стал что-то царапать на стене. Ещё один, совсем мальчишечка, лежавший рядом с Павлом, тихонько заплакал. Мужчина постарше, не сумевший встать, окликнул Павла:

— Ну, что, лейтенант? Пиши автограф и будем прощаться. Ты ведь из 73-й дивизии?

— Да, а Вы комиссар из соседнего полка?

— Узнал все-таки, — ответил тот, кивнув головой.

— Послушайте меня все... Прошу вас об одном. Не приказываю. Прошу! Сцепите зубы, соберите все последние силы. И умрём достойно! Не покажем фашистам... свою слабость!

Комиссар помолчал, а потом прошептал едва слышно:

— Не держите обиды ни на кого. Это судьба, что так с нами случилось Держитесь! До последнего!

Павел взял гвоздь, поднял голову к небу, как наказывала мать и что-то шепча, в последний раз посмотрел на солнце. Через считанные минуты их стали разводить, растаскивать по одиночным камерам. Никто из пленных советских офицеров не произнес ни звука.

Павла буквально втиснули в какой-то узкий, бетонный пенал, в котором нельзя было ни повернуться, ни разогнуться. Он еще раз попытался поднять голову, но в этот момент сзади раздался сухой выстрел.

Тут же сверху стал опускаться железный крюк на металлической цепи, чтобы подцепить лейтенанта и вытащить его на конвейерную ленту, которая уже доставила к печи и моряков, и комиссара. Ещё через некоторое время из трубы крематория повалил чёрный дым и над лагерем распространился сладковатый, тошнотворный запах.

3.

Летом 1943 года родители Павла получили известие о том, что их сын пропал без вести в боях за Родину. Где и как это случилось, никто не знал и не объяснял. Все последующие письма в различные архивы и военные инстанции никаких результатов не давали. Ни во время войны, ни после. Павел не значился ни среди раненых или покалеченных, ни даже среди судимых. Ответ приходил один и тот же: о дальнейшей судьбе Вашего сына ничего не известно, новыми сведениями не располагаем. Мать проплакала все глаза, потеряв надежду найти хотя бы место последнего боя своего первенца, поклониться его праху и помолиться за упокой души.

Отец продолжал писать, и в середине 60-х годов из райвоенкомата ему сообщили, что отыскался след 73-й стрелковой дивизии, которая формировалась под Серпуховом и в начале лета 1942 года проследовала маршрутом: Тула-Орел-Курск. Отец понял, куда пролегал её дальнейший путь и догадывался, что произошло с дивизией. Ещё райвоенком ему посоветовал обратиться в архивы ГДР, местные партийные организации, которые могут располагать какими-либо сведениями, поскольку фашисты скрупулезно вели самую разную отчетность, как подтверждение своих деяний, а по их мнению, победных действий.

Младший сын пока этого не знал и вместе со своими товарищами выходил к набату, а лейтенант Межурецкий начинал им что-то объяснять, рассказывать.

Прямо перед набатной вышкой располагалась большая площадь размером с футбольное поле. Слева на ней, вдоль прямой дорожки, были установлены невысокие каменные стелы с названиями тех стран, чьи воины оказались в этом страшном месте и не вернулись домой. Это многие европейские страны, сражавшиеся с фашистской Германией, а также Советский Союз, США, Канада.

Справа виднелся объёмный стеклянный колпак, накрывавший громадную воронку, в которой в кучу были свалены женские сапожки, туфли, детские ботиночки, девичьи косы и разная одежда. На металлической табличке имелось пояснение, что все это осталось от тех людей, которых не успели сжечь в крематории в последние дни существования концлагеря. Их просто расстреляли и бульдозером столкнули в траншею.

Перейдя площадь, наши солдаты оказались перед металлическими воротами с циничной надписью: «Каждому — своё». Здесь и начинался непосредственно концлагерь, обнесенный высоким забором в виде бетонных столбов с колючей проволокой. Ребята остановились перекурить. Они уже начинали понимать тех, кто не хотел сюда ходить.

— Ну что, Ватрушкин? — спросил взводный, обращаясь к Антону. — В отпуск собираешься?

— Разве есть такая возможность, товарищ лейтенант?

— Есть! Полк хорошо стрелял на Балтике. Командующий ПВО армии сказал, что зенитчики не швыряли сапоги в небо.

— При чем здесь сапоги? — спросил Антон.

— При том, что один зенитный снаряд по стоимости равен паре яловых сапог. И если промах — значит сапоги в небо!

— Это Вы мне все вправляете, чтобы поднять настроение?

— Не без этого, — согласился командир. — Я понимаю и тебя, и ребят. Вижу, что вы не испытываете особого желания идти внутрь лагеря. Но ты, Ватрушкин, сержант, и тебе еще придется сюда приходить и приводить своих подчиненных. Понял? Кроме того, поймей в виду, каково было тем людям, которые попадали сюда во время войны...

— Это невозможно представить, — сказал сержант.

— Вот то-то и оно! — ответил взводный, — Ну что, вперед?

И они пошли к центральным воротам вместе со своими солдатами.

— Кстати, ты откуда родом-то? Слышал, из Подмосковья?

— Да, из Юрьевска, — сказал Ватрушкин, заходя вслед за командиром в здание, где размещались фотографии замученных здесь немецких коммунистов, соратников Тельмана. Их письма, биографические записки, некоторая одежда. На втором этаже они увидели оружие узников, которое они изготавливали тайком, готовя на день восстания. Здесь имелись ножи, пики, различные заточки, металлические цепи и даже отдельные части для пистолетов и автоматов. Как сказал лейтенант Межурецкий, это оружие нашло свое конкретное применение против фашистов, как только интернациональный штаб узнал о приближении к Веймару союзных войск. Гнев узников был настолько велик, что американцам с трудом удалось кое-что сохранить для мировой общественности. Бухенвальд едва не разнесли по кирпичику, уничтожив на месте тех мучителей, которые не успели сбежать.

На углу следующего барака солдаты увидели мемориальную доску, на которой имелась надпись о месте убийства здесь вождя немецких коммунистов Эрнста Тельмана. Внутри барака, на стендах, виднелись

изоощренные орудия пыток в виде разных клещей, плетей, зажимов, крюков, на которые без омерзения смотреть было невозможно.

Когда наши подошли к главному боксу, лица их совсем помрачнели. Ребят уже мутило от всей этой жути. Они намеревались заканчивать эту экскурсию, продвигаться ближе к выходу. Решили не подниматься на второй этаж этого страшилища, где располагались громадные печи и конвейерная лента, как вдруг на первом этаже этого корпуса наткнулись на бетонные камеры, из которых виднелись проходы в одиночные, узкие пеналы. В этих пеналах, как сказал лейтенант, пленных расстреливали через отверстия на уровне головы. Что происходило дальше, объяснять не требовалось, т.к. в этих одиночках и сейчас сверху свисали железные крюки с красноватыми пятнами то ли от ржавчины, то ли от крови.

Солдаты шли вдоль стен, читая прощальные надписи на самых разных языках, в том числе и на русском.

«Всё равно тебя раздавят, фашистская гадина. С. Дунаев, П. Семенов, И. Ковальчук, Р. Гайнуллин. Август 43».

В самой большой, конечной камере правая стена была исписана почти полностью. На ней виднелись тексты 43-го и даже 44-го годов, но больше всего — 1942. На полу здесь валялись битые стекла, куски проволоки, гвозди, которыми, вероятно, и выполнялись надписи.

Левая стена была потемнее и на ней текстов было меньше, и все более короткие.

«Умираю, но не сдаюсь. Ю. Богатырев, Коломна, декабрь 42».

Рядом другой: «Прощай, Родина! Прощай, Смоленск. Р. Савельев. 44».

Солдаты уже выходили на улицу, следом за ними

пошёл и лейтенант. И Антон. Как вдруг он остановился, словно вкопанный. Его охватила какая-то тревога, предчувствие, и он шагнул к левому углу, в верхней части которого прочитал: «Прощайте, мама, папа. Прощайте все. Ваш Паша Ватрушкин из Юрьевска. Октябрь 42».

Не веря своим глазам, Антон Ватрушкин положил левую руку на стену, а пальцами правой медленно провел по тексту, словно ожидая, что камень что-нибудь ещё ему расскажет. Но камень молчал... Только на площади гулко ударил набат.

Николай СТЕПАНОВ.

Земной поклон Вам, ветераны...

Дети военной поры

Слова и музыка Долбиной Л.К.

1 ПРИПЕВ: *Cmaj*

Музыкальный фрагмент с нотами и текстом. Ключевые моменты: 1. ПРИПЕВ: Cmaj. 4. G7. 7. Cmin, C7. 10. Fmin, B, E7. 13. C7, G7. 16. Cmin.

1 Дети во -енной по - ры, о - бы -кно -вен -ные дев -чон -ки маль -

4 -чон -ки Где бра - ли си -лы для борь - бы? Про - яв -

7 -ля -ли ге -ро -изм под -рост -ки. 1. Вас пы - та - ли в не -

10 -мец -ских ла -ге -рях, Го -ло -дом, бо -лез -ня -ми мо - ри - ли.

13 Вы - жи - га - ли звез -ды на спи -нах и о -гнем вам но -мер

16 на - но - си - ли.

ПРИПЕВ:

Дети военной поры,
Смелые мальчишки, девочки,
Где вы брали силы для борьбы?
Проявляли героям подростки.

1. Вас пытали в немецких лагерях,
Голодом, болезнями морили.
Выявляли звезды на спинах
и огнем вам номер наносили.

ПРИПЕВ:

2. Вы о славе не мечтали никогда.
То, что вам досталось - это горько!
Ну, о чем же думали тогда?
Хлеба хоть кусочек да и только.

ПРИПЕВ:

Великий день.

Музыка Долбиной Л. К.

1 Великий день мы так е-го наз-ва-ли. Пе-

5 ред сте-но-ю дам поро-хо-вой. Над пеплом, гарью, грудами раз-

9 ва-лин Им под-нят стяг победы боевой. Над

12 пеп-лом, гарью, грудами развалин им поднят стяг победы боевой.

1. Великий день, мы так его называли,
Перед стеною дам пороховой.
Над пеплом, гарью, грудами развалин
Им поднят стяг победы боевой.

2. И там, где бились воины простые,
Размашисты, суровы, горячи
Победа распростерла золотые
Прямые, незакатные лучи.

3. На мрамор занесли б войск поименно-
Солдат России, чтоб в века, в века,
Да чтоб над этим мрамором знамена
Простреленные рвались в облака!

4. И надписи на мраморе гласили б:
"Сынам родным, повергнувшим Берлин,
От благодарной матери - России!"
Чтоб теплым ветром веяло с дождик.

Минута молчания.

Музыка Л.Долбина, слова Н.Яценко.

1 *Andante* *Amin* *C*

1. Да-вай - те все ми - ну - ту по - мол -

3 *E7* *Amin* *C*

-чим. По - мя - нем с бо - лью тех, кто не вер-

5 *E7* *Dmin* *G*

-нул - ся. Кто в пол - ный рост на пу - ле - мет спот -

7 *C* *Dmin* *E7*

-кнул - ся, и - дя в а - та - ку сквозь о - гонь и

9 *Amin* *Dmin* *E7* *Amin*

дым. Да-вай - те все ми-ну-ту по-мол-чим.

1. Давайте все минуту помолчим.
Помынем с болью тех, кто не вернулся,
Кто в полный рост на пулемет споткнулся,
Идя в атаку сквозь огонь и дым.
Давайте все минуту помолчим.
2. Давайте все минуту помолчим.
Пусть слезы навернутся на ресницы,
Фронтовикам война доньше снится
И те, кого ничем не воскресим.
Давайте все минуту помолчим.
3. Давайте все минуту помолчим.
Мы жизнью им обязаны на свете,
И наши дети, и детей их дети...
Их подвиг на века неповторим.
Давайте все минуту помолчим.

Солдатам, не вернувшимся домой.

Слова Николай Лавенко, музыка Любовь Долбиной.
 Посвящается Краснострелскому Роману.

The musical score is written in G minor, 6/8 time, and consists of 36 measures. It features a single melodic line with lyrics in Russian. The lyrics are: "мы не на-ну-ли в ле-ту, мы ви-вы, вы слы-ви-те бо-лос, сы-но-вей не чуж-дай-ся, род-на-я Стра-на. Тиль-ко о-чень уж силь-но се-де-ет без вре-ме-ни во-лос, и но-ча-ми кро-ва-ва-я сияет в Афгане вой-на. А в ле-сах - благодать! А в ле-сах-за-пах бе-лых фиалок! И ро-со-ю у-ми-л-ты цвет-ы на лу-гах! Что с дру-зья-ми мо-и-ми лю-би-ми-ми ста-ло: Под гра-". The score includes chord markings (Gmin, F, A7, Dmin, D, C) and measure numbers (1, 4, 8, 12, 16, 20, 24, 28, 32, 36).

Мы не какули в Лету, мы живы, вы слышите голос,
Смысловей не чуждайся, родная Страна.
Только очень уж сильно седеет без времени волос,
И ночами кровавая снится в "Афгане" война.

Припев:

А в лесах - благодать! А в лесах - запах белых фиалок!
И росой умыты цветы на лугах!
Что с друзьями моими любимыми стало:
Под гранитными плитами их покоится прах.

Глухо укнула в скалах прицельно душманская мина,
И земля показала воронков зев.
Если б боль матерей все собрать воедино,
То заплакали б боги, от боли прозрев.

Припев:

Мы лежали в камнях, ожидая в атаку сигнала,
И под сердцем у каждого спрятался страх.
Что с друзьями моими любимыми стало:
Под гранитными плитами их покоится прах.

Все равны на Земле, все друг другу далекие братья,
И нам нечего между собой делить.
Мы бросаем в лицо, не боясь, роковые проклятья
Тем, кто думал за нас: жить нам или не жить!

Припев:

Мы не помним беды, чтобы дружба нас так связала,
Будто алая кровь - все могилы в цветах.
Что с друзьями моими любимыми стало:
Под гранитными плитами их покоится прах.

Посвящается Рахматулину Рамилю.

Слова Явненко Н.П., музыка Долбиной Л.К.

1
7
12
17
22
27
32

1. Ка-ко-е сча-стье при-ва-ли-ло нам: мы от гра-ни-цы
о-д-ним в мир-ной по - вад, и раз-ле-тим-ся по род-ным мес-
-там, за что От-чи-зна клан-им-ся в по-яс. 2. Не
на-до ни стре-леть ни у-би - вать, ни де-лать у до-
-рог средь скал за-са-ды. И ма-ма бу-дут нас жи-вых встре-
-чать, и это нам до - ро-же, чем на-гра - ды...

1. Какое счастье привалило нам:
Мы от границы садим в мирной поезде,
И разлетимся по родным местам,
За что Отчизне кланяемся в пояс.	2. Не надо ни стрелять, ни убивать,
Ни делать у дорог средь скал засады.
И мама будут нас живых встречать,
И это нам дорожка, чем награды...
3. Войну спастись не страшно лишь в юнню,
И то, наверно, только малым детям.
Кто посчитает, сколько полегло
Множ друзей на этом Великом Свете?	4. И пусть иной раз больно будет нам
Услышать обвинительные речи.
Поверьте жам, не мама и том вина,
Что путь наш кровью был порой отмечен.
5. Нам повезло, что можно быть милой:
Мы жить остались на Земле прекрасной.
Но не забыть нам до скончания дней
Своих друзей, что полегли напрасно.	6. Не надо: ни стрелять, ни убивать,
Ни делать у дорог средь скал засады.
И мама будут нас живых встречать,
И это нам дорожка, чем награды...

Земной поклон Вам, ветераны.

Слова и музыка Долбиной Л.К.

1 *Allegretto*

1. Война закончилась, давно зажили раны, но помнят люди о войне бы-
-дой. В строю стоят седые ветераны. Мы помним подвиг их свя-
-той. И в этот День Победы, ветераны, земной поклон Вам передать хо-
-тим. И подвиг Ваш святой и Ваши раны в сердцах своих надолго сохраним

Музыкальная партитура в G-мажоре, 4/4 метр, с аккордами: Gmin, C, F, Gmin, A7, Dmin, Dmin, Gmin, C, F, D7, Gmin, A7, Dmin, Gmin, C, F, Gmin, A7, Dmin, Dmin.

1. Война закончилась, давно зажили раны,
Но помнят люди о войне былой.
В строю стоят седые ветераны,
Мы помним подвиг их святой.

Припев:

И в этот День Победы, ветераны,
Земной поклон Вам передать хотим
И подвиг Ваш святой и Ваши раны
В сердцах своих надолго сохраним.

2. Мы не хотим, чтоб рвались бомбы и снаряды,
Мы мира и спокойствия хотим.
Весне и солнцу будут люди рады.
Войне дорогу не дадим.

Припев:

Приказ

Последний бой

Прямое попадание,
Металл сечёт лицо,
И замер без дыхания
Водитель Кузнецов.
Наводчика из танка
Ташу я за собой,
Последняя атака
И наш последний бой.
С израненным Серегой
Лежим, фашистов бьём,
В кювете за дорогой,
В лесочке под Орлом.
За Кузнецова Саню,
За Родину, за мать,
Да мы врагов зубами
Готовы грызть и рвать.
И мы достойно дрались,
Пока могли дышать.
И навсегда остались
В лесочке том лежать.

На линии огня

Был страшен бой, в опушку вгрызлась рота,
Земля взметнулась огненным дождём,
И корчилась немецкая пехота,
Сраженная неистовым огнём.

И лейтенант, совсем еще мальчишка,
Под танк последний совершил бросок,
И бешеная, яростная вспышка
Смертельно их ударила в висок.

И день померк, и солнце закатилось,
Горело всё, что лишь могло гореть,
Но рота билась, погибая, билась,
Дралась за жизнь и презирала смерть.

Земля и небо задохнулись в пекле,
И вдруг на поле пала тишина...
И у берёз истерзанные ветки
Пыталась бинтовать сама весна.

Вызываю огонь на себя

«Третий», «Третий», я «Первый»,
Вас не слышу... приём». —
Провода, словно нервы,
Цепи немцев кругом.
На короткое время
Восстановлена связь.
Но убит точно в темя
Юрка, друг, ткнулся в грязь.
И безжизненно свисла
От осколка рука,
Я лежу, зубы стиснув,
Но со связью пока.
«Первый», «Первый», я «Третий», —
Раздается сквозь треск, —
Что молчите? Ответьте.
Слава Богу, воскрес...
Бей по мне, напрямую,
Мразь фашистскую бей,
За Россию родную,

За родных и друзей.
Что, забежали гады?
Помнить будете нас!
«Третий», «Третий»... порядок...
Я исполнил приказ...

*Владимир РОДИОНОВ/
г. Торбеево.*

Капитан СМЕРШа

Когда в этот солнечный день начала весны я иду по деревне и где-то у школы раздаются крики играющих мальчишек «Смерть шпионам!», в этой детской игре мне слышится отголосок той грозной и славной аббревиатуры «СМЕРШ», от одного звука которой русский человек подтягивается, становится серьезным и строгим.

В конце семидесятых, пономарствуя в Успенском кафедральном соборе Одессы, я не раз замечал высокого седовласого и жесткого, как кипарис, старика. Его стать и, главное, странно уважительное отношение к нему духовенства резко выделяло его из обычных прихожан. Я так и не смог познакомиться с ним. Я даже не смог присутствовать на его отпевании. Он похоронен на одном из кладбищ Одессы (на Слободке), недалеко от знаменитого Ионы Атаманского. С конца 70-х годов у меня сохранилась фотография могилы этого праведника (Иона Атаманский канонизирован как святой праведный) — огражденной простой железной оградкой, почти потерявшей в бесконечном поле ей подобных. Станный обычай России — застраивать кладбища оградками. Плотноплотной спина к спине, что и не проберёшься. Может быть, и в жизни так — живём тесно, прижавшись друг другу, и в то же время отгородившись оградками: такими беспомощными, покосившимися, поржавевшими, но столь же трудно преодолеваемыми, как и их подобия на наших кладбищах. Там близ могилы праведного Ионы в зелёной защитного цвета оградке скромно приютился сваренный из гнутой

арматуры покрашенный тёмным суриком крест. С зелёным же, чуть покосившимся столиком и скамеечкой рядом. На ней сидел грузный одноногий мужчина. Перед ним на столе стояла чекушка, пара яиц (пасхальных крашенок), стакан и бутерброд с колбасой. Увидев меня, безуспешно пытающегося преодолеть частокол кладбищенских оград, человек махнул мне рукой, приглашая к себе.

— Здесь проход, парень, давай сюда.

Когда я приблизился, он, оглядев мой чёрный сюртук, спросил:

— Ты что, из ремеслухи или нахимовец?

— Нет, семинарист.

— А, у вас такая форма?

— Да.

— Ну, давай семинарист ко мне, попа помянем.

— Вы что, тоже к отцу Ионе пришли?

Я, с трудом преодолев барьеры оградок, втиснулся в приоткрытую дверцу той, внутри которой сидел мужчина.

— К кому? А, ну, да, то-то он просил похоронить его рядом с Ионой. Действительно, тот же его и крестил. А я и забыл об этом. Давно не был у Батюшки.

Я глянул...

— Да, так мы его называли, — ответил он, — Стар стал, уже не наездишься. Сам я — калужский.

— Виктор Николаевич, — представился он.

— Сергей.

— Ну, садись, Серёга. Как там у вас в бурсе благословляют на помин?

Виктор Степанович достал уже открытую бутылку кагора.

— Вот, хоть и красненькое, да чем же поминать попа? Что, не понял ещё? Тут лежит мой боевой товарищ, с которым много хлебнул я в войну. А потом стал он священником. Попом. Вот и пришёл я его помянуть.

Налив кагор в граненый стакан, Виктор Николаевич протянул его мне и, сказав, «Помяни его, Господи», долгим глотком хлебнул из горлышка. С овальной фотографии на железном кресте на меня сурово глядел наш прихожанин, имя которого я так и не узнал (еще и потому, что мой собеседник, рассказывая о нём иначе как «Батюшка» или «Поп» его не называл), и потому назову его Александр.

Идти из окружения по болотам, избегая дорог, впроголодь — это, я тебе скажу, что-то! Но главное — не бросать оружие. Оружие на войне — всё. Я вот всегда предпочитал ручной пулемет. Уже позднее, в 42-м, один молодой политработник, хвалился трофейным «вальтером». «Я, — говорит, — с ним в атаку. Вещь надежная и для бойцов убедительная».

— А вот здесь ты, друг ситный, неправ, ручной пулемет куда убедительнее! Кроме того, с ним я для бойца ближе и понятнее. Он ведь тащит винтарь или ППШ (не пукалку, как у тебя), он трудится — и я тружусь, тоже вещь серьезную тащу, и потому уважение имею.

Меня этому научил старый политрук, знал я его в 41-м. Вот был вояка, гражданскую прошёл, воевал у Будённого. В политруки попал тоже по вине Будённого. Взял он коня в бою. Конь — огонь! Все завидовали. И Будённый. Тот вообще было напал — отдай коня! Но тут казаки стеной стали — как отдай, конь в бою взят! Ну, Семён Михалыч и удумал: послал того парня в Москву учиться на политработника (а он и в партии-то не был), а коня, ясно дело, прибрал себе. Вот так и стал Михалыч (его тоже Михалычем кликали, как Будённого) политруком. Как там с партией? Может задним числом оформили, а может так и остался беспартийным политруком? Сам-то он об этом не

говорил, только смеялся.

Он нас из окружения выводил. Знал вояка, как воевать. Ведь Первую мировую прошёл и Гражданскую. Осторожный был. Вот хоть один эпизод. Группа у нас поначалу была небольшая — человек 30. В основном рядовые. Офицеров четверо: Михалыч, я, лейтенант-пограничник (Батюшка наш), и еще один майор — дурак дураком. Михалыч ведёт нас по лес пробираемся вне дорог, хоронимся. И вдруг выходим на полянку из густого ельничка и, Бог ты мой!.. нос к носу с фашистской разведкой. Все с автоматами тоже около роты. Впереди офицер — немолодой, тоже опытный, видать. Все застыли. У нас бойцы наполовину без оружия, вымотанные, голодные. Но у меня — ручник, у Батюшки — ППШ. Так и стоим — ствол в ствол. Одно мгновение, второе мгновение, третье пошло. Вдруг Михалыч становится смирно и фашисту честь отдает! А тот, тот в ответ — во фронт и тоже честь! «Кругом, — командует Михалыч, — шагом марш!».

Так мы живыми ушли в лес. Я шёл последним. Обернулся и увидел: стоит Михалыч — рука к козырьку, а напротив — тот фашист также замер.

Это, я тебе скажу — поступок. Спас нас всех Михалыч. Спас, вывел к своим, а еще на подходе напали мы на фашистскую колонну, и заставил нас Михалыч взять их винтовки. Это нас и спасло вторично. Вышли к своим — все с оружием, в порядке, всего трое раненых. Майор сразу на Михалыча стучать, того взяли в оборот. Слышал я, впрочем, что выкрутился он — умён был и опытен. Да и Будённый у него в долгу был.

Ну, это я отклонился. Мы же о Батюшке. Там, в этом окружении, я с ним и познакомился. Молодой лейтенант-пограничник прибил к нам с двумя бойцами. Оружие несли, но патрона — ни одного. Но

тогда более всего меня поразило, как относились к нему бойцы, а ведь постарше него были, относились они к нему как к отцу! К безусому юнцу, пять минут как лейтенанту! Но еще более поразительно было то, что он принимал это отношение как должное, и сам относился к ним, как к детям. Даже присоединившись к нашей группе и встав под командование Михалыча, Батюшка не изменил этих отношений. Более того, к нему потянулись и другие. Опытный Михалыч, хоть и уважаемый, был молчалив и нелюдим. Сдружился только со мной. А вот к Батюшке все бойцы тянулись, уединялись с ним, как на исповеди.

Порыв влажного морского ветра ударил по тополям, и их верхушки заколыхались, как пламя свечек на сквозняке. Только пламя их было чёрным на фоне разгоравшегося заката.

— Да, — продолжал Виктор Николаевич, тяжело положив большую тёмную руку на выщербленную зелёную поверхность дощатого столика. — Да, душевный мужик был наш Батюшка! Рука хлопнула по доске, как печать на вечном удостоверении.

— После выхода из окружения нас судьба разбросала. Вновь мы встретились в 43-м. Меня назначили уполномоченным только что созданного СМЕРШа, а Батюшку прислали ко мне помощником. Я тогда был в чине майора и успел повоевать в диверсионных группах НКВД. В СМЕРШ, я думаю, меня определили после ранения — негоден стал для диверсионной работы. Почему в СМЕРШ попал Батюшка, я точно не знаю. Но ведь он был пограничник, а к тому времени погранвойск как таковых уже не было. Он,

как младший работал с личным составом. Тогда много было проблем: кто-то устал — пытался самострел сделать, некоторые дезертировали. Со всеми работал СМЕРШ, а в нашем полку — конкретно Батюшка. Про него так и говорили — «К Бате на исповедь!». Скажу тебе, юноша, многих тогда Батюшка наш от гибели спас. Молодые особенно страдали — и боялись, и унывали. И, в то же время, скрывали своё состояние, стеснялись. У нас агентура, ясно дело, работала, так её Батюшка настраивал смотреть не только за изменой или трусостью, но и за унынием бойцов. И к таким наедине подходил, разговаривал. Глядишь, и укрепился человек.

— Больше года прослужили мы вместе. Батюшка капитана получил... Где-то в конце 44-го подходит ко мне и говорит:

— Прощай, Николаич, ухожу от вас.

— Куда?

— Не поверишь, в семинарию.

— Как так, какая семинария, сейчас же война!

— Вчера вызвали меня в дивизию. Наш майор сидит и с ним еще один — незнакомый. Наш говорит — вот, товарищ майор, наш Батюшка.

Оба смеются.

— За что такой чести удостоился, как тебя в попы записали?

— Сам не знаю, — говорю, — бойцы так прозвали, а я не спорю...

— Ну, ладно, — говорит наш, — видать, судьба тебе быть попом.

— Не понял, товарищ майор?

— Сейчас всё объясню, капитан, — говорит приезжий.

— Ты, должно быть, слышал, что серьезно изменилась наша политика в отношении Церкви.

— Да, говорю, мне рассказывали, что товарищ Сталин встречался с попами...

— Не с попами, а с руководством нашей Церкви.

Церковь наша — это наша история, и мы её должны уважать. К тому же верующие люди вместе со всем советским народом помогают победить врага. Но в результате троцкистского беззакония у Церкви большие проблемы с кадрами. Вот руководство решило в этом ей помочь и направить дельных сотрудников на работу на, так сказать, церковной ниве. Пойдешь, поучишься в семинарии и станешь служить попом.

— А почему же я?

— Ну, во-первых, ты ведь и так у нас Батюшка (смеются!), а во-вторых — ты ведь сын священника.

— Не сын я, а крестник...

— Ладно, мы в Одессе справки наводили — там показывают, что ты сын Ионы. Ты ж Ионович?

— Да нет, говорю, батю моего действительно Ионой звали, но он не был священником. А отец Иона был моим крестным.

— Ладно, капитан, решение принято, собирай вещи.

— Мне что, писать на демобилизацию?

— Не надо ничего писать... Из органов просто так не уходят. Поработал на фронте, теперь поработаешь в тылу. Но документы сдай, тебе гражданские выпишут, форму там, оружие. Награды можешь оставить.

Так я и ушёл, прощай, Николаевич!

— Прощай, Ионович! Прощай, Батюшка!

Николаич полез куда-то под стол и достал ещё кагор. Его лицо светилось некоей мечтательностью, будто он именно в этот момент созерцал внутренним взором предстоящего в белой ризе престолу своего боевого друга. Я с пономарской сноровкой открыл кагор, налил в стакан и подвинул его рассказчику.

— Нет, я так, — сказал Николаевич, отодвигая стакан и беря бутылку.

— Вот ты думаешь, что всё это странно, и странным священником, наверное, стал наш Батюшка... Он ведь кто был — чекист, капитан СМЕРШа!

— Да нет, не думаю, откуда мне знать...

— И то, откуда вам знать, нынешним, таких людей... Он, при всей своей душевности и мягкости к людям, был кремень, стержень строгий был у него в душе, нестигаемый человек. Служил он здесь в Одессе в соборе, знаешь, где?

— Знаю, я сам там пономарь и его видел при жизни ещё.

— Правда? И что ничего о нём не знал?

— Нет, даже не знал, что он священник. Удивлялся только, как уважительно обращалось с ним духовенство.

— Ещё бы им его не уважать. Они ведь знают, как он перестал быть попом.

— ?...

— Дело простое... Всё это при Хруще было. Подлый был человек, ещё в войну не любили его. Тоже мне — плюшевый мишка, а зубы как у пираньи... А уж как он вас попов ненавидел. В пику Сталину он всё русское ненавидел. Я тогда, в шестидесятые, будучи давно военным пенсионером, преподавал в школе в деревеньке под Калугой. Не виделся с Батюшкой уже лет шесть. Он так и не женился и жил с сестрой. Помню, он мне рассказывал, какие трудности у него в связи с этим были при рукоположении. Никак не хотели его холостого пускать. Но сумел убедить, а может, и контора помогла. Он ведь с ней связи не терял... Впрочем, откуда мне знать, какие там дела про меж них были. Он, однако, мне говорил: «Я Родине присягал и от этой присяги не отрекусь!»

— Да, не виделись мы порядочно. Тут приходит

письмо от его сестры — посадили Батюшку! Я в шоке, как посадили, за что, офицера органов?! Поехал в Одессу. Вот Ионовна (так я её звал) мне и поведала, что произошло. В 61-м было дело. Вызывают Батюшку в контору и говорят: «Так мол и так, товарищ капитан, политика партии и правительства изменилась. Нужно нанести сокрушительный удар по церковному мракобесию. Отслужили вы своё попом, переводим вас на другую работу. Нужно публично отказаться от всего этого поповства и выступить с антирелигиозной критикой. Уж вам там виднее их слабые стороны».

А он им отвечает — «Товарищи, меня в священники направили по решению товарища Сталина, чтобы поддержать Церковь кадрово в её патриотической работе с русским народом. Я подчинился такому решению, так как я офицер СМЕРШа и давал присягу. Когда я принимал священный сан — звание священника, я приносил присягу Русской Церкви пред Святейшим Патриархом Алексием, руководителем Русской Православной Церкви. Я присяге не изменяю».

Те в крик — чего ты мелешь, ты что, на войне контуженный, какая там присяга... Тут тебе приказ!

— Нет, — говорит, — приказы не могут противоречить присяге. Кроме того, приказы по Церкви мне отдает Владыка, а не вы.

Да... Через месяц обвинили Батюшку в растрате церковных средств и посадили на 5 лет. Сан сняли. Звания — лишили. Сохранились, правда, у него боевые ордена (видать забыли про них) и крест, подаренный Патриархом. С тем он после зоны и остался. Так вот. Прошёл наш Батюшка две войны, и в обеих — он победитель!

Знаю, и потом к нему люди приходили, как на исповедь, но он всегда говорил — могу вам только посоветовать!

Замолкнув и задумавшись, Николаич опустил голову, и вдруг, повинувшись порыву лилового вечернего воздуха, встал и, запрокинув голову, прижав к губам бутылку с кагором, и как горнист, вдыхая его терпкость, яро взглянул в алые ленты заката.

Сергей ТЕСМИН.

Эпизоды эпопеи

Из цикла «Война и Победа»

Всеобщая память

Войну я знаю лишь из книг,
Но всё ж порою ощущаю
Тот страшный, безысходный миг
(Боль сотен тысяч, что ль, вмещаю?),

Когда пронзают «девять грамм»
Плоть, страстно жаждущую жизни.
Бои прошли... Я не был там,
Но чувствую: в моей Отчизне

Скорбь лихолетья до сих пор
Сквозит — то рана сердца саднит.
И капля влаги застит взор...
Война! Что может быть неладней?!

О ней я знаю из кино,
Ведь жизнь вошла в другую фазу.
Но хоть война прошла давно,
Её всё помнит русский разум.

Перед выходным

Под патефон танцуют пары.
Июня двадцать первый день.
Хотя и вечер, жарко — парит.
Закат всё удлинит тень.

Она — как стрелка, что на картах, —
Предвидит вражеский удар.
Оставлена навеки парта...
Но это, право, не беда.

Беда придёт под утро завтра.
И юноши примкнут шттыки.
И будет уж другая правда...
Их станут танки у реки

Давить, а бомбы и снаряды
Рвать в клочья плоть. Есть всё же ад!
...Ну, а пока легки наряды,
И выпускному класс наш рад.

Русский дух

Июль. Жара. Горят хлеба.
Войска понуро отступают.
А сзади слышится пальба;
Как осы, «мессеры» летают

И жалят с синей вышины -
Бойцы ныряют вглубь кювета.
Они войной опалены —
Не знойным — «африканским» — летом.

И пот струится по лицу,
В пыли и соли гимнастёрка...
Но всё ж война придёт к концу,
И наша жёсткая метёлка

Поганых оккупантов вон
С позором выметет навеки.
Но скорбный погребальный звон
С тех пор над Русью, словно реки,

Течёт: не забываем мы,
Как аж до Волги отступали,
Что от коричневой чумы
Десятки миллионов пали.

И мы готовы так же впредь
С врагом сразиться в чистом поле.
Ведь лучше с честью умереть,
Чем, будто быдло, жить в неволе.

«Былое и думы»

«Мы мирные люди...»

Не очень сладко наступать,
Но в сто крат горше отступление.
Ты помнишь это время, брат, —
Потоков беженцев теченье,

И трупы сотнями вокруг:
Никто погибших не хоронит...
Ты помнишь ту родину, друг?
Моя душа и ныне стонет!

...Фашист всё пёр и пёр вперёд,
Наглея с каждым днём всё больше.
Считали оккупанты: «Gott
Mit uns!»*, что будет здесь, как в Польше.

И поначалу так и шло,
И мы угрюмо отступали.
Но всё же одолели зло.
И до сих пор ошмётки стали

*С нами Бог! (Нем.)

Заводов крупновских лежат
В земле полей, мешая пугам.
Хоть нам такой не нужен клад,
Но вновь врагу любому туго

Придётся, если он рискнёт
Проверить русский люд на прочность.
Не надо трогать наш народ,
Ведь снова то же выйдет! Точно!

Самопожертвование

Боец тонул. Тонул в болоте.
Берёзка гнулась от руки...
Он замыкающим был в роте,
Что шла по пойме вдоль реки.

Он остутился и, с тропинки
Сойдя, в колдобину упал...
Не справят по нему поминки:
Считают — без вести пропал.

Потрёпано подразделение.
Оно неделю на восток
Бредёт, таясь, из окруженья.
Их только сорок — было ж сто.

Враги вокруг — боец, попавший
В трясины, не посмел кричать.
И утонул в болотной чаше,
Покинув ненароком гать.

Память – в сердцах

Семь атмосфер давление – и по швам
Течёт, течёт солёная водица...
Представить трудно сухопутным нам,
Не бывшим под водой, как в лодке там
От страшной духоты синеют лица.

Глубинной бомбой разорвало борт –
Нельзя продуть балластные цистерны.
Обшивка смята, как бисквитный торт...
И субмарина не придёт уж в порт.
Весь экипаж подводников, наверно,

Погибнет в жутких муках оттого,
Что очень скоро кислород иссякнет.
Спасёт судьба хотя бы одного?
...Отсеков, кажется, всё ниже свод;
И всё сильнее смердит-то, смертью пахнет.

О, сколько моряков погибло так –
Под бомбами эсминцев «кригсмарине»,
Когда газ жизни полностью иссяк!
Увы, здесь даже не поставишь знак
В честь моряков, что сгнули в пучине.

Напрасные потери

Ночь. Тишина. Но время спать
Для часовых не наступило.
Мир мрачен будто бы могила,
А для разведки благодать.

И в час полуночный к посту
С ножом в руке крадутся трое,
И пули с трассерами роем
Задеть их тщатся на лету.

Коль ты закуришь, огонёк
Цигарки выдаст место бденья —
Не избежать тут нападения.
...И вот уж немец поволок

Бойца, что посчитал устав
Излишне тягостным законом.
И фрицы ушлые с полоном
К себе вернутся. Вдрызг устав,

Они доставят языка.
И выпив по полкружки шнапса,
В ночи чернее, нежели вакса,
Друзьям расскажут всё, слегка,

Конечно, приукрасив быть.
А русский по дурной натуре
Окажется в комендатуре,
А после в лагерную пыль

Он будет стёрт. Закон войны,
Писался, как известно, кровью.
Не отдавая дань злословью,
Скажу: бывали и пьяны

Солдаты. Не один погиб
От легкомыслия и лени.
Порой беспечность — преступленье:
Её используют враги.

И завещали неспроста
Во имя жизни и победы
По опыту сражений деды:
Боец, всегда блюди устав!

Тот день вовек он не забудет...

Боец бежал с «ура!», штурмуя высоту,
И пуля разрывная раскроила ногу.
Хоть он и на снегу лежит — чело в поту:
Нет сил, ведь потерял он крови слишком много.

Ему пришлось валяться с ночи до утра,
Но снег для раны стал тампоном — рыхлой ватой.
И выжил всё же он: его спасла сестра,
Девчонка в конопушках, фея медсанбата.

Но ногу раздроблённую отнял хирург —
Своё предназначенье выполнила пуля,
Одна из многих миллиардов клятых дур
(Как звал Суворов их), что пчёлами из улья

Из пулемёта рвутся на простор полей —
Полей сражений — и смертельно жалят жертвы...
Пусть никогда не будет больше на земле
Войны и извещений —
скорбных — без конвертов!

«Ворошиловский стрелок»

Ещё одна зарубка на прикладе —
Одним фашистом меньше на земле.
Его не спас полупрозрачный лес,
Что чахнет в ноября второй декаде.

Зачем ты шёл от Одера до Жиздры?
За смертью надо ль далеко идти?
Наверно, к ней и кратче есть пути...
Не сохранил НАШ лес саксонца жизни.

...И снова в перекрестии прицепа
Возник арийский истинный анфас.
И этого пришельца лес не спас.
...И вновь осою пуля полетела.

Пламя памяти

Вновь артналёт! «Петра творенье»
Фашисты тщатся ввергнуть в топь.
Ещё одно их преступленье!
О, Шиллера земляк, не гробь

Собор Казанский, Исаакий,
Адмиралтейство, Эрмитаж!
Уже не могут вдовы плакать...
И неба серая плита

Легла на братскую могилу,
Собою город весь накрыв.
Лишь вера оставляет силу,
Питает скорбных душ костры.

Нет горше и ничтожней дозы
Того, что называют «хлеб», —
Осьмушки вязкой целлюлозы.
И сколько после будет треб

По умершим голодной смертью!
Зачем самим себе нам лгать:
И в адовых болотах черти
Из костяков не ладят гать,

А в Питере любой фундамент —
На человеческих костях.
Горит неугасимый пламень
На поле Марсовом, хотя

В сердцах людей пылает память
Поярче вечного огня.
На белый флаг не сменим знамя —
У нас свободы не отнять!

«Маленькая» победа

(сонет)

Лес желтизною облетал...
В тумане пряталися нивы
И с дзотом фрицев высота —
Всё-всё, но только не разрывы.

Обстрел туман огнём сметал;
Осколки вопрошали «чьи вы?»
И зло вонзался в плоть металл.
Туман густой, холодный, сивый

Как саван пеленал бойцов,
Не совладавших с клятым ДОТом,
Что, в желтизну уткнув лицо,

Лежали ниц пред пулемётом.
Но к чести дедов и отцов
Взяла высотку всё же рота...

Поддержка

«царицы полей» «богом войны»

Ракеты разорвали тучи —
Ушли в недолгий свой полёт.
И, как летели — так же кучей,
Накрыли пулемётный ДОТ,

Что сдерживал ночь продвиженье
Измотанных вконец солдат.
Был ДОТ — и нет его в мгновенье,
А вместо укрепления — ад.

Нет больше вражьего оплота —
И высоту взяла легко
Рванувшая вперёд пехота.
«Катюши» бьют не в «молоко»!

Опять легли «ЭРЭСы» точно,
И смят картонкою колпак
Из рурской стали — очень прочной.
И продолжается пальба,

Чтоб закрепить успех атаки,
Гремит за взрывами «Ура!».
Бегут фашистские вояки!
Полезно бегать по утрам!..

Урок

Танк пёр и пёр вперёд, не замечая
Колдобины, воронки и бугры.
За ним — другие, как шакалов стая,
Что высыпали скопом из норы.

Но выстрел из леска сорвал ленивец* —
На месте закружился пряткий «тигр».
Так получил опять отпор спесивый
И наглый враг. И чрез всего лишь миг —

*Натяжное колесо гусеницы на жаргоне танкистов.

Ещё один снаряд, Танк свечкой вспыхнул.
И снова выстрел — и второй костёр!
Не знали фразу «Не будите лихо...»
Враги, как видно, — помнят до сих пор.

Отцы и деды наши заказали
В Руси пределы навсегда им путь.
Ведь средь полей вновь будут груды стали,
Коль враг пойдёт на нас когда-нибудь.

Где-то под Курском

Закат всё гаснет, гаснет, гаснет...
А с ним — и отдалённый бой.
Затишье меж сражений — праздник.
Быть может, звёзды вновь гурьбой

Среди разрывов туч и дыма
На небо высыпят, и мы
(Нам это так необходимо!)
Как чрез окошечко тюрьмы,

Увидим письма созвездий —
Кассиопея, Орион...
Не сможет избежать возмездья
Гад Гитлер. За вселенский стон,

За муки, гибель миллионов,
За скрытый сажей небосвод
Мы райх разрушим до ионов.
И, осознав беду, народ

Немецкий скажет нам спасибо
За избавленье от чумы
Нацизма. А пока что либо
Фашисты победят, иль мы —

Стоит вопрос. И мы воюем.
И звёзды не волнуют взгляд,
Не наслаждаемся июлем...
И в этом — Гитлер виноват!

И мы дойдём всё ж до Берлина —
Пусть через год иль даже два.
И, разможнённая дубиной,
Поникнет гада голова.

Цель и вера

В землянке холодно. Коптит
Из гильзы сделанная лампа.
И что-то пишет замполит
На «чистой» стороне эстампа.

За лесом затихает бой...
И гаснет зарево заката
В той стороне, куда с тобой
В овчинных полушубков латах

Идём наперекор ветрам
Из серого свинца и стали.
И отдохнуть не время нам,
Пусть и безмерно мы устали.

И до Берлина мы дойдём,
Хоть немцы знатные вояки.
Не испугаешь нас огнём.
Нам не страшны и «тигров» траки.

И над Рейхстагом водрузим
Мы знамя алое Победы.
И будет реять флаг над ним —
Флаг славы, что стяжали деды.

Да, предков мы не посрамим,
Вновь преподав урок тевтонцам.
Опять мы не позволим им
Грозой затмить над нами солнце.

«Чистильщики»

(На фильм «Гу-га!»)

Кровь смертников — по амбразуру ДОТа,
И захлебнулся вражий пулемёт.
В бою погибла вся штрафная рота,
Зато другие роты прут вперёд.

Имён погибших не прочтут потомки
Вовек на тёмной каменной плите.
Скрывают их безвестности потёмки:
Хоть и герои, да, увы, НЕ ТЕ.

Но Родина обязана спасеньем
И этим непутёвым сыновьям.
Вперёд шли штрафников подразделения,
Чтоб МЫ внимали в мае соловьям.

Казнь

Он сдрейфил... И теперь стоит
У края будущей могилы.
Понурый, безучастный вид...
Ему уж васильки не милы,

Что неба брызгами вокруг
Поляну щедро окропили.
Теперь он нам, увы, не друг:
Ему мы трусость не простили.

Взвод автоматчиков готов.
И в тишине звучит команда -
Труп падает в развёрстый ров.
...Бойца сгубила полька Ванда.

Ведь к ней на хутор он сбежал.
Хотел там в риге отсидеться.
И вот заслуженный финал —
Пробито пулей труса сердце.

Урок расстрелом преподавал
Другим, что робкого десятка,
Комдив наш — бравый генерал
Иван Петрович Головатко.

Он сам не прятался в тылу,
Не праздновал веки труса
И приговор измены злу
Вот вынес, чтобы червь искуса

Солдатам душу не точил,
Чтоб больше не было соблазна
Сидеть у бабы на печи.
Ведь трусость — как болезнь — заразна.

Человечище

Станок токарный. Перед ним
На ящике стоит подросток.
Снаряд он точит, что непросто,
Коль на лице ужасный грим —

Как будто закрывает дым —
От голода и недосыпа.
Но не услышишь даже всхлипа
От пацана. Попьёт воды —

И вновь свивается в спираль
Металл, что лишний на болванке.
И будут вражеские танки
Гореть, беря пример с костра.

Страну прославили сыны —
Как этот щуплый фэзэушник.
Не будут без снарядов пушки,
Раз есть такой величины

В Отчизне нашей малыши.
И с ними мы непобедимы:
Они с бойцами побратимы
Величием своей души.

Инфернальность

Атеисты твердят:
Нет ни рая, ни ада...
А ужасный «парад»
На плацу Бухенвальда?

Сотни тысяч теней —
Только кости да кожа! —
Правда жутких тех дней.
Что, на ад не похоже?

Средь прекрасных лесов,
Что под Веймаром чудным,
Заперт люд на засов -
Russin, Polin und Judin...*

Все по моде одной —
Полосатая роба —

*Русская, полька и еврейка.(Нем.)

За высокой стеной:
Стерегут их особо.

Есть в концлагере вход,
Ну, а выхода нету.
Всех пленённых — в расход! —
За туманную Лету.

Здесь когда-то гулял
По преданию Гёте...
А теперь вся земля
В смеси с пеплом от плоти.

Лагерь «Буковый лес» —
Назван, как санаторий...
Есть и ад, есть и бес!
Это много историй

Подтверждают. Читал
О садистах гестапо
(Коль попал к ним — беда!)
И подручных их — капо.

Средь роскошнейших рощ
Из раскидистых буков —
Тени. Каждый так тощ,
Что и двигаться — мука.

Крематорий дымит —
Небо в копоту жуткой.
А когда-то пиит
Воспевал тут синь утра.

Если б Гёте мог знать,
Что появится Гиммлер,
Он бы смог написать
Об ужаснейшем дыме...

Но немецкий народ
Вряд ли б выбрал иное,
Ведь вещал фюрер: «Gott
Mit uns!» und «Ordnung neue»*.

На земле — ад и рай.
Ад — нацистский концлагерь,
Рай — родной мирный край.
...Крап от слёз на бумаге...

Радости жизни

Как мало человеку надо -
Горбушка чёрного, сто грамм!
А наивысшая награда —
Алтарь парной и бани храм.

Отрадно слушать после боя
Хвальбу товарищей-бойцов,
А вместо бомбового воя —
Коленца курских соловьёв.

Ещё неплохо на привале
Цигарку толстую свернуть...
И вовсе славно, коль медали
Рядами украшают грудь!

Регистрация брака

Они друг к другу шли чрез дым сражений —
От первой встречи триста долгих дней.
Конечно ж, нет прекраснее мгновений
Нежданного свиданья с милой, с НЕЙ!

* «С нами Бог!» и «Новый порядок». (Нем.)

...И вот они в поверженном Берлине
Сыграли свадьбу — скромно, как смогли.
Сплетение распутав судеб линий,
Они одну отныне повели.

А расписались не в амбарной книге.
Презрев всесилье гербовых бумаг,
Забыв об их вселенском иге,
Молодожёны выбрали... рейхстаг.

Победа

*Светлой памяти
Александра Васильевича Голотина,
моего дед, героя Великой Отечественной.*

Всего шесть букв, а слово ёмко:
Включает судеб миллиард,
И миллионы похоронок,
И боя ад, и блеск наград.

Включает чаянья, надежды,
Кровь, слёзы и солёный пот;
Всю землю ту, что дважды прежде
Солдат перекопал, как крот,

От Волги и до самой Эльбы,
Куда он всё-таки дошёл.
И аромат цветущей вербы
Смрад одолел — сгорел весь тол.

Всего шесть букв, а сколько смысла
Для всех навеки россиян.
И, что у Гитлера не вышло,
Пусть помнят недруги всех стран.

Я не был на войне...

Я опоздал родиться,
Чтоб испытать себя.
Война — из тех «традиций»,
Чем пробует судьба

На правильность, на твёрдость —
На качества души.
Испытывают гордость,
Кто Родине служил,

Кто кровью цвета флага
Полил поля страны,
Чьим мужеству, отваге
Завидуют сыны.

Но хоть в мечтах порою
Штурмую я Берлин,
Не стал бы я судьбою
Меняться, если б джинн

Иль бес какой-то, скажем,
Вдруг это предложил.
Хоть знать, что ты отважен,
Что ты исполнен сил

Сражаться за Отчизну
И даже умереть,
Хотелось бы. А в жизни
Обычной не сумеешь

Себя, увы, проверить.
Но всё же поищу
Себе тест в мирной эре.
На рок я не ропщу,

Что не послал особых
Военных передряг
На век мой хрупкий; чтобы
Превозмогая страх,

Доказывал я людям,
Доказывал себе,
Что вот я не иуда,
Что я не оробел.

В День Победы

Умыты улицы дождём,
И, как медаль, сияет солнце.
Своим салютом вешний гром
Расширил синий окоём —
Вновь май ликует и смеётся.

В завалах времени война
Навеки, дай Бог, опочила.
От грома грохота она
Не пробудилась бы от сна:
Май не выносит гарь тротила.

Пусть лучше уж гремит гроза,
И град, как пули, барабанит.
Коль затуманит вдруг глаза —
Пусть будет счастья то слеза.
И пусть любовь лишь сердце ранит!

Из цикла «Люди и оружие Победы»

Уральский ответ

Тринитротолуол и порох
Уродуют цветущий май.
И танки прут, как будто в шорах!
Комбат твердит нам: «Не замай!

Дай подойти на триста метров —
Наверняка должны попасть.
...Чтоб исключить влиянье ветра,
Чтоб целить «Тигру» прямо в пасть...»

И где он зев нашёл у танка?
И целюсь я в пятнистый бок.
Взяла б фашистов лихоманка,
И навсегда б оставил Бог!

Почти любой шваб в вере истов.
На пряжке даже — «Gott mit uns!»
Но всё ж мы выкурим танкистов.
Для них «ЗиС-3»* — как будто скунс.

...Вот перекрестие прицела
Совпало с бортовым крестом.
«Пли! Выстрел!» И в цель полетела
Болванка. Промах в целый «дом» —

Такую роскошь не позволю.
И загорелся клятый «Тигр»!
При мне не погуляешь вволю...
Вот истины чудесный миг!

*Марка 76-мм дивизионной пушки образца 1942 года.

Рассказ наводчика-«противотанкиста»

Могучий танк «КВ-1»
Упорно траками ступает.
В броню закован исполин
И пушек лай не замечает.

Идёт вперёд — на запад! — он.
Враги бегут от страшной силы.
А танк ведёт по ним огонь.
Неудержимее Аттилы

Невиданный доселе монстр.
Бьёт пушка и три пулемёта.
А впереди чрез речку мост.
Его не может взять пехота.

Хоть танк под маркою «КВ»
Сомнёт противника заслоны;
Но пятидесятитонный вес
Проломит мост, и танк утонет.

Поэтому пошла в обход
Машина, извергая пламя.
Река форсирована вброд —
Ещё один плацдарм за нами.

И снова давит, как клопов,
Наш танк презренных оккупантов.
Его не удержал и ров...
И земляки провидца Канта

Бегут шакалами от льва.

И Panzerwagen* их бессилён.
(А есть к тому ж и «КВ-2» —
Они ещё и финнов били.)

Прорвавшись в тыл, «КВ» крушит
Врагов направо и налево.
И вот уже село горит
От извержений пушки зева.

Танк превращает всё в утиль —
Вокруг руины, пепелища...
А он идёт, вздымая пыль,
И в красной краске крови днище.

Был заключённым Петляков —
Трудился день и ночь,
Чтоб стать свободным от оков,
Увидеть сына, дочь.

В «шараге» бериевской он —
В КВ — не лес валил.
Хоть зэк, как прежде, увлечён —
И мыслил и творил.

Он делал новый самолёт,
Какого нет нигде:
«Народа враг» суть патриот,
А скоро быть беде.

*Танк (нем.).

Сгущались тучи над страной:
Пылало «за бугром».
И смрадно пахло уж войной —
Пришла, стучится в дом.

...Отличным вышел самолёт —
Изящным, скоростным.
Мог совершать он свой полёт
С мотором и одним.

Поднять он мог до тонны бомб.
А сзади — пулемёт.
Но взять его нельзя и в лоб:
Стреляют два вперёд.

Но если «с брюха» «мессершмитт»
Зайдёт на самолёт,
То тоже будет вмиг подбит:
И снизу — пулемёт.

Мог делать петли «Петляков»,
Что «бомберам» слабо.
«Пе-2» освоить мог легко
Учлёт почти любой.

Быстрее всех «юнкерсов» летал —
Почти как «мессершмитт».
«Пе» — дорог золотник, хоть мал —
Летавший подтвердит.

Пусть «пешкой» лётсостав и звал
Небрежно самолёт,
В бою ж «фигурой» «Пе» бывал,
И то ценил пилот.

И всю войну крушил врагов
Надёжный бомбовоз.
Но до Победы Петляков
Не дожил — жаль до слёз.

Погиб. Разбился... Пережил
Творца аэроплан.
Конструктор в самолёт вложил
И душу, и талант.

Не загорись тогда мотор —
Он многое б успел.
...Прошло немало лет с тех пор.
Нет больше марки «Пе».

Другие «бомберы» ревут,
Взлетая с полосы.
Овеществлённый тяжкий труд
В бессонные часы!

Таран

Истратив весь боезапас,
Пилот повёл свой верный «ЛаГГ»
Навстречу «мессеру», и ас
«Люфтваффе» дрогнул. Ушлый враг

Уйти пытался в облака.
Но не сбежал. Его комэск
Настиг — не дрогнула рука.
Раздался в небе страшный треск.

Смешавшись, дерево, дюраль
Упали несуразно вниз.
И вздрогнула от взрыва даль!
...Пилот на шёлке строп повис.

Его норд-вест отнёс к своим.
И пехотинцы, видя бой,
Стояли, каски сняв, над ним:
Их с неба прикрывал герой.

Пред ранами бессилён бинт...
И долго виден был окрест
Над холмиком воздушный винт,
А не звезда иль скорбный крест.

...С тех пор прошло немало лет.
Уже могилу не найти.
Но в памяти остался след —
«ЛаГГ-3» в бессмертие летит.

«Чёрная смерть»

Штурмовик, закованный в броню,
Для фашистов — горнее проклятье.
Ангелом, оставив вышину,
Он в своём стальном прочнейшем платье,

Извергая на врагов огонь,
Божьей карою несёт погибель.
Как Ахилл неуязвимый, он
Сделан на Урале иль «Машсибе».

Panzerwagen с крупновской бронёй —
Мощный «тигр» — не выдержит удара.
...Снова рвутся самолёты в бой.
На колонну-цель заходит пара.

И из бомболюков, словно град,
Сыплются десятки страшных ПТАБов.
Оккупанты повернут назад.
Видно, что им врезали неслабо.

...Сорок тысяч выпущено их.
Что ещё сравнится с нашим «Илом»?!
Смерть врагам нёс, знаем мы из книг,
Воином небесным Михаилом.

Бегущий по волнам

«Г-5» — наш торпедный катер.
Он несётся над водой
И макушки волн лохматит,
Пеной брызгая седой.

На редане (выступ в днище),
Нос от гордости задрал —
Всё же оборотов тыщи
Делает в минуту вал, —

Все суда опережая,
Он (от страсти чуть дрожа,
Будто быстрая борзая),
Воплощенье чертежа,

По прямой вперёд стремится.
В море долго тает след,
Водоплавающей птицей
Хочет он с воды взлететь.

Из цикла коротких рассказов «Про войну»

Бочки, большая бомба и Бог

Как-то разговорились мы с соседкой о военных событиях в Козельске. И припомнила Лидия Подобедова несколько интереснейших случаев.

Родилась Лидия Сергеевна в самом конце 1937 года в нашем райцентре, где и жила долгие годы, пока не переехала в Сосенский. В военное лихолетье Лида была ещё совсем маленькой девочкой, но драматические события так врезались в детскую память, что сохранились навек.

Разорванная ткань небес

Лидия Сергеевна помнит, как их семья вместе с соседями прятались от авиационных налётов в погребе. В импровизированном бомбоубежище было тесно, сыро, очень душно и страшно. Замкнутость пространства усугублял ужас от бомбардировок. Тяжелогружённые самолёты ревели угрожающе-надсадно. Звук их моторов, проникая даже под землю, леденил сердца. Ещё хуже была душераздирающая какофония падающих с неба бомб. Как сейчас предполагает Лидия Сергеевна, для деморализации населения и войск немцы применяли специальные устройства, издающие ужасающий шум. И мой дедушка-фронтовик Александр Васильевич Голотин рассказывал то же самое: в начале войны лётчики «люфтваффе» устанавливали на «лапотниках» — пикирующих бомбардировщиках «Ju-87» - сирены, которые в момент атаки истошно завывали. Более того, они также сбрасывали с самолётов пустые металлические бочки. Специально продырявленная бочкотара издавала мерзкий, изматывающий вой. Это продолжалось

до тех пор, пока немцам «не дали по шапке». Тогда нацистам стало уже не до психического воздействия.

...И Бог помог

Но особенно любопытен и примечателен следующий эпизод. В те времена в Козельске жило немало монахов и монахинь из разорённых советской властью Оптинской и Шамординской обителей. Их маленькое общежитие образовалось и на улице Куйбышева в доме №2, что стоит на стыке с улицей Ордженикидзе. Там постоянно жили несколько инокинь и старик монах. К ним, кстати, постоянно приезжали гости духовного содержания.

Во время нередких бомбардировок женщины прятались, по-видимому, в погребе, а у ветхого дедушки, скорее всего, не было сил спастись от бомб антихриста и ему оставалось лишь всецело полагаться на промысел Божий. Молитвы и святость старца были, наверное, по достоинству оценены Господом. Однажды, когда фашистские стервятники, очевидно, бомбили железнодорожную станцию, рядом с избой разорвалась мощная авиабомба. Взрывной волной дом раскатило по брёвнышку и полностью снесло в лежащий рядом глубокий овраг. (На эту впечатляющую своими размерами промину, теперь изрядно засыпанную бытовыми отходами, и нынче трудно не обратить внимание.) И что вы думаете?! Все жильцы остались целы! Прямо-таки мистическое событие! Ну ладно, монашек, как первых «катакомбных» христиан, спасло подземелье, но ведь старец-то остался дома на русской печке. И оказался — представьте только! — как сказочный Емеля на печи в чистом поле. Что сохранило монаха — страстное обращение к Спасителю или основательное отопительное сооружение с его прочной трубой? Пожалуй, без чуда всё же не обошлось! А вы как думаете?

А Лида со своими подружками ещё долго находила

в овраге среди остатков размётанной взрывом избы иконки и какие-никакие деньги.

Мимикрия

Мимикрия — подражательство окружающему, вызванное инстинктом самосохранения. Это явление широко распространено во флоре и фауне. А человек тоже — часть живого...

Эту драматическую историю мне в начале 80-х рассказала одна козельчанка, имя которой за давностью лет память не сохранила. Муж этой женщины до войны работал школьным учителем, был членом ВКП(б). На фронте он воевал в должности младшего политрука. Оказавшись в одном из многочисленных «котлов» начала войны, попал в плен. Зная, что немцы сразу же расстреливают комиссаров, он, выходя из окружения, переоделся в форму рядового бойца. Но, как в том анекдоте, «куда умище-то деть?». Дело в том, что, несмотря на действительное существование явления, названного «массовый героизм», наличие которого доказывает количество вручённых наград, среди наших соотечественников, к сожалению, было и немало людей низких — малодушных и предателей. Так что, находясь в немецком концлагере, и своим открыться было опасно. И пришлось образованному, интеллектуальному человеку «валить ваньку», «косить» под «малокультурные массы». Чтобы выжить, пришлось вести себя как забитому и тёмному сталинскому колхознику. Это касалось всего — лексикки, тем разговоров, поведения, внешнего вида. Так, он не ел, а жрал, не говорил, а матерился...

Изменив «форму», пленный всё же собирался сохранить своё «содержание», свою душу. И сделать это было нелегко — приходилось постоянно, ежесекундно следить за самой собой и подлаживаться под окружение. Но играя в этой многолетней трагедии, козельчанин проявил незаурядные актёрские способности. Не

было аплодисментов и цветов, и даже невольные участники спектакля и его зрители не подозревали о своих ролях. Но награда всё же была, и она оказалась куда более значительной, чем обычные атрибуты театрального поклонения. Название ей — жизнь.

После освобождения из плена и тщательной проверки бывший политический руководитель, «запятнавший себя» пленением, всё же смог вернуться к своей основной, мирной профессии — сеятеля разумного, доброго, вечного... А осудить его за вынужденное при творство способен, думается, лишь человек поверхностный, видевший войну только через окно телевизора.

Блокадные были

Если у вас есть потребность соперничать, сочувствовать, соболезновать, не тратьте время на просмотр заморских «мыльных опер», где сюжеты высосаны из пальца, коллизии надуманы, а чувства фальшивы. Прочитайте, ежели, конечно, до сих пор не знакомы с этим особенным произведением, «Блокадную книгу» А. Адамовича и Д. Гранина. Это произведение было издано еще в «эпоху застоя», когда подобная нелакированная правда не очень-то приветствовалась властями предрежущими.

Мне же хочется поведать о двух эпизодах той страшной жизни в осаждённом врагом Ленинграде, которые, если бы они были известны авторам, вполне могли бы войти в их трагическое повествование.

Два события, два случая подлости и благородства, эгоизма и жертвенности, низости и великодушия, которые всегда полярно проявляются в годину страшных испытаний. Это же, пусть не так контрастно, не так выпукло, можно наблюдать порой и в наше нелёгкое время. Но что оно по сравнению с тем, что выпало на долю наших соотечественников в то военное лихолетье?!

Людоедка

Первую историю мне поведал Шитик (это фамилия такая), инженер-строитель из Питера, мой бывший коллега.

Дело было зимой, поздним вечером. Родственница Паши если мне не изменяет память, это была его тётка, тогда ещё совсем молоденькая девушка возвращалась с работы. Прислонясь к гранитной стене здания, у неё на пути стояла измождённая, ветхая старушка. Бабушка еле слышным голосом попросила о помощи: «Милая, помоги мне дойти до дому, сил нет...» И хотя девчушка тоже еле передвигала ноги после 12-часовой смены, она не отказала в помощи бабушке. Такие они — истые, кондовые, коренные питерцы!

...Наконец, они вошли в тёмное гулкое парадное казавшегося пустым дома. С превеликим трудом стали подниматься по ступенькам, покрытым скользкой изморозью. Девушка, поддерживая хлипкую бабушку под руку, помогала ей одолевать уклон лестницы. И вдруг!.. Она почувствовала резкую боль в боку. Инстинктивно отпрянув от коварной спутницы, сердобольная девушка поняла, что бабушка — «божий одуванчик» пырнула её ножом. Но толстое зимнее пальто на ватной подкладке и множество поддёвок, позволяющих в лютые морозы сохранять тепло измождённого тела; и слабость руки немощной взыправдашной Бабы-Яги не позволили свершиться смертоубийству.

Старушенция хотела порешить девушку, чтобы затем сожрать те немногие килограммы сухой плоти, что ещё были на скелете её провожатой. А может быть, не о себе пеклась преступница, а об умирающих детях и внуках. Бог весть!

И вдруг бабушка заплакала. Но это были слезы не раскаяния, а бессилия, сожаления, что последняя дикая попытка выжить потерпела неудачу — теперь она, скорей всего, замёрзнет здесь же, на обледеневших сту-

пеньках вымершего дома. Поняв это, и даже не прокляв людоедку, девушка ушла, зажимая сочившуюся тёплой кровью рану.

И нам проклинать надо в первую очередь не каннибалов того времени, а тех выродков, что довели людей до такого страшного состояния.

Подвиг любви

Второй эпизод из бытия умирающего от голода и холода, но не сдавшегося города-героя я услышал от одного из моих институтских преподавателей. Это произошло с его родителями.

Как известно, по «дороге жизни» через Ладожское озеро шло какое-никакое снабжение Ленинграда продовольствием и боеприпасами. Между Питером и «большой землей» действовал и воздушный мост. Обратным рейсом вывозили самых слабых, обессиленных людей. Такими, как это ни покажется парадоксальным, оказались самые крепкие в мирное время мужики. А больше всего сил при равных условиях оставалось у женщин среднего, детородного возраста. Природа знает, кого надо сохранять! Кстати, и в настоящее тяжёлое время мужчины по статистике два-три года не доживают даже до пенсионного возраста, а женщины лет на десять живут дольше, хотя и это, конечно, не век человека.

Итак, появилась возможность эвакуации умирающего от истощения отца семейства. Было предоставлено место в самолёте. Только лишь одно место! Родные вынужденно разлучались. Но проблема, конечно же, была не в том. Стоял вопрос жизни и смерти — буквально! Как доставить обессиленного представителя сильного пола (вот такой, увы, горький каламбур) до аэродрома? Ведь городской транспорт бездействовал. Тогда (как, наверное, знаете из кинохроники) грузы, слабых людей транспортировали исключительно на дет-

ских саночках. И отца предстояло везти через весь медленно и мучительно вымирающий город на обыкновенных салазках. Но мать не могла осилить транспортировку даже мало весящего дистрофика, потому что сама была доходягой — необходимо было нанять более крепкого человека. Универсальной валютой в блокированном городе был хлеб.

Какими правдами или неправдами она достала буханку хлеба и полплитки шоколада (?!) не знает никто, даже рассказчик. И это уже был поступок! А то, что голодная, смертельно голодная женщина сама не покусилась (в буквальном смысле) на это скопище вкуса и килокалорий, было уже подвигом. Подвигом самопожертвования.

Не стану описывать многочасовую перевозку тела с еле тлеющими угольками жизни через наледи и сугробы улиц города-призрака: мне не хватит способностей передать бессилие и волю, отчаяние и решимость. Но я будто вижу этих похожих на тени людей, их стиснутые зубы и слезы, замерзающие на впалых щеках.

Полуживой человек всё же был доставлен до границы аэродрома. Но на взлётную полосу «транспорт», видимо, не пускали, и предстояло идти. Идти! Идти человеку, который умирал, который много часов провёл скрюченным на морозе на коротких и узких санках, который много дней не ел! Как?!

Вот для чего понадобился шоколад! Всё было, оказывается, тонко и умно продумано! Вот где опять (в который раз!) проявилась смекалка русского человека, русское хитроумие.

Жена отходила на несколько шагов и манила мужа, как ребёнка, кусочком деликатеса. Пройдя это расстояние, спасаемый получал его в награду. Шоколад закончился раньше, чем был преодолен путь до самолёта, но тут помогли лётчики. Так был спасён отец рассказчика. Так было в который уже раз явлено величие человечес-

кой души. На таких людях, как эта женщина, имя которой я, увы, не знаю (как-то неловко было спросить), и держится наш ветхий и несовершенный мир.

Исполать вам, добрые, бескорыстные, самоотверженные люди, люди огромного сердца!

Жизнь – в яйце

И ещё маленький эпизодик блокады, случай чуть ли не анекдотичный, рассказанный тем же моим преподавателем.

В одном из лучших ленинградских госпиталей лежал некий маститый учёный, который был крайне истощён. А надо сказать, что перед войной этот профессор подсчитал, что питательных веществ, содержащихся в одном курином яйце, хватит для поддержания жизни взрослого человека в течение суток. В нашей стране после революции, как правило, всегда ощущалась нехватка продовольствия, вот коммунистическая партия и советское правительство и сделали соответствующий «научный» заказ. А не выполнить его было нельзя. Гриб-масы судьбы! В этом госпитале помимо 125 граммов псевдохлеба ещё давали жиденский супец и... яйцо. То самое пресловутое «расчётное» яйцо! И что вы думаете? Учёный на себе понял, как далека порой бывает чистая теория от «грязной» практики. В оправдание научных построений и справедливости ради всё же от себя замечу, что помещения лечебницы почти не отапливались, а зимой лютовали морозы, безжалостно отбирающие жизненную энергию.

Понты пана

Дело было в Польше. Наши бойцы остановились на привал у одного из хуторов. Подоспела полевая кухня. Повеселели солдаты. Пошли шутки-прибаутки, и вот уже то здесь, то там слышатся взрывы смеха. На весе-

лье подошёл абориген, то бишь местный житель: как же, интересно — «эти самые русские...»

Нашим тоже было интересно пообщаться с «братом-славянином». Завязался разговор — языки схожи — понять друг друга при желании можно. Но мирного диалога, к сожалению, не получилось. Хуторянин постепенно стал хаять советскую власть, социализм, превознося преимущества альтернативного строя и частнособственнического способа ведения хозяйства. Может быть, в душе русские ребята и были согласны с ним, но уж очень обидно, когда чужак безапелляционно ругает твою мать. Родину. По-этому поводу ещё Пушкин высказывался, мол, я сам крайне не доволен Отчизной, поношу её, но никогда не позволю это делать иностранцу.

Так вот, «кулак» всё больше входит в раж, а одолеть его в споре трудно, так как больно чётко аргументирует свои нападки дошлый поляк. Договорился уже до того, что вот, мол, вы едите чёрный чёрствый хлеб, а я — белый, ситный. Что тут скажешь — и это правда!

Но по счастью на усиливающийся шум политико-экономического спора подошёл один сержант-здоровяк — этакий русский богатырь. Этот парень оказался не только могучим, но и умным, находчивым. Тут же «въехав» в суть горячей дискуссии, он обратился к оппоненту с приветствием: «У нас, пан, принято вначале здороваться — и за руку!». И протянул спорщику свою здоровенную длань. Немаленькая ладонь трудяги-крестьянина оказалась погребённой в сжавшемся кулаке. П слышался хруст сочленений — поляк взвыл, «заплясал» на месте, а потом долго не мог разомкнуть «склеившиеся» пальцы. «Вот так, пан, — подытожил наглядный, вернее сказать, прочувствованный урок советский сержант, — ты ешь хлеб белый, а я ем — чёрный! Будь здоров!»

Весть о таком убедительном доказательстве нашей

исторической правоты дошла до ушей политруководства части, и самодеятельный, неформальный пропагандист был достойно награждён.

Война и язык

Прочитав заголовок, вы, скорее всего, подумали, что речь пойдёт о подвигах советских разведчиков, дерзко пленяющих немцев. На самом деле, мне хочется рассказать вам о роли того «великого и могучего», что необходим и на фронте.

Говоря о роли языка, наш школьный учитель-словесник Владимир Терешенков как-то рассказал классу о поучительном случае. В годы войны он, будучи достаточно грамотным, служил при штабе дивизии. Одной из обязанностей писаря являлось написание представлений к наградам. Статут ордена или медали определяет вилку, в пределах которой даётся сия награда. Так что от того, КАК будет описан подвиг, зависит то, что сможет получить на грудь отличившийся. Благодаря яркости, красочности, сочности и экспрессии изложения можно и «заставить» читающего представление военачальника пересечь ту незримую и порой трудно определимую черту, отделяющую менее ценную награду от более значимой. И непринуждённое владение Владимиром Алексеевичем родным языком, мастерство формулировок всегда предоставляло однополчанам возможность получить награду по максимуму. Правда, однажды «сбой» всё же произошёл. И «писарчуку» было досадно вдвойне от того, что он не смог потрафить своему лучшему другу. Вместо «планируемого» ордена тот получил только лишь медаль. Но, думается, что невеста бойца была, как поётся в известной песне, «в крайнем случае, согласна на медаль»...

Валерий ЦВЕТКОВ.

Земля, ты помнишь!

Земля, ты помнишь грохоты боёв!
Как много тяжких ран тебе досталось!
Жива в душе потеря всех сынов,
Которых ты тогда недосчиталась.
Народ, ты помнишь слезы матерей,
Сироток наших грустные глазёнки,
И ожиданье фронтовых вестей,
И женский крик при виде похоронки!
Страна, ты помнишь, это знаю я,
Ведь забывать ты не имеешь права.
Не канет в Лету эта боль твоя,
Какую в полной мере испытала.
Не раз к тебе подкатывался враг,
Чтоб сокрушить, унижить твою волю,
Чтоб русский мирный растоптать очаг,
Чтобы зашласть от нестерпимой боли.
Но знаю, память у тебя крепка,
Раз этот ад ты вынести сумела.
Русь, отстоим тебя на все века:
Хранить тебя — святое наше дело.

Мать солдата

У холмика сырого
Стоит седая мать.
Ей лет, быть может, сорок,
А может, сорок пять.
Но горе ведь не красит,

В народе говорят.
И согнутые плечи
От плача задрожат.
Ушел сынок красивый,
Здоровый, молодой.
Ушёл и не вернулся,
Не жди его домой.
Сложил он свою голову,
На поприще беды.
Сложил он свою голову
Одна осталась ты.
Уж дома не раздастся
Его веселый смех,
Не зазвучит гитара
Не позабавит всех.
И под его ударом
Не затрещит бревно,
Колодезной водицы
Не принесет ведро.
Ну, что тебе досталось,
Седая в горе мать?!
Без сына ты осталась
Кто сможет боль унять.

У холмика сырого
Седая мать стоит.
И своему сыночку
О жизни говорит...

Светлана ШУБЕРТ.

Гордость отцов...

Пилотка

Выгоревшая. Полинявшая.
Пробитая пулей вражеской.
На голове у мальчишки
Простая пилотка солдатская.
В ней под дождем и солнцем
Отец до Берлина дошел.
Мальчишка в пилотке смеется —
Жить ему хорошо!
Пилотку ребята соседские
Меряют на пять голов.
И светятся лица детские
Гордостью за отцов.

Гармонист

Был он яростный и гордый.
Был неистов и плечист.
Из трехрядки сто аккордов
Извлекал наш гармонист.
Ярче звезд сияли девки.
Бойко правили платки.
Шутки. Семечки. Припевки.
Туфли. Боты. Лапотки.
Вот оно — людское счастье!
Тут уж, верьте, не до сна.
... Расколотся мир на части:
Утром грянула война.

За околицей волнисто
Наливалась хлебом рожь.
Провожали гармониста —
Хромка всех бросала вдрожь.
Взвод лежал, усыпан снегом
И лавиною свинца.
Бил в упор фашист со смехом
Из бетонного кольца.
Взвод вставал и снова падал,
Каждым нервом чуя смерть,

Словно ДОТ сошел из ада
Гибель русских посмотреть.
И уже, казалось, нечем
Выжить, выйти из огня...
Только вдруг под самый вечер
Хромка выплыла, звеня.
Заиграла вдруг тальянка
Про родные берега,
И рванулась «Варшавянка»
Полным ростом на врага.
Захлебнулся шквал свинцовый,
Как затих девятый вал.
... Только вдруг в снегу пунцовом
Гармонист поник. Упал.
И раздался стон печальный.
И заплакали басы,
Словно — горло от отчаяния
Острым лезвием косы...

... И по-своему закону
Дед его в седую мглу
Ту гармошку, как икону,
В красном выставил углу.

«Жди, мама...»

Парнишке оторвало ноги.
Война несла беду. В бреду
Шептал он, лежа у дороги:
– Жди, мама, я к тебе приду...
Мать утром, стоя на пороге,
В тревоге вытерла глаза:
– Сынок, не промочил бы ноги,
– Такая выпала роса...

... А трава вдруг стала красной.
Солнце – черным. Не понять.
Он на миг представил ясно:
Рядом с ним стояла мать.
– Что улется ты напрасно?
Сено надо убирать.
Ну, вставай скорей, мой ясный!
Тебе рано умирать.
Солнце черное погасло.
И травинки не видать.
...Хлеб ржаной намазав маслом,
Взяв косу, уходит мать...

Мост

Льется, льется лавой свинец.
Бьется, бьется импульс сердец.
Вьется, вьется лентой река.
Рвется, рвется стяг в облака.
Взрывом распахнут – повис мост.
Трудно под пулями стать в рост.
В берег влипли обломки – торчат.
Шаг до смерти – рывок плеча.

Камни молчат. Не расскажет Угра,
Как эти парни кричали: ур-ра!..
Как поднимались в атаку — вперед!
... Шел им тогда девятнадцатый год

Прости, солдат...

Подонков видно за версту.
Что делать с их умом горбатым?
Сорвали медную звезду
С могилы воина-солдата.

Дрожали руки. Мутный взгляд
Хмельная мучила истома.
Звезду твою, простой солдат,
За мелочь сдали в грудку лома.

А ты в атаку вел ребят,
Когда в санбат несли комбата.
Тебя обидели, солдат?
Мы все, наверно, виноваты.

Ум помутился? Спутал бес?
Послать бы их — не хватит мата.
Но верю я: сойдет с небес
Звезда иль крест к тебе, солдату...

Минута молчания

Замрите!
Не надо большими речами!
Минуту молчания!
Минута молчания...
Памяти
Прошлого вскрыть
Обнаженно дайте.

Дань в Майданеке
Людам сожженным —
Встаньте!
Стал устало
В долгу неоплаченном
Данте.
Ад взорвался
От женского плача —
Гляньте!
Мама!
Мне спать не дают
По ночам
Раны.
Рано —
К чему это? —
Понял печаль,
Рано.
Рад бы
Забыть то, чего не видал.
Странно?
Страшно,
Когда убивает беда
Страны.
Вдовы России,
Вас выдают ваши лица.
Взоры суровые павших —
А вдруг повторится?
Птицей
Летит над дорогами смерть -
Снится.
Траурным ситцем по небу:
Не смей! Скрыться!
Милая!
Как ты сегодня тиха.
Неповторима.
Мимо

Уходят осколки стиха.
Мина?
«Мира», — ты шепчешь,
Губами согрев
Сына.
Сны угасают,
В подушке сгорев,
Стынут...

Виктор КРИВЦОВ.

Дети войны...

В последнее время о них стали чуть больше говорить, чуть больше писать. Наверное, потому, что 60-летие Великой Победы и еще потому, что и они уходят из жизни, унося с собой свое военное детство, расставаясь с настоящим и с прошлым. Особенно с памятным военным временем, на которое и пришлось их детство, а было тогдашним подросткам по 12 - 13 лет, хотя сами себя они чувствовали почти взрослыми. О некоторых моментах их жизни я и хочу рассказать.

1942 год. Наш район только что освобожден от фашистов. Я и мои сверстники учимся в 4 классе. Наша учительница Елизавета Степановна Попова (Кожура) с нами, 12-летними девочками и мальчишками, репетирует номера художественной самодеятельности. Родители удивляются: «Какие концерты? Где выступать?». А мы знаем, где. В двух километрах от поселка станция Слаговищи. Не было, пожалуй, и 10 минут, чтобы железнодорожная линия была свободна: по ней беспрерывно шли поезда. И вот на вокзале соорудили небольшую сцену, и мы выступаем с концертами перед бойцами, уезжавшими на фронт. Один состав, другой, третий... В минуты формирования состава вокзал бывал битком набит людьми. И мы, маленькие, взволнованные, поём песни, читаем стихи, танцуем. Никто из нас не стал потом настоящим артистом, но лица бойцов, их аплодисменты до сих пор помнит каждый из нас.

Бывало, во время концерта вдруг раздаётся команда «По вагонам!», и наши зрители уезжают на фронт. Но тут же на смену им в здание вокзала вваливается новая волна бойцов: «Что здесь делают дети?». А узнав,

просят: «А нам покажете концерт?». И мы вновь на сцене. Иногда в день давали по 3 - 4 концерта. Об этом хорошо помнят мои одноклассницы Лида Рожнова, Илия Прасолова, Кира Курец, Валя Аниконова, Нюра Генералова, Нина Бородина.

Нам строго-настрого запретили брать что-либо у бойцов. Да мы и сами не брали, почти у всех отцы были на фронте. Но однажды один из бойцов, садясь в вагон, крикнул: «Держите, ребята!» и что-то бросил. Валька Антонов, который всегда носил наш нехитрый реквизит, поймал брошенный кусок сахара. Поезд тронулся, а мы смотрели на этот большой, блестящий кусище. Учительница сказала: «Ищите камень». Тут же нашли увесистый кирпич, смахнули с него пыль, положили сахар, и учительница ударила по куску камешком поменьше. Сахар рассыпался на множество лакомых кусочков. Всем досталось, а Валька Антонов попросил: «Дайте мне кирпич» — и всю дорогу до дома облизывал сладкую поверхность, а потом сказал: «Возьму кирпич на память».

...Мы не воевали, но когда в поселке разместился госпиталь с ранеными фронтовиками, мы, дети, почти каждый день после уроков ходили ухаживать за ними в бывшее имение Оболенских. По просьбе бойцов писали письма, кормили с ложечки, читали сводки с фронта или просто разговаривали с ранеными. Приходила медсестра делать перевязку, просила подержать поднос с инструментами и обязательно приказывала: «Закрой глаза!». Иногда глаза сами собой открывались, и мы видели страшные окровавленные раны. До сих пор мы слышим стоны раненых и голос медсестры: «Кому сказала? Не смотри!».

А сколько госпитального белья перестирали женщины и девчонки поселка! Тогда не спрашивали согласия, а просто подъезжала к дому машина, бросали к крыльцу по полсотни рубаш, кальсон, простыней, поло-

тенец, ворох окровавленных бинтов и сверху один кусок мыла: «Стирай!». И мы стирали. Делали зольный раствор (щелок) и бучили бельё. На стиральной доске терли не только бельё, но и свои руки, кожа на них не успевала заживать от стирки до стирки. Гладить тоже не успевали, не хватало углей, поэтому бельё катали старинным способом. Теперь эти гладильные приспособления — рубель и каток — можно увидеть только в музее.

...Мы не воевали, но после уроков шли на колхозное поле собирать после жатвы колоски. Обуви не было, босыми ногами ступали по острому жнивью, собирали до зернышка в мешочки, и никто из нас не пытался съесть хоть одно. Каждый думал, что его отцу на фронте гораздо тяжелее. Теперь я уверена, что мы стали взрослыми с тех далеких времен, с 12 лет.

Я не воевала, но два памятных события в нашей семье запомнила на всю жизнь. Однажды, почти к вечеру, из лесу выехал всадник. Его хорошо было видно из дома, где мы жили, так как теперешняя Заречная улица тогда была просто футбольным полем. Я и мама стояли около дома и смотрели на подъезжающего. Он спросил, как добраться до деревни Волосово. Дорога тогда шла лесом, а незнакомым людям ориентироваться было трудно. Мама попыталась объяснить, но почувствовала, что отряд может заблудиться в лесу. И она послала меня проводить. Всадник посадил меня впереди себя, мы перебрались через речку, и отряд двинулся в глубину леса. Мы, довоенные мальчишки и девчонки, хорошо знали окрестные леса, куда постоянно ходили за грибами, ягодами. Когда я возвратилась, уже стемнело. Мама стояла у речки и почему-то часто поднимала руки к лицу. Оказывается, она плакала, беспокоясь обо мне. А я с радостью рассказала, как командир со звездочкой крепко, как взрослой, пожал мне руку.

А второй случай был более рискованный. Район был

оккупирован, и немцы наезжали в поселок с облавами, выискивая партизан. В лес не заходили, только постреляют в глубину и обходят по всем домам, заглядывали под кровати, в печку. Ближе к вечеру мы собрались топить плиту, и мама послала меня принести дров. Около сарая я увидела человека, который знаками подозвал к себе и спросил, есть ли в поселке фашисты. Их не было, и незнакомец вошел в дом. Затопили плиту, поставили варить картошку, а гость достал листок бумаги и стал спрашивать маму обо всем, что делается в округе. Начертил на листке какой-то план, долго смотрел на него, потом бросил листок в огонь. Вдруг на улице крик: «Облава!». Гость схватил телогрейку, сапоги, выскочил на улицу, а немцы вот-вот подойдут к дому. Тогда мама показала незнакомцу под дом, у которого в то время не было фундамента, он стоял на толстых чурбаках. Мужчина пролез в щель, почти засыпанную снегом, а мама схватила лопату, забросала лаз снегом. Насыпала снегу на крыльцо, велела мне потоптать его. И вот немцы. В этот раз, на наше счастье, они были без собак-ищеек, обрыскали поселок и часа через два сели в машину и уехали. Когда наш гость вылез из-под крыльца, он был весь заиндеветый, а сапоги примерзли к ногам. До войны у нас водились гуси, и в доме остался гусиный жир. Мы осторожно сняли с обмороженного сапоги и стали смазывать жиром лицо, руки, ноги. Напоили горячим молоком, и вскоре гость ушел. В том, что это был свой человек, скорее всего из партизан, мы не сомневались.

Я никогда не забывала эти моменты из жизни нашей семьи в годы войны. Когда вернулся с фронта мой отец Константин Егорович Соколов, мы рассказали ему об этом. Он вдруг стал очень серьезным, обнял троих своих детей и сказал: «Дорогие

мой, оказывается, и вы здесь тоже воевали, как и мы на фронте».

Да, мы воевали, но на трудовом фронте. Из района пришел приказ: мальчишек и девчонок 14 - 15 лет отправить в Сибирь в фабрично-заводские училища (ФЗУ). Как же отправить, когда отец на фронте, мать на работе, а в семье еще трое - четверо младших ребятишек? Выход нашел директор стекольного завода Сергей Федорович Цимбой. Он всех взял на завод, который тоже нуждался в рабочих руках. И вот бывшие семиклассники нашей школы — рабочие. Маленькие, тощенькие, они взяли в руки кто совок, чтобы носить пузырьки, кто лопаты — готовить шихту, кто стал учиться слесарить. Если до войны эти дети носили своим отцам обеды на завод, то теперь сами заняли их места. В суровые зимы 42-го - 43-го годов рабочими стали Рая Курец, Варя Истратова, Таня Одолевич, Луиза Соколова, Маруся Ольшевская, сестры Вера и Женя Манеровы и многие другие. Нелегко им было выстоять рабочую смену. Может быть, кто-то из них втихомолку и плакал, дую на обожжённые пальцы, на водяные мозоли, но никто их слез не видел. От усталости, от голода кружилась голова, ведь только печёная картофелина, поданная подругой, часто была единственной едой. Очень многие из детей военного времени так и остались работать на заводе, потому что не вернулись с фронта отцы, старшие братья, а надо было поднимать младших. Им не выпало счастливого детства. Они и после войны делали всё, чтобы восстановить разрушенное хозяйство.

Может ли кто-нибудь сказать, что дети военных лет стояли в стороне в минуту тяжелейших для страны испытаний? Война прокатилась по их судьбам. Как же сегодня складывается их жизнь? Труд

детей войны сейчас оценен государством в дополнительные 300 рублей к пенсии. Что можно купить на эти деньги? Кстати, большинство тружеников тыла в нашем поселке живёт в неблагоустроенных квартирах, в которых никогда не было капитального ремонта. Настанет ли то время, когда по-настоящему оценят труд детей военных лет? Надеюсь, такое время наступит. Но доживём ли мы до него?

В. ШУБАЕВА.

п. Стеклозавода.

**60 ЛЕТ
ПОБЕДЕ**

ВНУКИ

4-я школа г. Козельска

Бой

Над полем позёмка кружится
И скрывает собой колеи.
И солдаты, уставшие биться,
Дом родной вспоминают вдали...
И боец, коченея от стужи,
Глубоко вздыхает порой:
Снова «мессеры» скоро закружат,
Снова будет решительный бой.
Но знает он твёрдо, что нужно
Россию ему защищать,
А также, не падая духом,
За долг свой смелей воевать.
...И вот, суету оглушая,
Взлетел оружейный снаряд,
Фашистов безумная стая
На русских сорвалась ребят.
Сорвалась. И с гиканьем диким
Влетела, ломая их строй.
Кого испугают их крики?
За Родину — каждый герой.
Солдат наш бросается первым
На диких врагов батальон.
Но сдали и силы, и нервы,
И падает, раненный, он.
Пробитый немецкою пулей
К фашистам под ноги упал.
Но пули его не согнули
Не струсил. Не убежал...

Солдат, защищая Россию,
Навеки ушёл в мир иной.
Но помнит его мир спасённый
И помним его мы с тобой.
... А в поле белеет пороша,
На утреннем солнце блестит.
И мы повторить подвиг сможем,
Когда нам Отчизна велит!

Дмитрий ТОРШИН, 5 кл.

Ветерану

Цветёт сирень.
Уносит боль.
Который день
Не кончен бой.
Горит душа,
Она чиста:
За Русь борьба
И за Христа!
Живи, солдат!
В суровый год
Не для наград
Ты спас народ...

Юлия ЛЕЖНЕВА, 8 кл.

«Нет!» – войне

Война! Вдруг дрожь по коже...
Как слово это душу рвет!
Кто нас спасёт и кто поможет?
Кто слёзы с горем отведёт?
Война! Неужто это слово

Из жизни вычеркнуть нельзя?
Неужто будет править злоба?
Возьмёмся за руки, друзья!
Забудем зло,
Ведь жизнь — одна.
Так пусть без бед
Пройдёт она.

Лейла БИСАЕВА, 9 кл.

Дети Победы

Надежды, и слёзы, и беды
Россия смогла пережить.
Мы — дети Великой Победы,
И нас никому не сломить.

Лариса ФАТЕЕВА, 9 кл.

Мы помним

Они дошли до стен рейхстага —
Простой солдат и командир.
И немцы не были преградой
Для сильных, храбрых тех мужчин.
Они прорвались сквозь фашистов.
Они спасали Сталинград.
И дрались русские танкисты
Для жизни будущих ребят.
Победой кончилась война!
Прошли плохие те года.
Героев помним имена
И помнить будем их всегда...

*Светлана СОБЕННИКОВА, 8 кл. шк. №4 г.
Козельск*

Песнь о войне

*Видишь, там на холме,
Подснежник расцвёл голубой,
Склонился своей головой
До самой, до самой земли.
А рядом овраги и рвы,
То шрамы от смертной войны,
Следы которой, увы,
До сих пор повсюду видны.*

Когда я маленькой была, понять не могла, почему отмечают праздник Девятое Мая, что значит слово «война», для кого и кому она нужна, как можно убить человека, такого живого как ты, как я, как он и она.

Вот. Девятое мая и радостные звучат слова, что победила страна моя. Но победы цена была велика.

На День Победы несём мы цветы на братские могилы, где лежат бойцы. Пугают нас громадные плиты, на которых имена выбиты.

Клочок земли, и столько имён... Там ведь люди лежат! И всегда бросает в дрожь, если эта мысль в голове пролетит.

Я и гоню её прочь.

Они лежат не в один ряд и умерли все почти в один день. Их много умерло только здесь, у нас, а сколько повсюду таких вот громад.

За что умирали они, мы знаем. Но как их могли убивать такие же люди, такие же точно как и они?

Расскажи мне, дедушка, что помнишь ты о войне.

«Застала меня ребёнком война. Я был мальчишкой

совсем тогда. Я жил не здесь, я издалека. Великолукская область звалась родная моя земля. Мне было одиннадцать лет, когда объявили — война. Ушли мы в лес, ютились по четыре семьи в блиндажах.

Что помню я о тех временах? Как понял тогда то слово «война»?

Любопытные мы, дети, хотели все увидеть глазами своими. И что же?

На окраине леса лежали трупы. Я помню, женщина, она была чуть жива, она в крови вся была и на помощь звала. Всё в крови. Вся земля трупами человеческими усеяна. Вот что увидели мы тогда.

Война — ужаса глаза.

Фашисты не люди и не звери. Они как мелкие камни, летящие в цели. Они считали себя богами, а за то, что землю от других очищали, наверное, думали, что их засыплют похвалами.

Я видел смерть русских, я видел смерть евреев, которых за людей немцы вообще не считали.

Они их убивали, играя в героев. Загнали евреев битком на машину, отвезли на окраину леса, заставили копать для себя же могилу, а потом просто убили. Среди них были женщины, дети. Как могли они забыть, ведь у них тоже есть семьи, взять и убить.

Я плач слышал людей, в сараях живьём горящих, под шутки и смех нелюдей.

А ночи, жуткие военные ночи!

Самолеты, взрывы, крики, стрельба.

Земля от крови красна.

Вот что такое война. Никому не нужна она».

Мой седой старик замолчал и слезу смахнул с лица.

Больше не спрашивала я ничего. Всё прочитала в глазах я его: боль и страдания, смерть и рыдания, а для живых — горькие воспоминания.

Юлия ГАВРИКОВА, 11 кл. Волконская ср. шк.

Чудеса на дорогах войны...

*Чудеса на дорогах войны,
Многоскорбная русская доля...
Вечный зов Бородинского поля —
Чудеса на дорогах войны.
Воеводы Пречистой сыны —
В небеса воспарившие души...
Расскажу тебе, брат, — ты послушай!*
В. Закругкин «Матерь человеческая».

Есть разные книги: добрые, интересные, поучительные. Но есть книги, которые заставляют сопереживать и сострадать. Такие книги не забываются, они остаются в сердце на долгие годы, и их хочется перечитывать вновь и вновь.

Когда я прочитал повесть Виталия Закругкина «Матерь человеческая», я понял, что ничего подобного никогда ещё не читал. Я был потрясён и взволнован до глубины души.

Виталий Александрович Закругкин всю войну провёл на фронте. Прошли годы... И вот однажды он приехал по просьбе старого фронтового друга в древний прикарпатский город. Гуляя по парку, он заметил раскидистый клён, а у клёна была ниша, в которой стояло изваяние мадонны с младенцем на руках, у её ног лежали свежие, живые цветы.

Всмотревшись в каменное лицо мадонны, Закругкин вдруг вспомнил женщину. Однажды в годы войны их пути пересеклись, и спустя много лет он решил написать повесть о ней, о той женщине, которую звали Мария.

Шла война. Мария чудом осталась в живых. Её хутор сожгли немцы, а людей угнали в Германию. Долго

плакала Мария, перед глазами у неё пронеслась вся её жизнь, смерть мужа и малого сына, два дня назад повешенных немцами. Она поняла, что её горе только невидимая миру капля в той страшной, широкой реке людского горя, чёрной, озаренной пожарами реке, которая, затапливая берега, разливалась всё шире и шире. Река всё быстрее стремилась на восток, отдаляя от Марии то, чем она жила на этом свете все свои недолгие двадцать девять лет.

С детства она не верила в Бога. Зная, что там, в глубокой синеве осеннего неба, никто не услышит её горячей молитвы, никто ей не ответит и не поможет, она стала исступленно просить небо, чтобы ей была ниспослана смерть.

Она стояла одна посреди пепелища, холод и голод пронизывали её тело насквозь. Так молилась Мария неведомо кому, так выкрикала свою смерть. По её запылённым щекам текли слёзы. Но я думаю, что зря она не верила в Бога. Ведь Бог посылает столько испытаний, сколько человек может выдержать. Бог видел, как она страдает, как ей тяжело. Ведь она была беременна, и Бог не мог позволить ей не дать жизни маленькому человеку, который жил в ней.

В конце концов мысли о не рожденном ребёнке, о том, что она мать и обязана уберечь его, ведь он связывал её с погибшими мужем и сыном, отогнали желание смерти. Она решила, что надо выжить.

Как могла, она устраивала свою жизнь, соорудила себе жилище. Живя в нечеловеческих условиях, Мария, как истинная колхозница, убирала урожай с колхозных полей. Мария приютила и обогрела случайно найденных детдомовских детей... Похоронила всех погибших солдат. Зачем? Она не умела по-другому жить. Своего сына она родила сама, всё сделала как могла. Ребёнок родился живой и здоровый. И теперь, когда рядом с ней лежал её сын, она поняла, что в этом зак-

лючается вся её жизнь. Ни смерть, ни огонь, ни раны изуродованной войной земли не могли остановить жизнь...

И вот однажды мимо того хутора передвигался полк, в котором служил Виталий Закруткин. Военные увидели Марию с младенцем на руках. Командир сошёл с коня, подошёл к ней, пристально посмотрел в глаза, опустился перед ней на колени и молча прижался щекой к её безвольно опущенной маленькой жесткой руке.

Когда я читал эту повесть, моё сердце сжималось от боли. Как могла такая хрупкая женщина вынести столько испытаний, как могла справиться с ними?

Я был поражён мужеством Марии, её самообладанием, стремлением выжить и принести пользу. Она преодолела всё, даже самую смерть. Мне кажется, что эта повесть не может оставить равнодушным никого.

Таких, как Мария, у нас на земле великое множество, и придёт время, когда люди воздадут им должное.

Я верю, придёт такое время, когда исчезнут войны на земле, не будет жестокости, лжи и насилия. Все люди будут любить друг друга. Не будет ни бедных, ни богатых. Люди не будут знать ни угнетения, ни голода, ни унижающей человека нищеты. Все обретут радость, счастье и мир.

Я верю, так будет!

Повесть Виталия Закруткина «Матерь человеческая» очень дорога моему сердцу. Это гимн женщине, матери — прекрасному символу жизни и бессмертия рода человеческого.

*Евгений ЗДАНОВИЧ,
7 кл., ср. шк. № 3.
г. Козельск.*

Дни великих испытаний

Июнь 1941-го. Первые дни войны. На западе войска Красной Армии ведут ожесточенные бои с полчищами фашистов. Не дожидаясь повесток, мужчины призывного возраста, а вместе с ними и юноши, и давно снятые с воинского учета старики требуют отправки на фронт. Анастасия Ивановна Маркина (в то время Галаева), 1920 года рождения, вспоминает: «Работала я на механическом заводе в Тупике, грузили пиломатериалы. Вместе с нами были поляки, что жили в Оптине. Когда началась война, меня перестали отпускать домой. Отца забрали на фронт, а детей в нашей семье было девятеро. На мехзаводе увидели колонну солдат, девчата закричали: «Настя, твой отец!». Вместе с отцом дошла до вокзала в Козельске. Отца направили в учебную школу за вокзалом, а я побежала назад. Больше его я уже никогда не видела. Потом меня хотели эвакуировать в глубокий тыл на завод, но оставили у матери, потому что в семье было много маленьких детей. На выходные стали отпускать домой, но тут пришел немец в Прыски, и на работу я больше не выходила...».

Стратегически важным шагом для гитлеровского командования был захват советской столицы, который планировалось завершить к 7 ноября. Фашистские войска продвигались и через Калужскую область. В сентябре самолёты врага начали совершать налёты на железнодорожную станцию и мосты в Козельске. В городе появились беженцы из близлежащих западных городов, скопилось много эвакуированных. Вспоминает учительница Нижнепрысковской школы Тамара Владимировна Александрова (Галыгина): «Когда началась война, мне

было 12 лет. Наша семья жила в Смоленской области. Так получилось, что мама в это время ездила к своим родителям в село Нижние Прыски Козельского района. Дома оставались мы с младшим братом и отец (он работал агрономом). Узнав о начале войны, мама вернулась и забрала с собой младшего брата, оставив меня. С первых дней войны отец ушёл на фронт, я осталась дома одна. В ту пору у нас создавались пионерские посты по охране порядка. Мы, школьники, группами ходили вдоль дороги, высматривая диверсантов. Потом за мной вернулась мама. Нам предстоял путь из Смоленска через Вязьму на Сухиничи. Эта поездка навсегда останется в моей памяти как тяжелый кошмар.

В окрестностях Смоленска разворачивалось сражение. Вокзалы забиты людьми: толпы эвакуированных, давка, крики. Поезд то и дело останавливался. Доехав до какой-либо станции, наш поезд внезапно поворачивал обратно. Так повторялось не один раз. Приехав в Вязьму, мы не узнали город. Вокзал разрушен, цела только палатка. Память сохранила рисунок на ней — череп, пронзённый стрелой. Появилась какая-то женщина и повела нас к себе. У неё мы жили 5 дней. Потом снова ехали. Началась бомбежка. Люди в ужасе толпой побежали к склону реки. Мама не побежала со всеми, решив: будь что будет. Мы остались живы, добрались до Козельска, на дорогу ушёл целый месяц. На станции мама увидела знакомого и попросила известить родителей о нашем приезде. Дедушка встретил нас на повозке. Это был конец августа».

На рассвете 8 октября в Козельск ворвались фашисты. Вот как запомнились эти дни жителям Нижних Прысок. Вспоминает Мария Ивановна Шутова, 1928 года рождения: «Помню, как отступали части Красной Армии. Ехали на телегах, подводах, шли пешком — около суток тянулись вереницы отступающих. Бомбёжка началась ночью. Немцы наступали со стороны Потросова

— Попелева. Их позиции располагались на возвышенности, в поле за рвом, на краю деревни. Во время бомбежки сгорели 5 домов. Жители успели покинуть свои дома. Позиции наших войск находились в лесу за Жиздрой. Видимо, немцы специально поджигали дома, освещая себе поле сражения. Во время бомбежки мы прятались в чужом подвале, там собралось несколько семей. В подвал попал пылающий снаряд. Мы успели покинуть убежище. Около подвала стоял немецкий солдат, но он нас не тронул. Люди в страхе побежали к оврагу у маленькой речки. Въезжали немцы в село велоселом, на машинах, мотоциклах, кидали детям безделушки: заколки, брошки...»

Анна Сергеевна Воробьева (в прошлом учительница начальных классов) вспоминает: «В 1941 году мне было 13 лет. Немцы пришли в село поздней осенью. Наша мать была вдовой, отец умер до войны. Мы очень боялись, услышав немецкую речь. Но к нам они не зашли. Неподалеку, у лесочка, жил лесник. Звали его Иваном. Перед войной он провел три года у немцев. Они заходили к нему, назначили старостой. Иван отвечал за порядок в селе, раздавал муку и зерно со склада, который располагался в Нижнепрысковской церкви. Иван оказался предателем. Когда вернулись наши, его расстреляли в Потросове».

В последующие дни немцы продолжали вытеснять красноармейцев из села, заставляя их отступать в лес.

О тех днях вспоминает Евдокия Михайловна Столярова, 1926 года рождения: «Около нашего дома (в этом доме, напротив церкви, она живет и поныне) немцы застрелили русского солдата. Нам с сестрой немец приказал закопать его. Кругом стреляют — страшно, а отказать нельзя. Сестра ухитрилась вытащить у солдата документы и отослала их семье убитого. Там, где сейчас находится улица Турбинная, был колхозный сад. В нем стоял домик сторожа Николая. 9 октября фашисты зах-

ватили сына сторожа Аркадия и его друга Павлова. Немцы приняли их за партизан, вывели из сторожки и выстрелили им в спину. Павлов чудом остался жив. Истекшая кровью, он пролежал около 5 часов, пока его не подобрала сестра Николая».

Все дни оккупации население района жило под страхом смерти. Продолжались бомбардировки. Вспоминает Мария Ивановна Шутова: «Кто-то сказал нам, что прятаться надо на Новом селе, люди кинулись туда. Мы с 11-летним братом побежали к тетке, у неё в подвале собралось человек 20, много детей. Дети словно понимали опасность — не плакали. С нами был 17-летний комсомолец Дима Сомов. Мы боялись, что немцы убьют его, поэтому присыпали парня картошкой. К нам заглянул немецкий солдат: «Есть партизаны?». Мы, ни живы ни мертвы, опустили на колени, подняли руки вверх — молчим. Парня он не заметил».

Из воспоминаний Т.В. Александровой: «Зашёл в дом бабушки немец, где в то время жили мы, ее невестка с тремя детьми — всего 12 человек. В избе две кровати, на них матрацы из холстины, на полу солома настлана, в углу печка, где дед и бабушка спали. Когда вошёл немец, дети еще спали. Немец осмотрел комнату, плюнул и выругался: «Русские свиньи». Дети испугались, закричали. Он вышел в сени и стал требовать у бабушки молока. Бабушка ему: «Ах ты разбойник! Чем я детей кормить буду?». Немец ударил её хлыстом. В ту ночь весь курятник нам очистили, от кур и гусей остались одни головы».

Из воспоминаний А.С. Воробьевой, 1926 года рождения: «С приходом немцев колхозный скот на какое-то время был брошен без присмотра, коровы ходили сами по себе. Люди стали отлавливать их и приводить на подворье. Мы тоже привели себе телочку. Немного обжившись, немцы стали сгонять скотину на бойню, забрали и нашу телочку. Оккупанты ходили по домам,

отбирали еду, обыскивали кладовки. Помню, как они собирали яйца. С ними ходили деревенские дети и носили за ними корзины. У нас кур не было, был один гусь. Немец пинком сбил его с ног и скрутил птице голову».

За период оккупации немецкие грабители отобрали у населения района около 5000 голов крупного рогатого скота, 2000 — свиней, 20000 — птицы.

Вспоминает А.И. Маркина: «В нашем доме был немецкий штаб, а дом стоял у большака. Охранял штаб хороший человек, думаю, это был не немец. Он говорил нам: «Хозяйки, прячьте продукты, закапывайте». Семья наша теснилась в чулане. Оттуда был лаз на кухню, где мы спали. В саду вырыли себе окоп, ходила молва, что будет большое сражение. Но немцы, ожидая наступления наших войск, прогнали нас оттуда.

Нас они не трогали, но мы обходили их стороной. Пошли разговоры, что будет бомбёжка. Мы побежали укрываться к тетке на Новое село. У неё был большой кирпичный подвал, в котором собралось человек 60. Когда уходили, скотину свою мы закрыли. Ночью была бомбёжка, сильно стреляли. Наутро мать моя хотела идти к скотине, но я вызвалась подменить её. Побежала к дому, у дома стоял немецкий часовой с винтовкой наготове. Решила: убьёт. Но он потихоньку опустил винтовку и отвернулся. Так и не выстрелил.

Позже все мы вернулись домой. Немцы приводили в дом пленных, разутых, раздетых, а на улице — мороз, вьюга. Потом куда-то уводили их, расстреливали. Спустя время наши также водили пленных немцев, тоже раздетых и разутых».

Отправив мужей на фронт, женщины взяли на себя заботы о хозяйстве, все тяготы легли на их плечи.

Рассказывает Мария Кирилловна Столярова (Семенова), 1916 года рождения: «Муж мой погиб под Мединью. Сначала его не брали в армию по болезни, а

призвали только через месяц. Спустя несколько месяцев был у меня солдат, который воевал с ним. Сообщил, что мой муж погиб от разрывной пули. Детей у меня было четверо, но они умирали в младенчестве. Осталась одна грудная девочка, да еще девочка 6 лет, приёмная. Как малодетную, взяли меня на заготовку леса, возила лес в долину, что за Оптином. Работала без трудней, как мобилизованная. Давали кусок хлеба и три кусочка сахара в день. Сутробы были по грудь, иной раз споткнется лошадь и завалится — надо вытаскивать. Тянем, а сами плачем. Домой приедешь, а тут бомбёжка, прятались где придётся. От бомбёжки за моим домом погибла 12-летняя соседская девочка. Немцы дома у нас бывали, но нас не обижали. Помню, взял немец мою маленькую девочку на руки и булочку ей предлагает (умерла она потом, не дожив до 5 лет). Голод нас очень донимал, спасибо, у нас была корова... И снег мы чистили с дорог, и окопы рыли в Полошкове, когда предполагалось наступление».

В общей сложности оккупация Козельска продолжалась 81 день. Освобождали район от фашистских захватчиков войска 10-й армии под командованием генерал-полковника Ф.И. Голикова и гвардейская кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Н.С. Осликовского, наносившие основной удар с севера и запада. С юга наступала 75-я кавалерийская дивизия полковника Масалика и 2-я гвардейская дивизия. Свыше 500 самолетов противника бомбили позиции наших войск. Бой продолжался весь день 27 декабря, а 28 декабря Козельск был освобожден. Линия фронта передвинулась в направлении Сухиничей.

Из воспоминаний Е.М. Столяровой: «Пошли слухи, что наши где-то рядом. Сестра ездила за дровами через реку в лес, видела наших, сказала, что скоро будут здесь. Как-то раз смотрим: идут немцы цепочкой со стороны Жиздры. Стали требовать у нашего бригадира

лошадей, чтобы отвезти их на Сухиничи. Выделили им три повозки, и женщин наших обязали их везти. Женщины боялись, не хотели ехать, а куда деваться — поехали. Доехали только до Казачьей — кругом стрельба, бомбят, немцы слезли там, а женщины вернулись назад. Через день — два в село пришли наши. Остановились на постой и у нас в доме: голодные, кормить надо, а у нас только картошка да капуста... После освобождения села еще целый год была бомбёжка».

Из рассказа М.И. Шутовой: «Когда немцы отступили, стали местные находить в лесу замёрзших немецких солдат. Анна Матвеевна Беловинцева ехала с работы из леса, на пне немец сидел, еще живой. Подойти она побоялась, а на следующий день смотрит — он уж заочеченел...».

Вспоминает А.С. Воробьева: «Посылали нас чистить трассу для прохода нашей техники — машин, пушек, танков. А тут пошла чуть не каждый день немецкая бомбёжка. Козельск освещался как днём. И каждый день мы ходили чистить большак. На улице метели да вьюги, а дома спать приходилось на полу — по всем хатам ночевали наши солдаты. От бомбежки на работе прятались в сугробы. Самолеты летали низко, били трассирующими пулями. У нашей тетки 12-летнего мальчика Гришу разорвало снарядом. Стояла зима 1942 года».

Свой рассказ продолжает М.И. Шутова: «Как только наши войска немцев отогнали, сделали наши солдаты в Дубровке аэродром. Это была у них перевалочная база, для подзаправки и отдыха. Отсюда они взлетали для участия в сражениях на Западном фронте. Нас частенько посылали расчищать аэродром от снега. Чистить его нужно было очень тщательно, иначе самолеты не могли взлетать. А после работы мы бегали в солдатские землянки, которые были построены тут же, в лесу, чтобы обогреться и обсушиться. Обуты мы были в лапти с онучами — у кого что было. Солдаты угощали нас картошкой, мерзлым хлебом...»

Даже в таких нелёгких условиях женщины, дети, старики — все, кто мог работать, не оставляли своих повседневных крестьянских забот, стараясь из всех сил помочь фронту. Не хватало инвентаря, машин, лошадей. Приходилось перебрасывать инвентарь из одного колхоза в другой, пахать на коровах и даже копать поля лопатами. Также не хватало семян, фуража, продовольствия. Вместе со всей страной жители села Нижние Прыски пережили четыре военных года и делали всё, чтобы приблизить День Победы.

*Сергей СОЛНЦЕВ,
ученик 10 класса Каменской средней школы.*

Про деда и прадедов

Историк П. В. Волобуев сказал: «Победа в Великой Отечественной войне стала звездным часом нашей страны в XX веке». Это особенно чувствуется в юбилейные годы.

Вот и сейчас, в год 60-летия великой Победы, не просто оживляется интерес к теме войны. Чувствуется, что память, живая, добрая память о той Войне — даёт нам, юным потомкам уже уходящего поколения победителей, особые возможности. Словно льётся на нас Свет их Победы, будто появляются у нас от этой Памяти новые Силы и новые Знания. Словно переходит к нам энергия Добра и Любви, без которых немислимо было одолеть фашистское зло перед лицом всего ужаснувшегося мира. Именно таким одолением, битвой Добра против Зла и стала героическая эпопея, растянувшаяся на долгие 1418 дней.

Если бы в каждой нашей семье нашелся кто-то, кто описал бы военные воспоминания семьи, получилась бы грандиознейшая книга! Ведь война, так или иначе, коснулась всех. Это было воистину дело, труд и подвиг всего народа.

Если бы я была на месте Путина (у которого мне лично удалось взять автограф, когда я была на Рождественской елке в Кремле), то издала бы президентский указ, чтобы каждая российская семья в год шестидесятилетия Победы прислала прямо в Кремль свои семейные военные заметки!

Оба мои прадеда и дед по линии отца — внесли свой семейный вклад в Победу.

Начну с прадедов. Деда моего папы по материнской линии звали Иван Иванович Копылов. До войны он был директором нефтебазы Козельского района. По партийной линии участвовал в организации первых колхозов района, например, в Слаговищах. Вскоре после начала Великой Отечественной войны вся его семья была эвакуирована, а он сам — направлен под Ленинград комиссаром партизанского отряда. Его отряд был разведывательно-диверсионный: их забрасывали для отдельных операций на территорию, оккупированную врагом, а потом возвращали обратно. Один из самых ярких рассказов прадеда о том времени остался в памяти моих дядюшек и тетушек. Он передает суровость военного времени. В отряде прадеда нашелся человек, который похитил паёк, из-за чего возникли продовольственные трудности в отряде. Когда похититель был уличён, его расстреляли перед строем всего отряда!

Дедушку папы по линии отца звали Торхов Илья Иванович. Он ровно на сто лет старше своей правнучки (т.е. меня). Его год рождения 1890-й, а мой 1990-й! Ему пришлось пройти целых три войны! Вначале воевал на Первой Мировой. Был отравлен хлором при немецкой газовой атаке. Выручила его смекалка: он помогился на рубашку, прикрыл ею лицо — и это спасло от гибели! Потом попал в плен. В плену делал немцам печки — он был отличный печник, и к нему очень благожелательно относились за его мастерство.

Гражданская война тоже его коснулась: он был мобилизован в трудовую армию под руководством Л. Троцкого. Так что Великая Отечественная была третьей войной Ильи Ивановича. Одним из самых трогательных моментов в военной истории нашей семьи была случайная встреча моего прадеда и деда на военных дорогах. Точные подробности уже никто не помнит. Известно, что армии, в которых находились мои предки — отец и сын — передвигались в соответствии с

планами командования. На одной из фронтовых дорог их пути пересеклись. Не знаю точно, в каком районе это произошло, в какое время года. Но без труда могу себе вообразить их крепкие мужские объятия, радость на их таких родных для меня лицах, знакомых мне по старым семейным фотографиям.

У папиной сестры — моей тёти Елены Михайловны Ивановой (она — директор нашего Дома культуры и одна из солисток знаменитого Дешовского народного хора) — хранится дорогой для всей нашей семьи документ. Это истрёпанный, сильно истлевший и пожелтевший тетрадный листок, на котором мой дед Михаил Ильич Торхов написал письмо с фронта своей матери Екатерине Яковлевне. Многие буквы уже стёрлись от времени: ведь письму скоро шестьдесят лет. Оно написано 14 апреля 1945 года! И я, и мои сестры, и братья, и тети, и дяди время от времени перечитываем это письмо: «Здравствуй, моя дорогая и горячо любимая мамуся Екатерина Яковлевна! Я знаю, что твоё бедное сердце беспокоится обо мне. Моя родная, успокойся, не лей понапрасну слез! Я жив и здоров. Пока помалу прихрамываю. Но это все пока временно. Скоро нога заживет окончательно. Рана не особенно серьёзная. Вот я тебе, дорогая, высылаю фото. Фотографировался в госпитале, кажется, мало чем изменился. Ещё прошу — не плачь! Меня когда доктор осматривал (ногу и рану), спросил: «У тебя мать есть?». Я говорю: «Есть!». «Так вот, — говорит, — это для мамы: если бы немного ниже — пришлось бы отрезать ногу!».

По-видимому, счастье хранит меня для тебя. Это — четвертое (ранение). Первый раз немного бы ниже, и я — лишился бы руки. Второй раз: немного бы ниже — и перебило бы кадык. Третий: немного бы вправо — и пуля попала бы в висок. И это — четвёртое. Но ничего: ведь говорят — бережёного Бог бережёт!

Мама! Мне часто вспоминается твой сон, о кото-

ром ты мне когда-то рассказывала. На горе стояла рябина — такая красивая. И народ, идя мимо, спрашивал: чья это? А это, говорят, — Илюшки Торхова. Да, кажется, это так! Это — сбывается. Ну, дорогая, кончаю писать. Желаю тебе успехов и счастья в твоей престарелой жизни».

Письмо завершают приветы тётям и другим родным и сыновний поцелуй. Я не раз читала и перечитывала это письмо. Это самый выразительный и трогательный лично для меня документ войны. Я даже пробовала написать стихи по его мотивам. Вот они:

Катерина Яковлевна, мама!
 Знаю, очень знаю я его —
 (и кому же знать-то, как не сыну) —
 Сердце материнское твоё!
 Обо мне болеет и страдает,
 Потихоньку молится в тиши!
 Ты пиши мне, мама дорогая!
 И почаще, милая, пиши!
 Ранен я уже четыре раза!
 Но твоей любовью всякий раз
 Я спасен от смерти, как от сглаза,
 То же и с ногою вот сейчас!
 И врачи сказать тебе велели —
 Чуть бы ниже — не было б ноги!
 Не твои ли, матушка, молитвы
 Пулям вражьи были как враги!
 Жизнь моя — как яркая рябина
 Из твоих же предвоенных снов:
 Гроздь красная — как кровь ранений,
 Но пышна стоит — и выжить я готов!
 На тебя смотрю я прямо с фото —
 Я такой, поверь мне, и сейчас.
 Слышу, как стрекочут пулемёты,
 Приближая нашей встречи час!

Жив, здоров я, руки-ноги целы —
Утешайся, милая моя!
Передай привет всем дядям, тётям!
Пусть живет спокойно вся семья!

Помимо дедова письма с фронта дошел до нас и его личный блокнот, любовно и аккуратно украшенный рисунками и рамочками. Дедушка делал в нем записи и в годы войны, и в первые послевоенные годы. В него он также вклеил немало фотографий своих родных и однополчан. Здесь же записаны его рукой различные афоризмы, высказывания, стихи, а также — своего рода «заповеди» воина. Например, на одной из страниц написано: «В бою не страшись пролить кровь, бойся потерять совесть!». На другой странице читаем: «Подвиг есть пренебрежение собой ради великой цели».

В самом конце блокнота Михаил Ильич сделал краткое описание своего служебного пути в РККА — так называлась тогда армия нашей Отчизны. Это значит — Рабоче-крестьянская Красная Армия. Там же говорится и о главных вехах его послевоенного трудового пути.

Я пишу о военных годах своей семьи накануне дедова дня рождения. Он родился 16 ноября 1923 года. На фронт он ушел семнадцатилетним парнишкой, а вернулся — двадцатидвухлетним юношей. Так что Великая Отечественная — это почти вся его юность.

Те, кто помнит его ещё ребенком, — говорят, что он был живой и озорной мальчик, способный к учёбе и очень смелый. Как раз в июне 1941 года Михаил Ильич закончил 10 классов. Уже на следующие сутки после выпускного вечера был призван в ряды Красной армии. Закончил курсы младшего командира. Он был десантником. Прошел путь от командира взвода до помощника начальника штаба батальона. Он был ранен пять раз. Одно из ранений давало о себе знать всю жизнь сильными болями и затруднением дыхания, ведь оказалась

задета трахея. Мой дедушка умер довольно рано, раньше своего отца-фронтовика почти на семь лет. В год его смерти, в 1967-м, ему было всего 44 года. Так что я знаю о нем только по рассказам родных и по немногим сохранившимся записям.

Мой дед был награжден многими орденами и медалями: орденом Красной Звезды (самой первой из советских боевых наград), орденом Отечественной войны, медалью «За отвагу» и другими.

Войну дедушка закончил в звании капитана. А сын его, мой родной дядя Михаил Михайлович Торхов, продолжая традиции защиты Родины, служил в пограничных войсках и окончил службу подполковником погранвойск.

А теперь уже мой родной брат — Михаил Юрьевич Торхов менее чем через год окончит Московский Военный Институт Федеральной Пограничной Службы РФ.

В число семейных реликвий вошла такая фотография: мой брат Миша, курсант этого института, стоит на фоне памятной доски отличников, среди которых без труда прочитывается наша фамилия с инициалами дяди. Иногда, разглядывая этот снимок, я мысленно вижу прямо рядом с братом фигуры деда и обоих прадедов в военной форме.

Я верю, что наша жизнь не прекращается вместе со смертью. А может быть, душам ушедших людей дано видеть нас, их потомков! Если это так, думаю, что и дедушка, и прадедушки, прошедшие немало фронтовых дорог, радуются, глядя на моих дядю и брата.

Анна ТОРХОВА, 9 кл., Дешовская ср. шк.

Я горжусь своим народом...

У меня нет ни одного прадедушки. Когда я спрашивал о них у родителей, мне отвечали, что они без вести пропали на войне. И эта фраза — «без вести» — рисовала в моём воображении бездонную черноту, в которой бесследно исчезает всё живое. Эта страшная бездна называлась войной. Став постарше, я многое узнал о войне из художественных фильмов и книг. Война изображается в них по-разному: есть кинокомедии, а есть и тяжёлые, безжалостные документальные кадры тех лет. Глядя их, невольно начинаешь думать о том, что многие люди не были готовы к трудным военным испытаниям. Но ради спасения своей Родины они не жалели жизни, терпели голод, холод, боль и отчаяние.

Многие миллионы семей проводили на войну своих мужей, отцов, братьев и сыновей, каждый пятый из которых не вернулся к родному порогу, не увидел своих повзрослевших детей, не помог восстанавливать разрушенный дом. И многие павшие солдаты до сих пор не найдены, не похоронены или просто лежат в безымянных могилах и в братских мемориалах под табличкой «Неизвестный солдат». Я часто думаю, стоя у могилы неизвестного солдата, что где-то в другом городе, а может быть, селе вот так же стоит у Вечного огня какой-нибудь человек и возлагает цветы на могилы моих прадедушек, лежащих в той земле. И каждый раз, принося цветы к памятнику Неизвестному воину, я отдаю дань памяти всем павшим в боях, потому что все погибшие солдаты стали для нас, живущих после войны, одной

огромной семьей. Все они, захороненные в разных городах, являются для нас ярким примером мужества и самопожертвования. И пусть многие из них не успели получить ордена и медали, не стали Героями Советского Союза, но каждый солдат ценой своей жизни на мгновение приблизил окончание войны.

Я горжусь нашим народом и уверен, что мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы укрепить нашу страну, сделать её сильной, красивой, мудрой, чтобы ни мы, ни наши потомки не испытали ужасов войны.

Яков ФИТИСКИН, 9 кл. шк. №3 г. Козельск

Такое не забывается...

Моего дедушку зовут Бондарев Василий Иванович. Он мой самый большой друг. Я очень люблю своего дедушку. Он часто рассказывает мне о себе, особенно мне интересны рассказы о его боевых подвигах. Вот что я узнал о его жизни из этих рассказов.

Дедушка рос мальчиком подвижным, хорошо учился, много читал. Особенно любил книжки исторические, где описывались различные сражения — о преображенцах Петра I, об орлах-молодцах Суворова. Наверное, с тех самых детских лет в сознание запала солдатская поговорка «Сам погибай, а товарища выручай».

Детство проходило в тихой Россоши Воронежской области. Дедушкин отец Иван Павлович имел небольшой клочок земли, лошадку, этим и кормил большую семью. Кроме старшего Василия в семье ещё было три сына — Пётр, Алексей и Савелий. Хозяйка дома Ефросинья Максимовна не работала. В 1938 году её не стало, а когда началась война, отца призвали в армию, где и пропал он без вести. Дом, хозяйство, забота о младших братьях легли на плечи моего дедушки.

К этому времени дедушка учительствовал в местной школе, вёл уроки в младших классах. Он вспоминает: «Услышав о вероломном нападении фашистской Германии, собрались всем коллективом школы, все были возмущены, осуждали коварные замыслы врага, верили в скорую победу Красной Армии...».

Но до победы было далеко.

Призвали дедушку в армию в январе 1943 года. Определили его в миномётчики. Пройдя подготовку,

дедушка попал на фронт — в места, где шли бои местного значения, под село Брынь Сухиничского района Калужской области. Эти дни и особенно деревню Ясенок, дедушка запомнил на всю жизнь.

«Подняли рано. В шесть утра накормили и поставили задачу: «Взять высоту!». Пошли взводом. Тогда никто не знал, что это была разведка боем. Взводный, меж собой звали его Кузьмичом, всем нам в отцы годился, определил меня связным при себе. Вскоре вступили в бой. Во взводе служило много казахов, киргизов. Как кого из них убьют, сбиваются вокруг него кучей и на своём языке причитают. Кузьмич подозвал меня и говорит: «Ползи, Вася, туда, успокой ребят». Пополз под огнём, пока добирался до противотанкового рва, красноармейцев-мусульман в нём уже не оказалось, видно, поубивало всех и землёй накрыло. Возвращаюсь обратно, чтобы командиру доложить об этом ужасе. Огонь не прекращается. Только дополз, а тут прямо на моих глазах Кузьмича минным осколком рвануло в живот, только и успел прошептать: «Доложи комбату».

Тут-то в сознании всплыла та русская солдатская поговорка, которую не раз встречал в исторических книгах: «Сам погибай, а товарища выручай». Взвалил дедушка командира себе на спину и пополз в сторону медсанбата, который располагался поблизости в кусточках. Ползёт, а сам думает: «Только бы Кузьмича успеть живым дотащить». При этом почти не почувствовал, что самого осколком в спину ранило. Приволок дедушка Кузьмича, сдал санитарам, сам едва на ногах стоит, шинель вся от крови мокрая, то ли от командировой, то ли от своей. Поди, разберись. Тогда и вправду ничего страшного от этого осколочного ранения не произошло. Теперь металл стал беспокоить, к старости...

Оборонительные бои у деревни Ясенок продолжались. Армия несла большие потери. Наступило небольшое затишье. По всему было видно: что-то готовится.

Наступление началось так же неожиданно, как и первый бой. Сначала всех подняли, накормили и поступил приказ взять высоту.

Дедушка со взводом стрелков получил задание овладеть улицей Широкой. В атаку пошли короткими перебежками — от одной траншеи до другой, от одной канавы к другой. Каждый подвал брали с боем. Немцы сдаваться не собирались, отбивались до последнего патрона. В центре деревни за фундаментом разбитого дома засела группа фашистов. Простым налётом таких не возьмёшь. Как же разрешилась эта боевая ситуация?

Дедушка вспоминает: «Как-то быстро я обтёрся на войне в этих затяжных оборонительных боях. За такое короткое время столько повидал. И здесь, в уличном бою, без чьего-либо приказа пришло решение подавить врага гранатой. Встал во весь рост и бросил её в сторону немцев. И всё. На этом бой для меня закончился...».

Дедушка ещё не знал тогда, оглушённый и раненный в голову, заливающийся кровью, что его решение и действия помогли в овладении важной высотой.

От смерти его спасла каска. Потерявшего сознание бойца отправили сначала в медсанбат, а оттуда, как тяжелораненого, в полевой госпиталь. На поправку пошёл быстро, но два месяца отвалиться пришлось.

Из госпиталя путь лежал в 58-й запасной стрелковый полк. Вместе с запасным полком шёл дедушка дальше на запад, к Минску. Уже как обстрелянный боец передавал опыт новобранцам, учил их управляться со станковым пулемётом «максим». Вскоре ему присвоили звание старшего сержанта и назначили командиром взвода. Здесь получил радостное известие: его наградили медалью «За отвагу» за тот самый бой, когда он на спине вытащил Кузьмича. Уже потом были другие награды — орден Отечественной войны I степени, медаль «За победу над Германией» и много, много юбилейных медалей.

Большая и трудная жизнь лежит за плечами у моего дедушки. В этом году отметил он свой 80-летний юбилей. Годков уже много, но горестно не от прожитых лет, а от потерь. Зияющая рана горечи лежит на сердце — скольких за это время товарищей по оружию, по победе пришлось проводить в последний путь. Уходят ветераны тихо, без возгласов «Ура!» Может, это самое горькое поражение в жизни победителей...

Павел ЧУБЫРЕВ, 7 кл., ср. шк. №1, г. Козельск.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОБЕДИТЕЛИ

660 дней оккупации. ШАЛЫГИН И.....	5
Этот парад Победы. ЗОТОВ А.....	9
Война мне снится до сих пор. МАРКИНА Р.И.....	13
Письмо с фронта. ПОТАПОВ В.....	17
Фронтовые судьбы. БАРАНОВ А.....	19
Дорогами войны. СИВАЕВ Н.....	37
Козельская эпопея. ИЛЬИН В.....	39
Жители Козельского района, участники партизанского движения в войне 1941-1945 гг.. ФРОЛОВ А.....	62

ДЕТИ

Простите нас... Галина СЕРГЕЕВА.....	101
Без вести пропавший. Николай СТЕПАНОВ.....	103
Земной поклон вам, ветераны... Любовь ДОЛБИНА.....	122
Приказ. Владимир РОДИОНОВ.....	128
Капитан СМЕРШа. Сергей ТЕСМИН.....	132
Эпизоды эпопеи. Валерий ЦВЕТКОВ.....	140
Земля, ты помнишь. Светлана ШУБЕРТ.....	179
Гордость отцов. Виктор КРИВЦОВ.....	181
Дети войны... В. ШУВАЕВА.....	187

ВНУКИ

4-я школа г. Козельска.....	195
Песнь о войне. Юлия ГАВРИКОВА.....	198
Чудеса на дорогах войны... Евгений ЗДАНОВИЧ.....	200
Дни великих испытаний. Сергей СОЛНЦЕВ.....	203
Про деда и прадедов. Анна ТОРХОВА.....	211
Я горжусь своим народом... Яков ФИТИСКИН.....	217
Такое не забывается... Павел ЧУБЫРЕВ.....	219

**Козельское общество русских литераторов
выражает благодарность руководству МО
«Козельский район», МО «Город Козельск»
и директору иконописной мастерской
«КАНОНЪ» Александру Васильевичу
РЕНЖИНУ за помощь в издании Альманаха.**